Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЙНА

ВОЕННО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

Сборник второй.

Издание управл. военно-учебных завед. западного фронта.
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ.

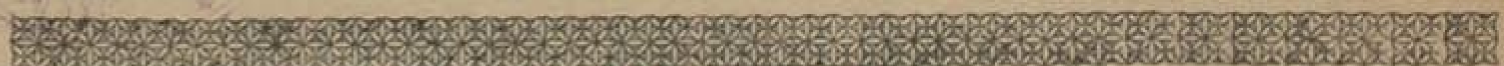
1920.

2-я Советская тип. в Смоленске

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЙНА

ВОЕННО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

Сборник второй.

Издание управл. военно-учебных завед. западного фронта.
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ.

1920.

2-я Советская тип. в Смоленске.

СОДЕРЖАНИЕ:

Библиография.

Ф. Огородников.

Подготовка командного состава для Красной Армии.

Взгляды Гувуз'а.

В известиях Наркомвоен, в журнале „К новой Армии", который был одновременно оффициальным органом Гувуз'а и Всеобуч'а, а затем в его преемнике «Военное Знание", который остался уже только органом Гувуз'а, проходит ряд статей и заметок принадлежащих большей частью перу представителей и сотрудников Гувуз'а и имеющих задачей осветить положительные и отрицательные стороны подготовки красных командиров и наметить наиболее правильные пути для разрешения этого вопроса.

Содержание этих статей сводится к тому, что хотя подготовка красных командиров на курсах Гувуз'а и обнаруживает некоторые довольно существенные недостатки, но в общем ее можно признать удовлетворительной, или как осторожно выражается один из авторов указанных статей *) „огульное обвинение красных командиров в неподготовленности вряд ли вполне безпристрастно".

Отсюда делается вывод, что „фронты" должны всеми мерами усилить командировки своих кандидатов на командные должности туда, где подготовляются красные командиры, т. е. на курсы Гувуз'а, не увлекаясь стремлением подготовки своего комсостава на местах, собственным попечением.

Автор статьи „Слово за фронтом", напечатанной в номере 154 Известий Наркомвоен, а затем в № 1 Военного Знания, приводит следующие лестные отзывы о красных командирах последних выпусков на юго-западном фронте:

*) МИХЕЕВ. «Нападки на красных командиров» № 7—8—«К Новой Армии».

„Начальник административного отдела юго-западного фронта в своем докладе пишет: „курсанты производят с внешней стороны весьма благоприятное впечатление“... Инспектор пехоты т. Пугачевский отмечает: „главное достоинство красных командиров—их классовое сознание целей борьбы, а также героические подвиги“. Он же отмечает наблюдающееся улучшение в общей подготовке прибывающих красных командиров. А начальник упраформа 1-й конной армии т. Мацилевский коротко и ясно заявляет: „красные командиры выше всякой похвалы“.

Но увы!—пишет далее тот же автор, вслед за комплиментами идут жалобы не менее серьезные и не менее авторитетные. По мнению автора все отзывы о красных командирах, не взирая на наличие серьезных противоречий между ними, все же сходятся в одном: хороши те красные командиры, которые поступили на курсы с фронта; безупречны те питомцы командных курсов, которые предварительно занимали должности унтер-офицеров и отделенных командиров; безусловно слабы, а подчас и непригодны те красные командиры, которые прибыли на курсы с воли.

Веское и мощное слово, которого автор ожидает от фронта, должно, по его мысли, побудить воинские части отказаться от „патриотизма колокольни“ и дать курсантов с боевым опытом. Другой автор, С. Михеев, в статье „Командные Курсы Гувуз‘а и фронтов“ в № 1 «Военного Знания» еще определеннее указывает, что учреждая курсы для командного состава, фронты берутся не за свою работу.

Подобные мероприятия, по словам автора, «отвлекают на себя внимание Р. В. С фронта, тогда как все внимание должно быть всецело обращено на часть оперативную, в прочих же отношениях штабы фронтов должны ограничиваться требованиями всего необходимого с тыла».

Этот принцип „требования с тыла“ С Михеев всецело распространяет и на подготовку командного состава. Формировоние фронтовых курсов, по его словам, приводит лишь к возникновению маленьких фронтовых гувузиков, бедных средствами, опытом и отвлекающих людей от боевой работы, сами же курсы не могут выдержать сравнения с Гувузскими курсами, которые лучше их обставлены и преподавателями и учебными пособиями.

В итоге С. Михеев видимо приветствует тот факт, что «это ненормальное явление обратило на себя внимание Р. В. С. Р. и в настоящее время приказом от 2-го июня № 955, запрещается всякое новое формирование военно-учебных заведений без предварительного соглашения с Гувузом»...

Все эти земечания и выводы представителей Гувуза, в особенности в редакции С. Михеева вызывают необходимость серьезного освещения.

Забота о подготовке командного состава, во всяком случае составляет не только право, но обязанность фронта. Слишком распространительное толкование упомянутого С. Михеевым приказа Р. В. С. Р. было бы несомненно ошибочным. Признание излишними всяких фронтовых курсов было бы во всяком случае, крупным недоразумением, раз'яснение которого и составляет задачу настоящей статьи.

Но прежде, чем переходить к существу вопроса, считаем не лишним привести вкратце сущность заявлений о подготовке красных командиров, поступающих с Гувузских курсов, насколько дело касается нашего западного фронта.

Недостатки подготовки.

Отзыв одного из инспекторов для поручений инспектору пехоты западного фронта в июле м-це: испытанию подверглось 70 командиров прибывших с разных курсов в период времени с 3-го по 17-е июня.

Хорошо подготовленных и способных занять должности ротных командиров оказалось 2, 7 человек можно назначить на должности помкомроты, а 14 подготовлены во всех отношениях слабо и направлены на повторительные курсы. Большинство достаточно знакомы с уставами, однако познаний своих на практике приложить почти не умеют, теряются и долго думают, решаясь на то или другое распоряжение".

Отзыв инспектора пехоты в июле месяце, по донесениям инспекторов для поручений о результатах испытания специального класса Н—ых пехотных курсов:

1) Программа топографии не закончена. Слабое понятие о построении профили по горизонталям. Приемы маршрутной с'емки усвоены недостаточно. Некоторые курсанты не могли ответить чем отличается план от кроки.

2) Ответы по уставам удовлетворительны, но практически ни один из уставов, кроме строевого, не поверялся.

3) При решении небольших тактических задач на планах общий недостаток:—крайне слабое уменье читать карту; попадались совершенно неумевшие разбираться по карте. При обороне—стремление занять непрерывную позицию с хорошим обстрелом. При наступлении—недостаток стремительности. Издали начинают перебежки мелкими частями и по одиночке, не считаясь ни с местностью ни с действиями артиллерии, как своей, так и противника. Смешивают движения вперед и атаку с ударом в штыки, которую начинают с криком „ура" с большого расстояния. В строю шевеление, кашель, иногда разговоры. При открытии огня забывают дать точку прицеливания и высоту прицела. Взводные не выходят за строй. Не знакомы с приемами для встречи кавалерии. Управления сигналами и знаками не знают. При стрельбе „по взводно" забывают, что командир роты не может командовать таким строем, а только управляет им. Применение к местности не усвоено. Команды в цепи вялые, неуверенные.

Разбивка окопов, расчет и подвод людей и самый порядок исполнения работ не усвоены.

В общем уставы усвоены, но чисто теоретически, практических занятий было очень мало и, благодаря этому, курсанты ограничиваются теоретическими рассуждениями и на настоятельные предложения не разговаривать, а действовать, они от действий всетаки уклоняются, стремясь изложить действия теоретически".

Основываясь на таких результатах испытания, инспектор пехоты просит распоряжения, чтобы курсанты, находясь в продолжении 2—3-х недель в резерве, привлекались к практическим занятиям в поле. О результатах испытания в конце июля на других пех. курсах, **которые считаются лучшими**, инструктор для поручений инспекции военно-учебного дела на западном фронте докладывает следующее:

„По тактике, из сорока выпускных курсантов, только 2—3 курсанта отвечали хорошо, 30—удовлетворительно и 8—9 слабо". Но, как видно из подробностей доклада, удовлетворительную оценку следует считать также весьма условно,—в докладе говорится: курсанты плохо, не сноровисто, разби-

раются в данной им обстановке, слабо ориентируются по плану или карте. Нет навыка в решении самых простых тактических задач на ведение боя роты или взвода.

Недостаточно твердо усвоены основные свойства главных родов войск: артиллерии, конницы и даже пехоты. Хромает техника отдачи распоряжений и управления огнем взвода в бою.

Многие курсанты не умеют, толково и уверенно отдавать самые простые распоряжения, например, выслать дозор или указать направление движения для боковой заставы. По некоторым другим предметам удовлетворительность ответов оказалась столь же условной:—

По артиллерии отмечено: с устройством материальной части ознакомлены довольно слабо; слабо знают основные свойства артиллерии, как рода оружия и какие требования может пред'являть пехотный начальник; недостаточно твердо усвоен вопрос о взаимодействии в бою пехоты и артиллерии.

Только по фортификации отмечены заметные результаты практической подготовки, благодаря наглядным пособиям и работе преподавателя.

Такие результаты подготовки красных командиров на пехотных курсах уже вызвали ряд распоряжений по западному фронту, а именно:

1) увеличить на курсах тактические занятия в поле за счет казарменных;

2) обратить внимание на чтение карт и планов;

3) увеличить стрелковую подготовку за счет шагистики;

4) выпускных курсантов в первую очередь назначить в запасные части для практической подготовки.

Подготовка курсантов прибывающих из артиллерийских курсов относительно еще ниже, чем для пехотных.

Суммируя отзывы артиллерийских начальников и представителей арт. инспекции, производивших осмотр артиллерийских частей на местах, инспектор артиллерии фронта еще в январе м—це дал заключение, что подготовка красных командиров, выпускаемых из советских курсов настолько слаба, что они не годны к замещению должностей взводных командиров, в лучшем случае это—среднего качества нисший командный состав. Многие из них, сознавая недоста-

ток авторитета, стремятся уйти из строя на политические должности; те же, которые не сознают своего служебного несоответствия или не желают этого сознать, считая создавшееся для них положение актом несправедливости, занимают враждебное положение к комсоставу из кадровых офицеров артиллерии, на которых в действительности ложится боевая работа. Окончившие советские курсы на должностях младшего комсостава расцениваются значительно ниже, нежели феерверкера старой армии с боевым опытом и с подготовкой бригадных учебных команд.

Главнейшие недостатки в подготовке.

Основы правил стрельбы знают лишь немногие; большинство же о пристрелке не имеют никакого понятия; употребление уровня и понятие об углах возвышения, прицеливания и местности, об определении наименьшего прицела, о веерах, о выборе закрытых позиций, о работе с угломером и с оптическими приборами и о назначении последних,—почти никем из курсантов не усвоены; производят впечатление, что обо всем этом они лишь что-то слышали.

С картой и с работой целлулоидным кругом плохо ознакомлены; не ознакомлены совершенно с организацией артиллерии и с ведением хозяйства в батареях.

Из прибывших на укомплектование частей артиллерии за февраль, март и апрель 140 красных командиров последних выпусков, которым было сделано испытание при запасном артиллерийском дивизионе с прецставителяли инспектора артиллерии, Упрафорзапа и Военкома, оказалось удовлетворительно подготовленными и годными к замещению должностей взводных командиров лишь 30 чел., из остальных: 40 красных командиров отправлены на повторные курсы; 70 командиров признаны совершенно неподготовленными и „полными невеждами в артиллерийском деле;“ многие в военном отношении оказались невоспитанными и с большим самомнением.

О первоначальной подготовке красных командиров в кавалерии и других родах войск у нас под рукой не было документальных данных, но в общем недостатки однородны с теми, которые выше отмечены.

Приведенные заключения о первоначальной подготовке красных командиров настолько определены, что, как говорится, едва ли нуждаются в комментариях.

Ясно, что подготовка эта в общем не может быть признана удовлетворительной. Особенно слаба важнейшая сторона этой подготовки, т. е. практическая или прикладная.

Курсанты идут в армию без прочных хотя-бы элементарных познаний и без ум-нья приложить их на деле, но с привычкой рассуждать в тех случаях, когда рассуждать не о чем и когда нужно просто решаться и действовать.

Такая подготовка не только не принесет пользы, но влечет за собой необходимость нового труда, чтобы устранить, по крайней мере, ее вредные последствия для армии.

Каковы эти последствия для тактической подготовки войск видно из отчетов инспекторов в армиях, которые на основании поверки тактических занятий в целом ряде частей в нескольких дивизиях доносят:

„Подготовка комсостава по всем отделам полевого обучения оставляет желать многого; забыты самые элементарные сведения из тактики и воинские уставы".

По сравнению с подготовкой прежних юнкеров и прапорщиков военного времени, подготовка красных командиров ниже, главным образом, по недостатку общеобразовательного ценза.

Но главная беда надвигается со стороны недостатков, которыми в прежнее время особенно отличались молодые офицеры и прапорщики, а теперь все более начинают отличаться вновь выпущенные красные командиры.

Эти недостатки даже не в слабой тактической и военно-учебной подготовке, но в недостатке военного воспитания и понимания военного дела.

На ряду с легкомыслием и самомнением вредно действует уверенность, что раз курсы „успешно" окончены,— военная карьера обеспечена; проверять знаний никто не будет, а если и будет, то неудача никакого практического значения иметь не может.

Разница с прежним положением лишь в том, что прежде выпускные офицеры и прапорщики, имея известное образование, если они не были слишком испорченными по натуре или по другим причинам, не могли в глубине души не

сознавать, что самоуверенность в них прикрывает лишь слишком недостаточный запас знаний и подготовки. Именно, общее образование или, по крайней мере, вращение в кругу образованных и знающих военное дело людей, давало им понятие о том, как много надо учиться для военного дела и как не велики их познания.

Теперь и этого корректива во многих случаях быть не может.

Мало образованному и несведущему человеку все кажется просто по той причине, что он не понимает трудности дела. Он может ошибаться в этом смысле даже вполне добросовестно.

Отсюда ясно, как далеко могут завести недостатки современной подготовки красных командиров и насколько нужна коренная реформа в этом отношении.

Причины недостаточной подготовки на курсах Гувуз'а.

Нельзя сказать, чтобы в Гувузе не учитывались недостатки в подготовке красных командиров, которые к тому же, слишком общеизвестны, чтобы с ними не считаться.

В статье „Реформа военно-учебного дела в России" (Известия Наркомвоен № 108) тов. Петровский указывает, что главным злом наших командных курсов была их краткосрочность.

Поэтому, говорит он дальше, некоторые краткосрочные командные курсы обращены в образцовые с соответственным удлинением сроков обучения. Другие обращаются теперь в нормальные военные школы, которые, внешне, пожалуй, будут напоминать старые военные училища, но по существу учтут опыт двухлетнего существования рабоче-крестьянских курсов.

Соответственно этому плану, часть командных курсов должна работать напряженно и „молниеносно быстро", чтобы удовлетворить ближайшие нужды фронта. Другая должна обратить все свое внимание на тщательную и планомерную подготовку более „квалифицированного" командного состава.

Оканчивающие краткосрочные курсы должны впоследствии продолжать и укреплять свое образование в школах высших ступеней.

В другой своей, уже цитированной выше, статье „Слово за фронтом“, тов. Петровский поясняет, что рабочие и крестьяне никогда не побывавшие на военной службе, могут быть допущены только в долгосрочное военно-учебное заведение. Краткосрочные же курсы должны комплектоваться, главным образом (чтобы не сказать—исключительно), из воинских частей.

Далее в статьях тов. Петровского говорится о „единстве“ военной „доктрины“ в смысле единой военной школы, разделенной по ступеням и специальностям, первым шагом к организации которой должен быть академический совет при Гувузе, при помощи которого, Гувуз должен будет связать низшее и среднее военное образование с высшим академическим.

Говорится также в общих выражениях о „наглядно-лабораторном“ и „активно-лабораторном“ методе преподавания, который, по словам тов. Петровского, во многих военно-учебных заведениях уже вытеснил старые, отжившие свой век, методы преподавания.

По вопросу о верности и необходимости долгосрочных курсов для красных командиров из рабоче-крестьянской среды едва ли может быть несколько мнений.

Вполне очевидно, что при недостатке общеобразовательного ценза, общая продолжительность обучения не должна быть меньше, чем это было установлено в прежних военных училищах.

Если приходилось и приходится производить ускоренные выпуски, то это есть вынужденная уступка требованиям данного времени,

Можно пожалеть, что эта „уступка“ с самого начала существования Гувуза обратилась в общее правило. Если бы в свое время удалось отстоять и сохранить хотя бы несколько прочно поставленных военно-учебных заведений, хотя бы с двухгодичным курсом, то теперь мы уже получали бы подлинных красных офицеров из рабоче-крестьянской среды.

Несомненно надо, не теряя времени, переходить к долгосрочным курсам, так как ряды лучшего и более опытного командного состава редеют с каждым месяцем, с каждой неделей и заменять убыль становится все труднее и труднее.

Несомненно, что с увеличением сроков обучения подготовка красных командиров должна улучшиться.

Но успешность подготовки зависит не только от ее достаточной продолжительности, но также и от интенсивности (напряженности) занятий, которая ярче всего сказывается в практических приемах и в практических результатах обучения.

В цитированной выше статье, тов. Петровский под „наглядно-лабораторным" и „активно-лабораторным" методами обучения, повидимому подразумевает именно методы практической подготовки.

Но едва ли можно утверждать, чтобы эти методы уже применялись в достаточно широких размерах на курсах Гувуза.

По крайней мере мы знаем наверное, что на курсах, расположенных в пределах западного фронта, они до самого последнего времени применялись и применяются в очень недостаточных размерах.

Для приложения практического метода необходимы некоторые предварительные условия, а именно:

1) Соответствующие программы и планы занятий,

2) Преподаватели,

3) Пособия.

Мы решаемся утверждать, что, вопреки заявлению С. Михеева, все эти условия на курсах Гувуза существуют пока в недостаточных размерах, а потому и практические занятия в необходимом размере производиться не могут.

Начнем с программы и планов.

Недостатки плана занятий.

Как это ни странно, но на курсах в Смоленске вполне новых программ и планов до сих пор не получено.*) В инспекции военно-учебного дела запфронта их также нет.

*) Примеч. ред. Когда статья поступила уже в редакцию, новые программы были на курсах получены. В инспекции получены 4 октября.

Приходится руководствоваться планом прохождения 3-х месячного курса в специальных отделениях, который не отвечает установленному ныне сроку обучения.

В об'яснительной записке к плану занятий по тактике указано, что всего должно быть отведено: на теорию 33 часа, на практику в классе 34 часа и на практику в поле 53 часа.

Топография, фортификация, артиллерия, стрелковое и пулеметное дело должны служить необходимым своевременным подспорьем для усвоения тактики и должны быть с ней согласованы.

Задумано правильно, но посмотрим, какое получилось исполнение.

Начинается с общего введения в курс тактики, на что отводится 8 часов для теоретических и 6 часов для практических занятий в классе на рельефных планах.

Начинается прямо с „учения о бое", затем с общих понятий об огне, разведке, охранении, строях роты и баталиона и боевых, сторожевых и походных порядках и, под конец, о родах войск.

Из практических занятий в классе уделено по одному часу на изложение приказов и донесений, разведку пехотную и кавалерийскую, охранение на месте и на походе, применения строев роты на рельефном плане, тоже для баталиона а, под конец, применение боевого порядка роты на рельефном плане.

Затем указана 1-я репетиция.

Ничего не говорится о тактике и важнейших тактических терминах, пропущено о связи и о маневре, с маневренными строями и порядками; непонятно, почему общее понятие о родах войск отнесены на конец введения, а также для чего включено применение боевого порядка роты, прежде чем дать о нем сколько-нибудь основательное понятие.

Далеее на изучение боевого порядка роты затрачивается 6 часов на теоретические занятия в классе, 1 час на практические и 5 часов на два выхода в поле.

Можно с уверенностью сказать, что при общем крайнем недостатке во времени, на эти занятия, имеющие в виду лишь формальную сторону боя, независимо от задачи, отводится слишком много времени. После необходимых общих понятий

полезнее для практической подготовки пройти остальное на самом ходе наступательных и оборонительных действий. На практические занятия в классе отведен всего один час, при том на „применение пулеметов и патронных двуколок к местности“.

Вероятно здесь какой нибудь недосмотр, которым, быть может, об‘ясняются и многие другие недостатки плана, но конечно, это не говорит в пользу основательности составления.

На наступательный бой роты уделено 4 часа теории, 6 час. на практические занятия в классе и 13 часов на 4 выхода в поле. Времени отведено достаточно. Можно даже усомниться, чтобы удалось в течение одной недели сделать подряд четыре выхода в поле; во всяком случае это возможно не во всякое время года, но план занятий с этим не считается. Но пусть будет так.

Как же использовано это время для занятий?

Практические занятия в классе, кроме показной задачи против которой ничего нельзя возразить, состоит в решении **„письменной задачи“** (!). Преподавателю предлагается „выправить все эти задачи дома“, затем разобрать перед классом и в исправленном виде возвратить курсантам, с указанием каждому в отдельности его главнейших ошибок.

На все это дается три часа (!).

Нужно ли пояснять, что такое требование во первых,— нецелесообразно, ибо письменные задачи несомненно явятся камнем преткновения для большинства курсантов, даже наиболее способных, а во вторых,—просто невыполнимо.

Тот кто вел подобное занятие с курсантами, наверное с этим согласится. Еще удивительнее, что занятия в поле, кроме 4-х часовой беседы и показной задачи, на которую дано всего три часа, состоят также из решения каждым курсантом того же „цикла задач“, как выражается Гувуз, что и на практических занятиях в классе

Каждым курсантом должно быть решено две задачи: подготовительная и отчетная; каждая задача должна сосоять, помимо устного доклада и устных распоряжений, из кроки и соответствующего приказа; на каждую дается три часа, т. е. время совершенно недостаточное не только для письменности и кроки, но и для толкового решения задачи на наступле-

ние, от подхода к полю сражения до атаки включительно; о каком нибудь разборе и говорить не приходится. Вероятно его нужно делать „дома“ а затем выставлять отметки и подшивать все к делу. Всего замечательнее, что во всех этих занятиях курсанты прямо выполняют какую нибудь отчетность по боевым обязанностям ротного командира, но совсем не обучаются обязанностям взводного командира. Мудрено ли после этого, что они не знают ни тех, ни других.

Оборонительный бой роты и сторожевое охранение проходится по тому же методу одиночных, показных и отчетных задач, с письменными приготовлениями; на походное движение в поле дается всего три часа, на бой за местные предметы - один час теоретических занятий и один час практических в классе; встречный бой и ночные действия совсем не производятся; на понятия о боевом применении полевой артиллерии, вместе с боевыми столкновениями пехоты с конницей дается всего один час в последнюю неделю занятий, затем еще один час на кавалерийскую атаку в классе; и один час на „артиллерийские позиции“, тоже в классе.

В общем **весь план по тактике нельзя иначе назвать, как „неудовлетворительным“**, несмотря на то, что по первому впечатлению в нем, как будто, уделено достаточно времени для практических занятий.

Бросим взгляд на другие планы, чтобы выяснить их согласованность с планом занятий по тактике.

План, так называемой, полевой подготовки дает 14 часов (две недели) на разсыпной строй и стрельбу в цепи (без задач) и кроме того 11 часов (в течении 3-х недель) на инструкторские занятия, т. е. обязанности взводного и отделенного. Таким образом, на технику рассыпного строя уделено времени достаточно, хотя ни в программе, ни в плане, ни в об‘яснительной записке ничего не упоминается о применении к местности и работе лопатой. За то на показные учения тактического характера отведено очень мало времени. На показное взводное ученье со всеми стрелковыми задачами— только четыре часа; на два показных ротных учения,—одно на наступление другое на оборону,—всего пять часов и т. п.

В об‘яснительной записке не указано, но из плана видно, что по строевому уставу сперва втечение всего двух часов проводится почти все ротное ученье (до боевого по-

рядка включительно), потом то же самое повторяется еще три часа, потом еще раз повторяется в течении трех часов с добавлением баталионного учения и, наконец, все ротное и баталионное ученье повторяются еще раз втечение трех часов.

Таким способом нельзя даже заучить, но можно несколько раз просмотреть устав и не вынести ничего существенного.

Но всего важнее. что ротные ученья по уставу приходится начинать только с 9-й недели, между тем, по плану тактики уже на третьей неделе заканчивается изучение боевого порядка и наступательного боя роты, а на четвертой неделе решаются задачи.

По плану тактики сперва изучается сторожевое, а затем походное охранение, а по уставам—наоборот.

Таким образом, план занятий по тактике не согласован с планом занятий по уставам. Тактика сама по себе, устав сам по себе. При этом является непонятным, каким образом можно изучать приемы тактических действий роты, когда курсанты не знают элементарнейших уставных положений!

Эта оторванность тактики от устава составляла один из главнейших недостатков системы обучения в старой армии. Весь недостаток общей „доктрины“, о которой за последнее время так много писалось и говорилось, в значительной мере выражался именно в недостатке единства между уставом и тактикой, которому план Гувуза снова не оказал достаточного внимания. Чтобы покончить с разбором плана, остается отметить, что планы занятий по предметам, наиболее тесно связаными с тактикой, а именно: по артиллерии и топографии, тоже не преследуют необходимого с ней единства.

По топографии на чтение планов крупного масштаба (в плане они почему-то называются «стенными» и «учебными» картами) отведено один час в первую неделю и по одному часу в пятую, шестую и седьмую. Снова становится непонятным, каким же образом на четвертой неделе требовать решения письменных задач с составлением кроки? Чтение верстовой карты начинается с восьмой, а двухверстовой (лучшей и простейшей из наших карт) только с десятой недели, под самый конец курсов.

На артиллерию отведено всего 12 часов, а потому теоретическое преподавание сводится преимущественно к об'яснению уже готовых таблиц, схем и чертежей крупного мас-

штаба, но еще полезнее было бы, конечно преподавать показом на моделях и действительной материальной части, что не так трудно осуществить для фронтовых школ.

Кроме того необходимы занятия на рельефных планах и вообще на планах крупного масштаба в связи с тактическими задачами. Можно было бы даже не отводить для этих занятий особых часов с тем, чтобы преподаватели по тактике и по артиллерии вели их совместно,*) но план Гувуза вовсе на них не останавливается, а потому, в конце концов, все преподавание носит слишком теоретический характер,

Действия снарядов проходятся: шрапнели на 3-ей недели, гранаты и бомбы на четвертой недели.

На занятие при орудиях только один час и только два часа, в самом конце курса, предназначены для „демонстрирования тактического применения артиллерии", т. е. для выбора позиций и наблюдательных пунктов и для показа способов измерения величин отклонений снарядов в стороны и по высоте.

Таковы главнейшие недостатки плана Гувуза. Быть может существует другой, более совершенный план, но, как сказано выше, его нет на курсах, а потому приходится руководствоваться тем, что есть, но, как видно этот влан в очень недостаточной степени обеспечивает правильную постановку занятий и уже, сам по себе, указывает на одну из причин таких недостатков к подготовке красных командиров, как неумение распорядиться в поле и решить простую тактическую задачу, поверхностное или теоретическое знание устава, неуменье читать планы и карты и т. п.

Недостаток пособий.

Обратимся к вопросу о пособиях.

Пособия, разумеется, нужны в каждой школе, чем бы она не занималась.

*) Тоже было бы полезно и по фортификации.

Но когда школа имеет практические задачи, в короткий срок с учениками от сохи или от станка, непривыкшими к отвлеченным понятиям, не владеющими ни пером ни карандашом, тогда, само собой разумеется, пособия приобретают такое значение, что и самая школа не может без них сколько нибудь успешно функционировать.

В плане Гувуза об этих пособиях упоминается почему то только для прохождения курса артиллерии, да и то, как указано выше, довольно поверхностно, Кроме того в плане тактики сказано: „предположено завести деревянные ящики с песком, каковых в настоящее время на курсах не имеется, хотя отсутствие их в достаточной мере восполняется наличием вышеупомянутых рельефных планов".

Несколько странно звучит, что рельефные планы, требующие, как известно, не мало материалов, работы и искусства для своего изготовления, уже имеются, между тем, деревянные ящики с песком еще только предполагается завести. В действительности же на многих курсах нет никаких ни рельефных планов, ни просто планов крупного масштаба, а ящики с песком заброшены и никто на них не занимается. Таково, по крайней мере положение дел на курсах Гувуза, расположенных на западном фронте.

Можно, конечно, утверждать, что в летнее время, располагаясь к тому же в загородных казармах, можно обойтись без всяких рельефных планов. Но это не верно.

Для подготовки красноармейцев это действительно возможно, но для командного состава поле не заменяет карты и плана, а для занятий на картах и планах нужны предварительно занятия на рельефных планах и на ящиках с песком.

Человеку с небольшим образованием, привыкшему к физической работе, понимание чертежа, а тем более его исполнение даются с трудом. Для него легче сделать подобие местности, чем ее себе представить или начертить.

Вот почему необходимы занятия именно на ящиках с песком.

Кроме карт и планов, в качестве пособий нужно доступные для массы курсантов учебники, конспекты, схемы, таблицы и т. п. За свое двухлетнее существование Гувуз смог их изготовить в очень ограниченном количестве.

Если не считать двух трех учебников, то таких пособий совершенно нет. Условия же для издания таковы, что вряд ли Гувузу удастся расширить свою деятельность в ближайшем будущем.

В органе Гувуза „К новой Армии“ в номере 4 напечатана статья Изместьева: „Методы подготовки красных командиров“, в которой автор говорит следующее:

— „Я вполне согласен, что курсам нужны показательные пособия, всякие шаблоны, модели, но у нас их нет и достать негде. Лично я заказал модели, но если образцы их будут требоваться для утверждения в Москву, то исполнители рисковать своим трудом вряд ли пожелают. В этом деле нужно немножко доверия и нам здесь (в Петрограде), ибо среди нас, я полагаю, есть лица в достаточной мере компетентные в решении вопроса, удовлетворяет ли та или иная модель или таблица своему назначению или нет“.

Как видно, вопросы эти даже для Петрограда решаются не без больших затруднений.

Недостаток преподавательского состава.

Перейдем к самому, как говорится, больному вопросу, к преподавателям.

Уже сам по себе разобранный выше план занятий на курсах Гувуза служит достаточным показателем, что с преподавательским персоналом дело обстоит неблагополучно. Если бы был резерв хороших преподавателей, то новый план Гувуза не имел бы тех крупных недостатков, которые нами отмечены.

В номере 37 „Известий Наркомвоен“ за текущий год напечатана любопытная заметка: „Задачи командования на Командных Курсах“, в которой автор т. Шатуновский говорит о важном значении комиссаров на курсах и о мерах для их комплектования.

Но одновременно касается и преподавателей.

В статье говорится:

„Со спецами дело обстоит проще. Их много. Пригласить на командные курсы спеца на какую угодно роль—довольно легко. Большое наследие оставили нам прежние военные училища, школы прапорщиков и т. п. Но для того, чтобы новое дело стало их делом, нужно, чтобы оно не было для них побочным. А этого достигнуть легко".

Но в том то и беда, что именно этого в больших центрах достигнуть не так просто.

Прежде всего настоящих специалистов в центральных управлениях и вообще в крупных центрах далеко не так много, как думает цитированный автор. Большинство уже давно **на фронте**.

А те, которые имеются—служат в разных управлениях и заняты преподаванием, как побочным трудом.

Напрасно также думает автор, что достаточно иметь какой-нибудь стаж по прежней службе в училище или в школе прапорщиков, чтобы сделаться хорошим преподавателем в новых условиях.

Нельзя не напомнить, что наши прежние военные училища и школы прапорщиков далеко не могли служить образцами для практической постановки занятий с будущими офицерами. Хорошей, правильной школы у нас в этом отношении не было.

Между тем, ныне требования практического метода занятий еще более возрасли, и не имея основ, развивать этот метод далеко не так просто.

Трудность увеличивается от недостатка разработки не только правил и программ, но и самых предметов преподавания, тех приемов действий (в особенности тактических), которые должны передать методы преподавания.

Все наши учебники страдают многословием и неопределенностью. Ясно, коротко и определенно поставленные требования надо еще вырабатывать. И возлагать, в этом отношении, большие требования и надежды на преподавателей курсов из центральных управлений или даже на штатных преподавателей курсов было бы невозможно, так как они, прежде всего, слишком **далеки от требований практики, т. е. от фронта.**

Нельзя не отметить, что Гувуз стремится установить и поддержать эту связь с фронтом через фронтовые инспекции, которым поручается наблюдение за ведением занятий, также путем получения с фронтов разного рода сведений, инструкций, приказов.

Но все эти вспомогательные средства—паллиативы, а некоторые из них способны только увеличивать переписку, лить воду на бюрократическую мельницу.

Если к изложенному добавить чрезвычайные трудности преподавания в больших центрах, где постоянно приходится проделывать большие расстояния, зимой заниматься в неотопляемых помещениях, а летом переселяться или пробираться всеми способами в далеко расположенные лагери, прибавить так же всю неурядицу с преподаванием на курсах, где занятия чередуются с неожиданными командировками, нарядами, ловлей дезертиров, митингами, работами, культурно-просветительными собраниями и увеселениями, то вся трудность преподавания и преподавательского вопроса сделается вполне понятной.

Приходится не набирать преподавателей из готовых специалистов, как думает т. Шатуновский, а готовить их к новой деятельности.

Для этой цели Гувуз имеет военно-педагогическую академию, но оставляя в стороне вопрос о возможности таким путем подготовить преподавателей для практического метода, нельзя не призвать, что одной этой академии далеко недостаточно. Требуется работа совсем в другом масштабе, подготовка по служебным, боевым приказам и наставлениям, специальная, интенсивная, ответственная служба, близкая непосредственного участия командного состава и штабов.

Но таких средств на курсах Гувуза быть не может.

Недостаток курсантов.

Наконец, остается еще один больной вопрос,—это о курсантах.

Как известно на командных курсах, состоящих в ведении Гувуза, большой некомплект слушателей, в особенности на пехотных курсах. Это вызывает целый ряд мер: вербовочные

компании при содействии Центрального Совета профессиональных союзов и Центрального Комитета Союза Коммунистической молодежи.

Можно надеяться, что с течением времени эти меры приведут к желаемым результатам, но с недостатком курсантов, как определенным явлением, нельзя не считаться.

В журнале „К Новой Армии" в статье „Вопросы подготовки командиров", В. Муратов по поводу комплектования новых школ с долгосрочным временем обучения говорит:

„Молодому человеку, рабочему или крестьянину, затратить несколько лет на положение ученика военной школы, имея перед собой всюду широкие **практические** возможности современности, которые дают ощутительные результаты быстро, в ближайшие же дни и месяцы, покажется неразумным".

Это говорится, как уже отмечено, о будущих долгосрочных (двух и трехгодичных) школах, но те же общие причины действуют уже в настоящее время, уменьшая приток курсантов, в особенности на пехотные курсы, за которыми открывается менее интересная и более трудная служба.

Вот почему наиболее верным источником комплектования курсов являются войсковые части на фронтах, в которых личные интересы и способности молодых людей, уже призванных на настоящую, военную службу, побуждают их к стремлению на командные должности.

Как видно из краткого отчета, напечатанного в № 2 „К Новой Армии" к двухлетию Гувуза, большинство из поступающих на курсы приходит из войск; 60,8% имеет боевой стаж.

Вполне понятно поэтому, что руководители Гувуза, как это мы видим в цитированной уже ранее статье „Слово за фронтом", настойчиво призывают войска отрешиться от „узкого патриотизма своей колокольни" и дать курсантов.

Но войска туго идут навстречу.

Причиной такого явления до известной степени есть действительно „потриотизм своей колокольни", но есть и другие причины, а именно: оторванность курсов от фронта, недостаток уверенности, что, не взирая на обещания и приказы, хорошие кандидаты в комсостав действительно вернутся в свою часть, а не с'умеют устроиться как нибудь иначе. Нако-

нец, известное значение имеет и отрицательное отношение к подготовке курсантов, с которыми по прибытии приходится еще не мало заниматься в очень трудных условиях.

В итоге, с недостатком притока курсантов из фронтовых частей надо считаться, и едва-ли можно рассчитывать побороть это явление в ближайшем будущем.

Для разрешения этого вопроса, как и многих других, связанных с успехом подготовки красных командиров, надо искать другие пути, к рассмотрению которых мы и обратимся.

Необходимость войсковых курсов.

Задача подготовки красных командиров несомненно представляет большую сложность, а потому и не может быть, по крайней мере, в данное время, т. е. во время еще незаконченной войны, разрешена каким нибудь одним, универсальным способом.

Все толки о единой школе звучат еще пока в далекой высоте, между тем, действительность требует немедленной работы.

Перед нами, во всяком случае, две больших задачи:

1) Подготовка инструкторов и «гражданских офицеров», о которых говорит Жорес в своей книге „Новая Армия“,— для создаваемой вновь милиционной армии,

2) Подготовка комсостава для действующей армии.

О первой из этих задач мы не будем говорить, так как это слишком расширило бы размеры настоящей статьи. Что же касается подготовки комсостава, то, как отмечает тов. Петровский, она может итти двумя путями: через долгосрочные (двух-и трехгодичные) нормальные школы для сырого материала, никогда не служившего в войсках, и через краткосрочные курсы—через ряды войск.

В существовании долгосрочных курсов фронт заинтересован, но в меньшей степени, чем в краткосрочных.

Если Гувуз может справляться с долгосрочными курсами, то фронт может только приветствовать его работу.

Долгосрочность курсов даст, вероятно, возможность преодолеть те затруднения, о которых говорилось выше.

Иначе обстоит дело с краткосрочными курсами.

Отказаться от них при современных условиях не представляется возможным.

Но ни по своей структуре, ни по своим средствам, ни по общему положению вещей, как было изложено выше, Гувуз не может с ними справляться, а потому для этого рода подготовки необходимо установить совершенно другую систему.

Систему эту всего правильнее назвать системой **войсковых школ или курсов**, о которых у нас до сего времени очень мало заботилось.

При всех разговорах о военной доктрине и единой школе не надо упускать из виду, что и такую школу и доктрину может создать только фронт.

Всякая иная школа и доктрина, быть может, даже более совершенная, не будет иметь под собой почвы, если она не создалась в действительной боевой обстановке, на том материале, который имеется в действительности. Но можно подойти к тому же вопросу еще проще.

Фронт не может довольствоваться для пополнения необходимого ему комсостава лишь тем материалом, который ему дает Гувуз, занимаясь потом его усовершенствованием и приспособлением для действительных надобностей.

Он вынужден и обязан принять сам все меры, чтобы у него был достаточно многочисленный и достаточно подготовленный комсостав, независимо от того, что ему посылает Гувуз.

Фронт не может также при подготовке комсостава довольствоваться такими общими задачами, как „приучить тактически мыслить“ или «расширить тактический горизонт», готовить вообще красных офицеров.

Фронту нужны определенно взводные, ротные, баталионные, полковые и бригадные командиры, а потому он должен определенно готовить взводных, ротных, баталионных, полковых и бригадных командиров.

Ему нужны военные инженеры, специалисты по связи, штабные работники, делопроизводители, этапные коменданты, командиры транспортов и обозов, шоферы, телеграфисты, телефонисты и пр.,—а потому он и должен готовить работников по всем этим специальностям, не ожидая, когда ему пришлют их из центра.

Все это особенно верно в настоящее время, при крайнем недостатке комсостава и специалистов—техников и при постоянном возростании потребности в них, в связи с широтою разрешаемых и предстоящих задач.

Никакие заботы центра, а тем более междуведомственные перегородки, не могут изменить этого естественного хода вещей; остается только, как можно скорее, направить его в соответствующее русло.

Система войсковых курсов сама по себе не представляет ничего особенно нового, и применялась, и применяется, как у нас, так и в иностранных армиях.

В царской армии для командного состава существовали, так называемые, тактические занятия, полевые поездки и военная игра.

Изданное в феврале текущего года „Наставление для занятий с командным составом рабоче-крестьянской Красной армии“ имеет ввиду применение той же системы занятий, но достигнуть этого, быть может, удастся лишь более или менее в отдаленном будущем.

Надо стремиться, по возможности, к целям, которые ставят это наставление, но оно предполагает такие средства и такую предварительную подготовку командного состава, которых пока еще нет в действительности.

Нет возможности требовать от каждого современного командира полка и баталиона, чтобы он руководил практическими занятиями и вел „особое занятие с руководителями“, когда большинство этих командиров сами нуждаются в элементарной систематической подготовке.

Нельзя также основывать всю подготовку комсостава на решении различных задач, более или менее случайного характера, по выбору очень мало подготовленных или вовсе не подготовленных руководителей, когда не существует ни одного систематического сборника подобных задач, когда даже наши основные уставы, строевой и полевой, имеют много недостатков и очень мало или никаких хороших толкований или пособий для их тактического изучения.

Между тем „Наставление для занятий с комсоставом 1920 года“ в значительной степени представляет лишь простой ско-

лок с прежних наставлений для прежней армии и не устанавливает никаких промежуточных этапов, чтобы подойти к отдаленной цели.

Чтобы перейти к занятиям по „Наставлению“, надо еще выработать программу практического обучения, дать образцы, подготовить руководителей и, притом, в особенности на первое время, **упростить и уточнить требования**.

Чтобы это сделать надо составить не случайные задачи, разрешаемые по разнообразным методам, но **систематические курсы** обучения, хотя бы и на короткие периоды.

Подобные курсы были установлены в минувшую большую войну 1914—1918 годов в некоторых армиях, когда особенно сказалось, с одной стороны недостаток подготовки вновь прибывающих укомплектований командного состава, с другой—крайняя потребность подготовки к ведению войны в новых условиях, созданных той же войной и современной техникой.

Перед нами, например, „Наставление для ведения обучения начальствующих лиц“ (кадров и войск, которое было введено главнокомандующим Жоффром во Французской армии в Октябре 1915 года.)

Многие офицеры, говорится в этом „Наставлении“, удостоенные производства за свои личные заслуги и умение управлять в бою, очень часто имеют самое незначительное чисто техническое профессиональное образование, которое и должно быть пополнено при всякой к тому возможности. Полезно также обучать офицеров не только своему прямому делу, но и обязанностям по должности, непосредственно высшей, на которую обстоятельства всегда могут их выдвинуть.

Для облегчения таких специальных занятий, помимо обычных, под руководством ротных и баталионных командиров, по Французскому Наставлению 1915 года, указывалось учредить при штабах дивизий особые курсы, поручаемые кому-либо из особенно выдающихся офицеров.

Для усовершенствования подготовки офицеров Генерального Штаба, из которых многие по своей специальности проходили лишь ускоренный курс, учреждались особые школы при штабах фронтов. Кроме офицеров, не окончивших полного курса академии, в них назначались по выбору Главнокомандующих фронтов, также и некоторые раненые и выздоравливающие офицеры.

Дивизионные школы для пехоты должны были иметь четыре самостоятельных отделения:

1) Отделение для подготовки ротных командиров.

2) Учебные команды для практического обучения взводных командиров.

3) Учебная пулеметная команда.

4) Учебная команда специалистов: гренадер, бомбометчиков, войсковых сапер, телефонистов и пр.

Подобные же школы учреждались для других родов войск.

При современных условиях нашей армии, организация должна быть несколько иная. Кроме школ ротных командиров, необходимо иметь школы для более высоких начальников. Часть школ иметь при дивизиях, часть при штабах армий, некоторые школы при штабе фронта.

Общая схема войсковых школ.

Общая схема могла бы быть, примерно, такая: 1) Школа штабных работников. 2) Школа бригадных и полковых командиров. 3) Школа командиров артиллерийских дивизионов. 4) Инженерная школа.	**При штабе фронта.**
5) Школа баталионных и ротных командиров, командиров кавалерийских дивизионов и эскадронов, командиров артиллерийских батарей. 6) Школы взводных и ротных командиров для пехоты, взводных и эскадронных командиров для кавалерии и взводных и батарейных командиров для артиллерии.	**При штабе фронта и при штабах армий.**
7) Школы отделенных и взводных командиров и разного рода учебные команды.	**При штабах дивизий.**

Часть школ должна быть при управлении запасной армии.

Кроме того, различные школы техников-специалистов

могут оставаться и вновь открываться, по мере надобности, при штабах армий, при управлении военных сообщений, при автозапе и, наконец, при милитаризованном политехникуме в Смоленске.

Общая задача школ или курсов для комсостава должна состоять, как в поверке их подготовки для соответствующих назначений, так и в усовершенствовании этой подготовки.

Смотря по результатам испытаний и по ближайшему ознакомлению с обучаемыми, часть их может быть возвращаема в свои части несколько раньше, другая часть может быть задержана для дальнейшего усовершенствования или расширения в познаниях.

Так, например, из школ для взводных и ротных командиров некоторые обучаемые могут быть выпущены с аттестатами на взводных, другие, с более продолжительным сроком обучения, с аттестатами на ротных командиров.

В зависимости от этого, сроки обучения могут быть установлены различные.

Средняя продолжительность занятий в каждой из школ может быть установлена от 3-х недель до 2-х—3-х месяцев.

Для тех обучаемых, которые будут нуждаться в особых занятиях по общеобразовательным предметам, кроме дополнительных часов занятий, могут быть установлены подготовительные курсы.

Особенности такого рода школ, по сравнению с краткосрочными курсами Гувуза:

1) Определенно практическое направление и назначение.

2) Тесная и непрерываемая связь с фронтом и строевым командованием.

3) Неразрывная связь со «строем», в который обучаемые должны постоянно возвращаться.

4) Соответственный подбор обучаемых для каждых курсов по аттестациям и предварительным испытаниям, с ответственностью командировавших их начальников.

5) Сочетание краткосрочности курсов каждого определенного назначения с общей продолжительностью обучения, для тех обучаемых, которые будут подвергаться последовательному обучению на нескольких курсах.

Таким способом, все обучение не будет носить «молние-

носного» характера, в одно и то же время занятия в школах не будут отрывать обучаемых от строя на продолжительное время.

Не следует закрывать глаза на трудности проведения этой системы обучения при современных условиях.

Но все же для фронта задачи обучения по очерченной схеме, если не легче, то доступнее, чем для Гувуза, по целому ряду причин.

Трудности кратких сроков могут быть ослаблены: во первых подбором обучаемых, во вторых строгой, так сказать, служебной определенностью программ, приспособленных к действительной потребности.

Таким способом, придется, конечно, несколько с'узить программы, но войска и начальники не будут на это в претензии.

Во время японской войны, японцы, удивляясь разносторонности знаний наших офицеров, говорили про них, конечно, с преувеличением, что они знают все, кроме военного дела, тогда как японские офицеры ничего не знают, кроме военного дела.

Нам приходится готовить командный состав в таком об'еме, чтобы каждый начальник знал, по крайней мере, свое дело. Хорошо, если он будет обучен, как говорится в Наставлении ген. Жоффра, обязанностям по должности, непосредственно высшей. Но задаваться более широкими задачами мы пока не можем.

Можно сказать, что при коротких сроках подготовки трудно вообще задаваться сколько нибудь полными программами по отдельным предметам, но можно на целом ряде хорошо подобранных и разработанных примерах пройти по всем предметам именно то, что необходимо для их достаточно глубокого усвоения, а, вместе с тем, и для практичекой подготовки обучаемого.

В частности, трудно расчитывать пройти от доски до доски все уставы и, кроме того, порядочный курс тактики.

Но можно, например, пройти важнейшие из уставов и, одновременно, дать правильное тактическое толкование и освещение тем параграфам уставов, которые в этом нуждаются.

Этот предмет в прежнее время назывался прикладным уставом; к нему и надо, прежде всего, обратиться, по крайней мере, при занятиях с младшим комсоставом. С высшими начальниками одного прикладного устава, конечно, недостаточно, но метод должен быть тот же, строго практический. В настоящее время уже имеется особое оффициальное наставление для старших начальников: „Боевое применение стрелковой дивизии и высших кавалерийских соединений", составленное в Инспекциях при полевом штабе Р. В. С. Р. Оно дает вполне достаточный материал для занятий со старшими начальниками.

Такой же материал имеется в приказах, указаниях и наставлениях по отдельным вопросам.

По вопросам о пособиях и преподавателях или руководителях для войсковых школ, об'ективно разсуждая, остаются в общем такие же трудности, как и для курсов Гувуза, но фронт располагает совсем другими средствами и способами.

Не даром теперь все делается для фронта и тот же Гувуз, на ряду с другими центральными учреждениями, дал уже не мало своих сил для фронта.

Хороших и вполне готовых руководителей, несомненно, недостаточно.

Но фронт имеет больше выбора и больше возможностей вызвать к интенсивной работе.

Нужно готовить руководителей.

Все школы строевых начальников, начиная от ротных командиров, должны быть одновременно и школами руководителей.

Может быть временно понадобятся особые курсы для тех руководителей, которые должны будут поставить занятия с комсоставом там, где они вовсе не производятся или не налажены.

Но и в этом отношении в распоряжении фронта имеются такие возможности, каких нет у Гувуза.

Большую пользу может принести соответствующее инструктирование резерва комсостава запасной армии, где этот комсостав имеется в количестве, достаточном для выбора инструкторов.

Лица, пригодные на должности начальников, должны быть инструкторами для подчиненных или лиц младшего

комсостава и для войск, но обратное заключение было бы неверно. Вполне возможны случаи, когда лица, вполне пригодные по своим способностям и подготовке сделаться инструкторами или руководителями в войсковых школах, будут в то же время признаны хотя бы временно, не вполне соответствующими назначению на командные должности. Между тем, они не остаются в центральных управлениях, но командируются на фронт.

Из них-то фронт и может, до известной степени, пополнить контингент нужных ему руководителей.

Не маловажно также и то, что значительное большинство инструкторов-руководителей на фронте не будет занято своим делом, как побочным занятием или промыслом.

Фронт имеет настолько широкую власть, что может осуществить такое положение их, не останавливаясь перед командировками из резерва комсостава или перед учреждением необходимого числа штатных должностей.

Вопрос о пособиях также разрешается на фронте в более простых формах, чем для Гувуза.

Прежде всего фронт имеет в своем распоряжении такое средство, которое в широких размерах может иметь только фронт, а именно: **войска** и все виды **материльной части**.

Применение этих средств прямее всего приводит к разрешению практических задач обучения в наиболее короткий срок.

Пользование местностью доступнее для фронтовых школ, чем для школ, расположенных в больших центрах.

Картами фронтовые школы могут быть также богаче снабжены, чем не фронтовые.

Не маловажное преимущество составляет при этом возможность воспользоваться наиболее пригодными для занятий картами двухверстного масштаба.

Трудности печатания пособий сокращаются для фронта, вследствие более широкой возможности добывать шрифт, бумагу, электрическую энергию, не говоря уже о свободе печатания своих инструкций и т. п., без бюрократической волокиты.

Наконец, еще одно преимущество для разработки пособий заключается в сравнительной обеспеченности инструк-

торским составом и возможности утончить требованая.

При современных условиях трудно издавать пособия, но еще труднее составлять их в практических формах и кратком изложении.

В этом отношении фронт, располагая уже известным запасом боевых наставлений, запасом боевого опыта, инспекциями всех родов войск и, наконец, инструкторским составом, может, в короткий срок больше сделать, чем Гувуз и центральные школы.

Таков путь реформы военно-учебного дела, которую предстоит произвести и которая уже производится па западном фронте.

На этом пути могут быть еще ошибки и отступления, как при всяких реформах. Но в общем и в целом он уже достаточно наметился, чтобы привести к желаемым результатам.

Я. Двиновицкий.

К вопросу о методах подготовки Красных Командиров.

Работники армии, которым приходится непосредственно сталкиваться с нашими красными командирами, привыкли думать, что частое несоответствие последних своему назначению, является результатом: во первых, краткосрочности обучения на командных курсах; во вторых,—отсутствия на курсах практических работ, основанных на боевом опыте нашей гражданской войны и, наконец, в третьих,—недостатка общеобразовательной подготовки у большинства обучающихся на курсах.

Так думают также и многие работники военно-учебного дела. Устранением этих трех дефектов они полагают разрешить в положительном смысле довольно таки остро стоящий перед нами вопрос улучшения дела подготовки красных командиров.

Мне представляется разрешение этого действительно больного вопроса несколько в ином виде.

Случалось нередко наблюдать, что краскомы, прошедшие курс в 8—12 месяцев (срок довольно продолжительный), проделавшие сравнительно достаточно практических работ, и имевшие, кстати, до поступления на курсы вполне удовлетворительную общеобразовательную подготовку, по прибытии в часть оказывались не на месте. В чем же дело? А вот, в чем.

Войсковая часть (возьмем полк) в лице н-ка его (командир плюс комисар) хочет видеть в красном командире единое цельное, складывающееся из двух равных долей: 1) Командира, 2) Политрука. (Идея командира—учителя, руководителя военного и политического стала единственно популярной в армейских частях). А наши командиры далеко не всегда

выходят из В У З именно такими цельными, соединяющими в себе указанные выше черты, т. е., не выходят в действительности теми, кем в сущности должны быть красные командиры. За редкими исключениями, наши В У З пока еще выпускают людей, являющихся, в лучшем случае, удовлетворительными командирами и только командирами (например, высшие школы) или, что еще чаще бывает: ни командиров и ни политруков, (наши типовые комкурсы).

И понятно, что ни те, ни другие не отвечают вышеуказанным требованиям, пред'являемым сейчас командирами частей.

Где же выход?

Никакие практические занятия, никакие сроки обучения и никакой образовательный ценз не помогут, если мы в дальнейшем будем держаться практиковавшегося с начала организации наших В У З и практикующегося и сейчас (правда, уже не на всех В У З,) метода пассивной передачи военных знаний, так называемого, метода обучения.

Красный командир, как цельное сочетание военных и политических знаний, может быть создан только в результате воспитания, а не обучения. Воспитывать же красных командиров мы сумеем лишь тогда, когда перестанем преподносить курсантам механическую передачу военных знаний в строю, в классах, а политических—в клубе, ячейке и на лекциях политграмоты, как у нас завелось, параллельно друг другу, (а иногда и в разрез).

Воспитание будущих краскомов может вестись лишь при условии постоянного пребывания их в обстановке умелого и гармоничного переплетения практических и теоретических занятий по военным, политическим и пр., предметам курса (строй, доклады курсантов по политическим вопросам, собрания, практические занятия, карта, работа курсантов в школе грамоты для командных курсов и т. д.).

Прошедший такую школу курсант будет красным командиром в полном смысле этого слова, а не командиром, которому механически придается что то „красное“.

Для этого необходимо, чтобы командный и преподавательский состав в строю и в классах твердо помнили, что они готовят не просто командиров (т. е. то, что понимается под термином „офицер“), а красных командиров; не просто

для армии, а для Красной Армии; для этого нужно политработникам комкурсов твердо знать, что они создают, не просто политруков, а командиров—политруков.

Чтобы и те, и другие могли проводить это в жизнь следует:

а) должным образом обработать командный и преподавательский состав курсов (лекции, собеседования, приобщение к политпросвет работе в клубах), чтобы он своей работой не вносил диссонанса в дело воспитания.

б) соответствующим образом подготовить состав политработников В У З, чтобы и он, в свою очередь, не вносил того же в дело цельного воспитания курсантов (достигается дружной и умелой совместной работой с командным и пр. специальным составом).

При такой постановке дела, когда доклад, собрание будут дополнением и расширением того, что делалось в классе, в поле и наоборот,—курсы в состоянии будут готовить тех, кого они призваны готовить.

Вышеуказанные мероприятия являются не голыми проектами, а проводились мною в одном из Московских В У З и дали прекрасные результаты.

Инструктора и преподаватели наших курсов в теперешнем своем составе—мещанско-крестьянская публика, политически совершенно безграмотная. И, если повести среди них плановую систематическую работу не митингами, а путем собеседований по злободневным вопросам, советскому строительству, сущности советской власти демократической, сущности капитализма, империализма и т. п., то их удастся сравнительно быстро политически просветить. А достигнув последнего, мы преобретаем работников В У З, не отбывающих урок, а командиров—инструкторов и руководителей сознательно и преданно выполняющих возложенные на них обязанности.

Для проведения в жизнь указанного выше—требуется уменье, а главное, упорное желание со стороны политработников командных курсов.

Что же касается подбора и подготовки последних, то это является относительно более легким по сравнении с задачей подготовки специального состава В У З и разрешением его уже занялись политотделы Гувуза и соответственные Окружные Управления.

Командные курсы,—где проводится воспитание красных командиров, а не обучение, причем воспитание не командира офицера (они грозят тогда превратится в кастовую школу), а цельного красного командира—этого детища пролетарской революции, где преподавание проводится на основании опыта нашей гражданской, а также и империалистической и пр. войн (но не только последних), где главное внимание уделяется практическим занятиям и самодеятельности курсантов, по возможности при нормальном сроке обучения,—вот идеал Красного военно-учебного заведения, которое мы и должны создавать.

М. Тухачевский.

Инженерное соразмерение операции.

При расчете операций, особенно в нынешний период социалистических войн, у нас привыкли считаться с временем и пространством постолько, поскольку эти данные определяют группировку войск при наличном состоянии путей сообщения. Точно также привыкли к расчетам времени, потребного для постройки тех или иных укреплений, исходя из типа укреплений и числа рабочих рук.

Но за то у нас совершенно не привыкли к расчету, к комбинации задуманной и проводимой операции, не только с наличной сетью исправных путей сообщения, но и с той, которую надлежит еще исправить или построить. Точно также не привыкли к расчету, к сочетанию времени, потребного на постройку тыловых укреплений с тем временем, которое, в случае неудачи, может иметься в распоряжении для окончания постройки, т. е., не привыкли, в зависимости от характера войны и операции, выбирать степень удаления в тыл строящихся укреплений.

Наконец, совершенно не привыкли соразмерять систему и размер укреплений с теми войсками, которым придется оборонять эти укрепления.

Благодаря такому формальному и неосмысленному употреблению инженерных сил, наши армии, снабженные современной артиллерией и другим вооружением, расходуя большое количество огнеприпасов, и потому требуя наличия постоянной, по последнему слову техники, оборудованной коммуникации, ведя в высшей степени маневренную войну, зачастую бывают поставлены в безвыходное положение, оставшись без тыла и без подвоза.

Чем можно об'яснить, такое небрежное, несерьезное отношение к инженерному делу, т. е., делу решающему в широко маневренных операциях?

В царской армии инженерное дело также стояло не на высоте. Но все же в старой войне существовали хорошо известные нормы, которые хотя бы приблизительно обеспечивали оперативные расчеты со стороны инженерной подготовки.

В наших социалистических войнах характер действий значительно изменился в виду того, что армии наши сравнительно очень малочисленны. Благодаря этому старые нормы больше уже не годятся, а новые еще не выработаны. Что же касается до норм инженерных, то их и не вырабатывают, т. к. нужды бьющей в глаза невнимательному человеку и незаметно. В самом деле, наши армии, благодаря разреженности их боевых порядков, во время маневренных операций, довольствуются местными средствами; артиллерийское же снабжение „кое-как" подвозится. Когда же случается катастрофа, то можно поохать и поругать «нашу организацию» и на этом успокоиться.

Таким образом, при современном состоянии военной техники наша Красная Армия, как и все другие современные армии, в смысле своей способности к маневрированию, находятся в прямой зависимости от правильной постановки и развития инженерного дела. Каждая операция, каждая кампания должна быть соразмерена в своей маневренной части с теми инженерными средствами и возможностями, которые для них предоставляются.

Вот это-то соразмерение идеи и масштаба операции с имеющимися инженерными возможностями и составит предмет исследования настоящей статьи.

Инженерное дело своею оперативною работой обеспечивает победу для других родов войск. Поэтому самая работа инженерной части определяется требованиями, пред'являемыми другими родами войск. Но инженерная работа, в свою очередь, пред'являет к работе других родов войск также совершенно определенные требования, без которых все ее труды окажутся бесполезными.

Сначала мы рассмотрим работу инженерного дела, считая, что требования его, пред'являемые к другим родам войск, удовлетворены.

Наступательная операция.

Задача инженерного дела в наступательной операции, в условиях нашей маневренной войны разреженными фронтами, почти исключительно состоит в своевременном, не отставая от наступающих войск, исправлении разрушенных противником путей сообщения, а частью и в постройке новых, а также в постройке и восстановлении необходимой телеграфной сети.

Эта работа самая трудная и рискованная для военного инженера. В самом деле, приходится иногда на много вперед делать подсчеты и

соображения не только на рабочую силу, но и на строительные материалы, что далеко не всегда можно предвидеть на территории еще занятой противником. Наконец, не всегда можно предусмотреть степень производимых противником разрушений.

Первейшей заботой инженеров является восстановление разрушенных и постройка новых мостов.

Искусство строить мосты, в войне маневренной, составляет главнейший залог успеха. Мост является пробным камнем, как состояния инженерного дела вообще, так и подготовки каждого сапера или инженера в частности.

Чем быстрее строятся мосты, тем меньшее значение, как преграды, имеют реки, тем менее ограничен маневр, тем менее зависят войска от местности и естественных преград.

Время, которое мы затрачиваем на постройку мостов при форсировании нами рек, уменьшает шансы на выигрыш нами в маневре необходимого пространства и увеличивает таковые у противника. Таково значение мостов. Можно даже сказать, что чуть ли не вся вообще инженерная техника существует для одних только мостов. Остальная работа в сравнении с этой незначительна.

Говоря об инженерном деле вообще, можно формулировать его значение, как уничтожение для войск естественных преград и независимость войск от расстояний, т. е. предоставление войскам полной свободы маневрирования.

Однако, эта свобода маневрирования может быть достигнута лишь тогда, когда по количеству инженерной работы будут рассчитаны и инженерные силы и средства.

Железные дороги. Прежде всего рассмотрим, как должен расчитать командующий предстоящую свою операцию в отношении железных дорог.

Изложу те практические нормы, которые я вывел из прошлых операций.

Восстановление основательно разрушенных мостовых ферм требует обыкновенно очень значительного времени, особенно, если река широкая и глубокая и мост состоит из нескольких разрушенных ферм. Обычно такое восстановление требует нескольких месяцев и задачам оперативным не удовлетворяет.

Если ферма на мосту одна и упала благополучно, то чаще всего для ее поднятия на клетках или ряжах требуется не более нескольких

недель. Небольшие фермы, примерно до 30 саж., обычно восстанавливаются в несколько дней. Конечно, в каждом отдельном случае восстановление то облегчается местными условиями, то отягчается.

Постройка нового временного моста на ряжах или сваях, где либо в стороне от основного моста с проведением к нему обводных путей, в большинстве случаев, завершается значительно скорее, чем восстановление основного моста.

Так например, восстановление моста у гор. Полоцка через р. Западная Двина длиной 105 саж. (из 3-х ферм: две крайние по 22.50 саж и одна средней величины 65 саж.), требовало 5—6 месяцев на полно восстановление и 3 месяца на восстановление с применением деревянных конструкций, а постройка временного моста заняла 42 дня.

Мост через р. Березину у гор. Борисова длиной в 75 саж. (из трех ферм, все по 25 саж.) требовал для капитального восстановления три месяца и с заменой негодных ферм двугавровыми балками с постройкой деревянных устоев—$1^1/_2$—2 месяца, а временный мост был построен в пять суток.

Таких примеров много.

Постройку временных мостов, хотя бы и на очень широких реках, но не глубоких, где допускаются постройки на ряжах, возможно довести до поразительной скорости. Необходимо лишь заранее приготовить срубы, пакеты или двутавровые балки и возможно большее число рабочих рук для земляных работ.

В подготовку операции должны быть обязательно включены меры по заготовке деревянных мостов и по сосредоточению на нужных направлениях необходимых восстановительных железнодорожных частей.

При этом необходимо расчитывать на полное уничтожение противником мостов при отступлении.

В том случае, когда строится мост через большую судоходную реку,—приходится, ввиду длительности постройки даже временного моста, прежде всего, построить паромную, баржевую переправу для паровозов и вагонов. В зависимости от грузопод'емности барж, число вагонов принимаемых одновременно паромом, изменяется.

Эти паромные переправы требуют постройки обводных путей и эстакад.

Устройство паромных переправ требует очень небольшого времени. Так, постройка паромной переправы через р. Западная Двина у Полоцка, при ширине реки 100 саж. и высоте берегов в 8 саж. потребовало лишь 6 дней с дальнейшим усовершенствованием в течение 5 дней. Паромная переправа через реку Березину у Бобруйска потре-

бовала на устройство 15 дней, а через реку Днепр у Речицы также 15 дней. Эти сроки могут быть и еще сокращены (считаю, что в среднем надобно 7—10 дней).

На Восточном фронте паромная переправа у гор. Уфы через реку Белая и реку Уфа потребовала 12 дней.

Из сопоставления вышеприведенных цифр ясно, что одновременно с постройкой большого моста необходимо начать и постройку паромной переправы, так как в этом случае железнодорожное движение откроется значительно ранее.

Самую переправу вагонов и паровозов надо производить как можно осторожнее, так как очень легко случаются крушения.

Если потребуется большая провозоспособность, то надобно сразу же строить две—три паромных переправы. Комбинацию постройки мостов и баржевых переправ необходимо предвидеть и расчитать еще до начала операции.

Зимой можно осуществить перекатку составов или вагонов по льду.

Необходимо, точно также заранее учесть вопрос устройства водоснабжения на всей подлежащей восстановлению железнодорожной сети. На первое время, до капитального восстановления водокачек, надобно заготовить хотя бы обыкновенные насосы на все необходимые пункты и подвижные баки. Этот вопрос у нас почти не учитывается при наступлении и зачастую бывают случаи, когда нельзя открыть движения из за отсутствия водоснабжения, хотя бы во всем остальном железная дорога и была бы вполне исправна. Средства водоснабжения точно также надо расчитать на полное разрушение железнодорожных водокачек.

Восстановление железнодорожной связи при наступлении, у нас идет медленнее всех прочих сторон восстановления. Средств связи мало, а, главное, совершенно не учитывается перед операцией то протяжение телеграфных линий, которое придется восстановить к назначенному сроку. Эта сторона восстановления железнодорожного движения должна быть очень тщательно расчитана.

При перешивке узкой железнодорожной колеи на широкую, как это имело место в наступлении у нас на Западном фронте, встречаются, иногда, значительные затруднения, особенно если железнодорожные дивизионы не снабжены достаточным гужевым транспортом.

Для производства перешивки пути, прежде всего, надобно тщательно расчитать комбинацию марша железнодорожных дивизионов с производством самой работы по перешивке. Благодаря отсутствию

желдивах обоза, а также, благодаря не всегда правильному расчету их походного движения. Перешивка пути в нашу прошлую операцию тремя желдивами по одному пути почти не превышала скорости 10—15 верст в сутки. При правильной постановке дела такое растояние свободно может перешить один желдив.

Наконец, начиная операцию надо исчерпывающе рассчитать вопрос эксплоатации вновь приобретенных железных дорог, как в отношении различных служб, так и в отношении подвижного состава и паровозов.

Изучив план предстоящей операции, начальник военных сообщений, обеспечивая ее восстановлением соответствующих железных дорог, должен сосредоточить на них такое число восстановительных средств, чтобы восстановление не отставало от наступающих войск. Если этих средств не хватит, то Начвосо должен рассчитать фактическую скорость восстановления и тогда недостаток скорости восстановления железных дорог он имеет возместить соответствующей грузопод'емностью и кругооборота автомобильного и гужевого транспорта. Если же такового не найдется, то придется или ограничить число восстанавливаемых железнодорожных линий или же командование принуждено будет **ограничить замысел своей операции.**

Работа коммуникации, комбинированная из железнодорожного и авто-гужевого движения, требует, сверх восстановления железных дорог, и своевременного восстановления грунтовых дорог.

Кроме восстановления железных дорог иногда придется производить постройку и новых, как широкой колеи, так и декавилек.

Грунтовые дороги. На грунтовых дорогах главные затруднения в постройке мостов встречаются при наступлении, когда мост приходится строить в боевой обстановке, т. е. при форсировании рек. Здесь дорог каждый час и потому точность и быстрота постройки, своевременность подвоза строительных материалов играет решающую роль.

Колоссальное значение имеют понтонные батальоны, но у нас они в плохом состоянии, их мало и кроме того ими не умеют пользоваться. Необходимо создавать хотя бы облегченного типа понтоны.

При устройстве военных дорог в тылу у наступающих войск постройка мостов обычно не является столь трудным делом, так как время на таковое обычно имеется более или менее значительное.

Военные дороги должны обеспечивать правильность и непрерывность питания войск и эвакуации, а также полную свободу маневрирования частей, как вдоль фронта, так и в глубину.

Эти условия требуют, чтобы сеть военных дорог была надежно оборудована телеграфными и телефонными проводами. Только при таких условиях возможна правильная этапная и административно-хозяйственная служба.

Постройка военной дороги требует обязательной постройки вдоль нее телеграфной линии. В связи с этим строительным частям, производящим восстановление или постройку военных дорог, необходимо придавать и телеграфно-строительные единицы.

На всю сеть военных дорог необходимо заранее рассчитать средства для ее эксплоатации, т. е., этапно-транспортные и телеграфно-эксплоатационные.

Телеграфная сеть. Выше уже говорилось о значении **этапной** телеграфной сети. Кроме этапной сети надобно еще (притом в первую очередь) создать **оперативную или полевую** телеграфную сеть.

Эти два вида телеграфной связи зачастую не будут совпадать и их следует строго различать, чего у нас на самом деле не делается.

С оперативной телеграфной сетью будет совпадать полевая, административная и снабженческая, т. к., оперативные и административно-снабженческие сношения производятся между одними и теми же штабами. Следует лишь назначать для них различные провода. У нас же совершенно не различаются эти разного назначения телеграфные провода и потому последние перегружаются оперативной работой, а вся прочая остается в загоне, что в конце концов пагубно отражается на состоянии войск.

К началу операции телеграфная сеть должна быть обеспечена вперед всеми необходимыми средствами. Это является необходимым условием наступления.

Наша бедность средствами полевой телеграфной связи и бедность театров нашей войны постоянной телеграфно-телефонной сетью, требуют от нас при наступлении не только уметь восстанавливать имеющуюся уже тяжелую телеграфную сеть, но и строить новую. Иначе маневр и операция могут сорваться, особенно при быстром наступлении.

В плане операции должно быть рассчитано необходимое число проводов, скорость их восстановления, или постройки, а в зависимости от этого и необходимое количество телеграфно-строительных и эксплоатационных средств.

Необходимо заранее предусмотреть те линии, которые придется восстанавливать и те линии которые, по смыслу операции, придется построить заново.

Отступательная операция.

Мы знаем, что оборона какой либо линии, при редкости нашего боевого порядка, не осуществима и правильно расчитанная оборона будет комбинацией наступательных и отступательных операций*).

Рассмотрев инженерную подготовку наступательной операции, мы теперь изследуем инженерную подготовку операции отступательной.

Отступательная операция имеет целью оторвать от более сильного, лучше нас сгруппированного противника, или от победителя, наши главные силы с тем, чтобы совершив быстрый, искусный марш-маневр, придать своим войскам наивыгоднейшую группировку, пополнить и привести в порядок расстроенные части и, выиграв путем отхода необходимое на все это время, перейти в решительное наступление на противника, растянувшегося, на разрушенных нами сообщениях.

Из сказанного ясно, что основным требованием отступательной операции является свобода маневрирования для отступающего и затруднение маневра для наступающего.

Свобода маневрирования лучше всего обеспечивается хорошими шоссейными, грунтовыми и мощными железными дорогами, а также частой и обширной телеграфно-телефонной сетью.

Дальше марш-маневр, не должен беспокоиться противником. Учитывая слабую обороноспособность наших разреженных боевых порядков, мы ясно увидим, что арриергарды, как таковые, своей задачи тем более выполнить не смогут. Весь расчет отрывания своих главных сил от противника, должен быть построен на полном уничтожении мостов, дорог и телеграфно-телефонной сети; вслед за отступающими войсками.

Если инженерное дело обеспечивает успех отступательной операции с одной стороны, путем заблаговременной постройки необходимых военных дорог (грунтовых, шоссейных и даже железных), оборудованных достаточной телеграфной сетью, то с другой стороны,—самое выполнение марша-маневра инженерное дело должно обеспечить от пре-

*) М. Тухачевский. Стратегия национальная и классовая Изд Типо-лит. картоиздат. отделения Штаба КавФронта 1920 г. стр. 13.

следования противника абсолютным разрушением, тотчас же вслед за отступающими войсками, всех шоссейных, грунтовых и железных дорог и всей телеграфно-телефонной сети, а также затруднить исправление таковых постройкой тет-де-понов, небольших замкнутых укреплений, закладкой фугасов и проч.

Из вышеизложенного ясно какое громадное значение для отступательной операции имеет инженерное дело и как высоко должно стоять последнее и как велики должны быть его средства.

Учитывая слабость и немногочисленность наших инженерных средств, мы вряд ли сумели бы полностью выполнять все требуемое отступательным маневром в отношении подготовки тыла.

Поэтому инжерерную, работу в тылу мы можем ограничить следующим образом: при подготовке тыла армий, прежде всего приниматься за создание известной **маневренной полосы**, зоны, где либо вдали от фронта за каким нибудь трудно проходимым естественным препятствием, с тем расчетом, чтобы нормальный темп отступления безусловно позволил бы закончить подготовку этой маневренной полосы.

Обычно же у нас хватаются за работу сразу в нескольких местах и по мере наступления войск, бросают неоконченные сооружения и начинают новые работы поближе к фронту, чтобы закрепить за собой занятое пространство. В результате, при отступлении оказывается, что инженерная подготовка тыла была бесплодной, так как нигде незакончена.

Таким образом, выбор места работ в зависимости от задания инженерных сил и средств, растояния до фронта и нормального темпа отступления—играет в деле инженерной подготовки маневренной полосы решающее значение.

Однако, ограничивая инженерную подготовку тыла лишь одной маневренной полосой, мы не можем так уменьшить задание инженерному делу в области разрушения всех маневренных удобств при отступлении.

В этой области требования к своевременности и успешности работы инженерного дела не должны быть понижены ни на одну иоту.

Что будет представлять собою тыловая маневренная полоса и каково будет отличие ее от тыловой укрепленной полосы?

Укрепленная полоса расчитывалась на задержание наступления противника сплошной полосой поражения от ружейно пулеметного и артиллерийского огня, а также искусственными препятствиями.

Не имея восможности требовать от наших малочисленных армий создания огневой полосы на протяжении сотен верст, инженерное дело обеспечивает нашим войскам, путем создания тыловой маневренной по-

лосы, возможность устроиться и использовать превосходство своего маневрирования над противником, поставленным в тягчайшие условия маневра полным разрушением всех пригодных путей сообщения и связи. Использовав это превосходство, наши войска могут не только отбросить, но и разбить противника.

Итак, маневренная полоса там, где вновь происходит столкновение главных сил обоих сторон, как бы делится на две стороны: сторону отступающего, имеющую все преимущества, обеспечивающие успешность маневра и сторону наступающего с совершенно разрушенными путями сообщений и связи, ставящую успешность маневра в безнадежное положение.

Полоса разрушения.

Рассмотрим по порядку все виды производимых при отступлении разрушений. Само собой разумеется, разрушить надо только то, что содействует маневру противника и совершенно излишне разрушать вообще все, что оставляется.

Разрушению подлежат:

1) На железных дорогах:

а) мосты и трубы;

б) гати, тоннели;

в) водоснабжение;

г) телеграфная сеть;

д) полотно;

е) семафоры;

ж) надлежит эвакуировать: телеграфные конторы, стрелки, на некоторых участках даже рельсы. Что не может быть эвакуировано из вышепоименованного, должно быть разрушено. Зимой будет полезно разрушить и все станционные здания.

2) На грунтовых дорогах:

а) все мосты—уничтожить,

б) перекапывать полотно, или заваливать его спиленными деревьями;

в) разрушать гати;

г) разрушать телеграфно-телефонные провода;

д) снимать указатели дорог.

3) В телеграфно-телефонных линиях подлежат:

а) столбы—спиливанию;

б) провод—снятию и эвакуации;

в) изоляторы — эвакуации или поломке;

г) телеграфные конторы—эвакуации.

4) В укреплениях, пригодных для использования их неприятелем— подлежат:

а) проволочные заграждения—уничтожению;

б) окопы —засыпанию;

в) бетонированные постройки—взрыванию.

Вопрос разрушения должен быть тщательно разработан. Разрушаемая дорога, или телеграфная линия, или укрепление противника, каждое в отдельности должно быть поручено особому лицу, особому отряду, с точным расчетом его наличных средств и задаваемой ему работы.

Эти разрушители должны быть особо надежными, смелыми, энергичными и дисциплинированными людьми, т. к. служба эта опасная (учитывая обычную беспорядочность в отходе войск), а вместе с тем, заданная работа должна быть выполнена во что бы то ни стало.

Скорость разрушения должна быть равна скорости отступления.

Но и в полосе разрушения приходится не только разрушать связь. Отступая необходимо обеспечивать себя связью с оставляемыми на местах агентами разведки. Для этого надо прокладывать подземный или подводный кабель, а в малообитаемых местах (большие леса и проч.)— выставлять радиостанции.

Тыловая маневренная полоса.

Рассмотрим маневренную полосу со стороны ее глубины и ширины удаления ее от боевой линии, а также со стороны расчетов на необходимость остановки неприятеля. Полосу можно избрать или непосредственно за исходным положением первоначального наступления, или же за какой нибудь находящейся в тылу естественной преградой, притом в таком удалении от фронта, чтобы наличными инженерными средствами ее можно было бы подготовить в период времени, потребный войскам потратить на отступление по этому пространству.

На удаление маневренной полосы от фронта повлияют еще и те соображения, что как ни благоприятны условия маневрирования, предоставляемые полосой, все же без некоторой остановки противника, отступающему далеко, не так легко будет перейти в наступление. Поэтому, удаление в тыл полосы надо избирать еще и с тем расчетом, чтобы противник, пройдя по оставленному и разрушенному нами пространству и дойдя до естественной преграды, за которой избрана маневренная полоса, хотя бы несколько запнулся в своем наступлении.

К этому моменту и должен быть приноровлен контр-удар и, в случае успеха, дезорганизация тыла противника сделает свое дело.

Какова должна быть глубина самой маневренной полосы по отношению к ее ширине?

Само собой разумеется, отступающие войска еще не доходя до маневренной полосы примут ту или другую основную группировку ввиде отводимых на поправление резервов.

Но все же обстановка может потребовать некоторых перегруппировок и на самой уже полосе.

Это обстоятельство, во избежание фланговых движений, заставляет иметь маневренную полосу довольно развитой в глубину, чтобы и значительные перегруппировки можно было бы делать не фланговыми маршами, а хотя бы облическами.

Наши войска, бедные транспортными средствами, даже и при наличии хороших дорог, для движения, все таки, в местностях бедных продовольствием, не могут совершать значительных перегруппировок если нет заранее подготовленных складов, или если местность бедна железными дорогами. Поэтому, маневренную полосу следует усиливать постройкой новых железных дорог, как ширококолейных, так и декавилек.

Дороги. Ширококолейные, т. е. нормальной колеи, железные дороги довольно медленно строятся, но все же не следует от постройки их отказываться, т. к. даже один, два лишние перехода могут иногда сыграть для наших войск решающее значение.

Но в общем, в маневренной полосе работа над железными дорогами будет, главным образом, над их работоспособностью. Необходимо добиться, хотя бы в этой неглубокой полосе, возможности быстрых массовых перебросок войсковых частей по жел. дор.

На этот вопрос надобно обращать при организации маневренной полосы, исключительное внимание.

Строить придется преимущественно „декавильки". При наших войсковых транспортных средствах, надобно так изрезать маневренную полосу „декавильками", чтобы от любого места было бы не более двух-трех переходов до какой либо станции на „декавильке".

В отношении грунтовых дорог следует произвести чуть ли не еще большую работу. Необходимо развить обильную сеть, как тыловых, так и продольных дорог, пригодных для автомобильного движения при всяком состоянии погоды.

В зависимости от характэра самой полосы необходимо подготовить дороги отвечающие производству маршей во всех наиболее вероятных направлениях.

Телеграфная сеть. Телеграфная сеть должна быть развита настолько широко, чтобы не только войсками можно было управлять на марше—маневре, но чтобы при его производстве не терялось бы и руководство хозяйственное и административное, а также должна быть в полном об'еме обеспечена связью этапная служба.

Относительно организации телеграфной связи для целей агентуры уже говорилось выше.

Укрепления. Сплошные укрепленные линии и полосы не пригодны в условиях нашей войны. Даже столь мощная укрепленная полоса, как германская, не позволила в нашем июльском наступлении задержаться на ней польским войскам.

Почти без патронов и снарядов, пользуясь редкостью занятия позиции поляками, наши войска стремительным обтеканием занятых мест позиции, заставили противника быстро очистить всю укрепленную полосу.

Однако, в иных случаях укрепления необходимы. Это будет при защите дефиле, мостов, гатей и проч. Кроме того большие узлы железных дорог должны быть защищены особого рода укреплениями от внезапных налетов конницы и бронированных автомобилей.

Все эти укрепления должны иметь следующий характер: линия огня должна быть, по возможности, коротка (учитывая малочисленность наших войск) и, во всяком случае, не должна быть шире, чем может растянуться предназначенный для нее гарнизон.

Учитывая непривычку наших войск обороняться, необходимо строить укрепления особо крепкие, с укрытиями от тяжелой артиллерии и с мощными пластами заграждений колючей проволоки.

Невозможность оборонять сплошные линии неминуемо выдвигает вопрос о необходимости постройки небольших замкнутых укреплений с небольшими, но стойкими гарнизонами. Этот вопрос до сих пор еще не получил должного раз'яснения в смысле применения его в условиях нашей войны, а потому на нем и придется остановиться.

Совершенно очевидно, что если было бы возможно осуществить кольцевую оборону, какого-либо железнодорожного узла, или какой либо переправы через реку, важной как для нас, так и для противника, то постройка такого рода маленьких крепостей имела бы колоссальное значение для задержания противника на намеченной линии.

Главное условие, которое должно быть пред'явлено к таким крепостям это то, чтобы их можно было оборонять с самым незначительным гарнизоном.

Необходимость делать эти крепости небольшого размера вытекает из того соображения, что мы не в состоянии высоко обучить и дисциплинировать очень большой гарнизон, а также из того соображения, что такой гарнизон не сможет в условиях нашей войны прятаться в крепостях и неминуемо будет выброшен на фронт. Необходимо в крепости иметь, хотя бы и совсем незначительный, но за то постоянный и высокообученный гарнизон.

Сила сопротивления крепости должна быть основана, главным образом, на непробиваемости канониров снарядами полевой тяжелой артиллерии, на проволочных заграждениях, абсолютно не дающих возможности проникнуть за внешнюю линию огня крепости и на укрытых пулеметах и артиллерии, не дающих противнику возможности проникнуть сквозь проволочные заграждения.

Пехота будет играть только роль резерва.

Таким образом, срок сопротивления окруженной такой крепости будет зависеть: во-первых, от запасов артиллерийского снабжения и продовольствия и, во-вторых: - от времени, в какое сможет разрушить проволочные заграждения и часть канониров сосредоточенная противником артиллерия.

Чем артиллерия будет больше, тем срок сопротивления крепости будет меньше.

Внешний пояс пулеметных фортов—канониров должен быть так рассчитан чтобы пулеметный огонь надежно и во всех направлениях простреливал бы проволочные заграждения. Самый пояс не должен быть велик, желательно не более 12 верст.

Второй пояс фортов-канониров должен быть в 6 верст, т. е. радиус внешнего пояса 2 версты, а внутреннего—1 верста.

Во внутреннем поясе будет расположена артиллерия и пехотный резерв. Между пулеметными канонирами надобно обильно располагать бомбометы и минометы.

Если гарнизон постоянно будет обучаться в самой крепости, если каждый стрелок, каждый пулеметчик будет приучен видеть справа и слева от себя одни и те же сооружения, одни и те же команды и роты, если он будет приучен к тому, что его тыл кончается в центре крепости, и что за центром опять начинается фронт, то для такого гарнизона окружение будет чем то нормальным и никакого чувства потерянности возникнуть не может.

Комендант крепости, как и всегда, должен быть более чем на высоте своего поста. От его воли и духа будет зависеть настроение и состояние воли солдат, приученных к делу обороны крепости.

Учитывая скорость наступления и отступления в нашей войне, учитывая, что обычно и у нас, и у противника тылы (особенно железнодорожные) отстают, а потому специальная артиллерия во время подана быть не может, мы должны сделать заключение, что на осаду нашей маленькой крепости противник должен будет затратить свою полевую (дивизионную) артиллерию и свои полевые дивизии.

Из этого становится совершенно ясным, как велико может быть значение таких крепостей.

Посмотрим теперь, в какой мере обязан будет противник считаться с этими крепостями и не сможет ли он, учитывая, что эти крепости не имеют больших активных гарнизонов, отставить против них столь же небольшие заслоны, а главными силами спокойно пройти мимо.

Вообще говоря, конечно, такой проход можно осуществить, но не надо забывать, что обычно эти крепости будут запирать наиболее удобные пути проникновения на тыловую маневровую полосу, дающую отступающим войскам широкую возможность маневрирования и контр-ударов. В силу этого противник, проникший на маневровую полосу, будет лишен наивыгоднейших путей отступления и малейший его неуспех может для него повлечь за собой катастрофу.

Вот эти то соображения и заставят противника снять со своего пути эти небольшие крепости.

Инженерное дело.

Мы рассмотрели выше то значение инженерного дела, которое оно может иметь в условиях ведения нашей войны, мы рассмотрели те требования, которые пред'являются к инженерному делу оперативными соображениями.

Теперь рассмотрим те требования, которые пред'явит в этих условиях инженерное дело, как к своим инженерным войскам, так и к прочим родам войск.

Как мы видим из вышеизложенного, для того, чтобы все расчеты инженерной работы не пропали даром, необходимо иметь стойкую, хорошо обученную пехоту и артиллерию и вполне подготовленных тактически их начальников.

В крепостях должны находиться постоянные гарнизоны и постоянное артиллерийское вооружение.

При необходимости обороны какой-либо линии, инженерное дело, если не хватит достаточного количества войск, потребует специальных пулеметных частей.

Кроме всего этого, инженерное дело потребует от всех прочих родов войск и особенно от их старших войсковых начальников должного себе места и уважения. Инженерные войска должны быть почетным родом войск. Все войсковые начальники должны понять, что осуществление крупных и быстрых маневров при невысоком состоянии инженерных войск—невозможно.

Мы видели выше, что должно существовать известное соотношение между поставленными инженерному делу заданиями и наличными инженерными силами и средствами, а это, в свою очередь, определяет допустимый масштаб развертывания операций.

Поэтому высшие войсковые начальники, желающие обеспечить за собою полную свободу маневрирования, должны свое главнейшее внимание обращать на состояние военно-инженерного дела и затрачивать на него свои лучшие силы и средства.

В свою очередь, такая постановка военно-инженерного дела предъявляет к военным инженерам, саперам и проч. еще более высокие требования.

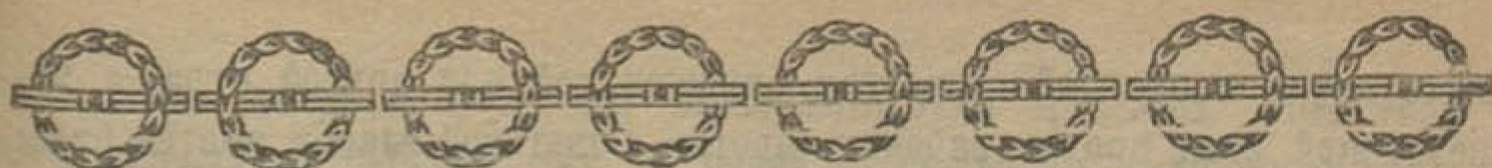
Военные инженеры должны перестать быть простыми исполнителями. Они должны иметь широчайший военный кругозор.

Военный инженер должен уметь занять, при случае, и посты старших войсковых начальников. Он должен принимать живейшее участие в разработке операций и, в своей деятельности не должен ожидать указаний и понуканий. Он должен являться инициатором всех инженерных мероприятий, он должен изыскивать не только способы обеспечения уже задуманного маневра, но и те инженерные способы, которыми совершенно неожиданно можно было бы развернуть далеко за предполагаемые пределы, размеры и пути марша—маневра.

Тот, кто сумеет в полной мере использовать всю технику военно-инженерного дела и проявить гибкость ума и военную изобретательность, тот всегда сумеет поставить противника перед неожиданными событиями и неожиданными размерами нанесенного ему поражения.

Д. Зорин.

Преступность в Красной Армии.

Не только обывательские элементы буржуазии, но и ее ученые, ее апостолы и даже ее „социалисты“ считают, что капиталистический строй, в данный исторический период, еще не подошел к грани разложения, а является силой прогрессивной и совершенно законным и справедливейшим строем, и что всякое стремление к изменению есть явление незаконное, и что разрушение капиталистического общества не является исторической необходимостью, а есть не больше не меньше, как мысли и действия сумашедших людей, азиатчина, несущие человечеству только разрушение культуры и искусства. Они не признают, что крушение капиталистического строя есть историческое последовательное развитие человеческого общества. Капиталистический катехизис считает неизменяемой догмой существование эксплоататора и эксплоатируемого. В капиталистическом государстве узаконенным положением считается существование нищеты и голода для одних, а для других не только полное удовлетворение всех потребностей, но и наличие излишков; справедливейшим положением считается труд для первых и праздная жизнь для вторых. По учению капиталистического бога и его церкви, это закон, которого „не прейдеши“. Приказ и предписание церкви божьей всем трудящимся, всем обездоленным: „Покоряйтеся рабы“.

Для охраны такого законного порядка, буржуазия имеет вооруженную силу; для „законного“ содержания рабочих в повиновении, капиталистический строй содержит армию и жандармерию. Под командой генералов, под руководством государственной власти буржуазии, а за последнее время под руководством „демократической“ власти, капиталистическая армия подавляла и подавляет всякое проявление к освобождению человечества от гнета и эксплоатации, темноты и невежества. Капиталистическая армия—страж кабальной жизни. Солдаты этой армии, выполняя приказы и распоряжения о подавлении восставших рабочих, под командой генералов, разрушают рабоче-крестьянские организации и стремятся разрушать главную из них—Советскую власть в России. Солдат капиталистической армии, нежелающий слу-

жить верой и правдой отечеству буржуев той или другой страны, нежелающий итти против рабочих, против Советской власти, против большевиков, считается государственым преступником. Хорошим, преданным солдатом капиталистической армии может быть: во 1). человек темный, невежественный, обманутый красивыми словами и обещаниями или застращенный несуществующими ужасами большевитского „варварства"; во 2), сознательный член капиталистического общества, сознающий, что он борется за свои классовые интересы, интересы имущих, борется за законное право держать в подчинении трудящиеся массы. Солдат первой категории должен быть не рассуждающим. Начинающий рассуждать и стремящийся к знанию и свету солдат, относящийся не с рабским уважением к начальству, является крамольником.

Но историческое развитие человечества уже изживает период капитализма. Буржуазия достигла предельного своего развития и больше уже не является прогрессивной силой, она уже вредна дальнейшему экономическому развитию человечества. Капиталистический строй подлежит перестройке. Народные массы, и в первую очередь пролетариат, прекрасно это осознал и приступил к этому. Для защиты своих классовых интересов, для защиты законнейшего права существовать человечеству без бар и господ, он создал, в противовес капиталистической белой, свою рабоче-крестьянскую Красную Армию, которая, в процессе борьбы с белой армией, освобождает трудящихся от гнета и эксплоатации, разрушая считавшиеся дотоле незыблемыми устои капиталистической законности, разрушая весь узаконенный капиталистами на земле порядок.

Буржуазия всего мира ненавидит Красную Армию. Организацию в России Красной Армии, буржуазия правильно оценила, считая ее силой угрожающей общественному порядку капиталистического государства. Это был, по мнению апостолов капиталистической справедливости, явно незаконнейший акт большевиков, этих „голодранцев" и, по законам буржуазии, великих преступников. Буржуазный мир использовал все средства лжи и клеветы для того, чтобы уничтожить ростки организации Красной Армии, выставляя красноармейца, как хулигана, пьяницу, грабителя, уголовного типа. Капиталистический мир стремился убедить человечество, что красноармеец —хулиган, обвешанный бомбами, несущий гибель культуре и искусству.

Красная Армия, трехгодичным своим существованием, теперь доказала всему миру, что она законнейшее, исторически необходимое и неизбежное явление не только в России, но и во всем мире. Трудящиеся

всего мира теперь поняли, что Красная Армия является средством освобождения от рабских пут и цепей буржуазной законности, армия, несущая свет и просвещение.

Красноармеец, по законам буржуазии, величайший государственный преступник, раб, вышедший из повиновения своему господину и поднявший меч против „святая святых" капиталистического храма собственности. Но вот этот „преступник" создает и обеспечивает мирную трудовую жизнь, уничтожает всякую эксплоатацию человека человеком, переносит невероятныя лишения, холод и голод, и, разрывает законные цепи кабальной, подневольной жизни, пробуждает мир угнетенных и зовет к новой жизни человечество, озаряя красным знаменем труда и борьбы путь в царство социализма.

На земле теперь существуют две армии: белая и красная. Каждая имеет задачи совершенно противоположные другой. Одна за коренное изменение существующих на земле правовых отношений между людьми, другая — за сохранение существующей капиталистической системы. Красная Армия борется за интересы трудящихся масс, армия капиталистов за сохранение прежнего положения, за сохранение своей власти над трудящимися. Капиталисты опираются прежде всего на свой класс и затем используют в своих интересах политическую темноту некоторой части населения, по преимуществу мещанской и крестьянской, которые сильней заражены ими бациллой собственности.

Когда мы читаем, что солдаты капиталистической армии творят насилия над рабочими и над крестьянством, то это с их стороны совершенно нормальное явление, а также нет ничего удивительного, если и внутри этой армии процветают подлоги, мошенничества, кражи и др. виды присвоения отдельными личностями ценностей, т. к., по своему существу эта армия является охраной „законных" прав международных хищников и грабителей и, еще более законное явление, когда солдаты капиталистической армии не выполняют приказа и распоряжений своего начальства, или даже, когда уходят вовсе из армии; последнее явление есть признак того, что солдаты капиталистической армии начинают прозревать, начинают вылечиваться от политической слепоты.

Основой жизненности, основой силы и мощи Красной Армии является социальный свет и просвещение трудящихся масс.

Допустимо ли в Красной Армии, защищающей интересы трудового народа, ведущей борьбу с угнетателями, чтобы ее солдаты производили насилия над крестьянами и рабочими? Допустимо ли в ее рядах существование подлогов, мошенничеств, краж? Допустимо ли неиспол-

нение приказов и распоряжений, допустим ли самовольный уход солдат из ее рядов? Конечно, не найдется ни одного честного трудового человека, который сказал бы: »Это допустимо!»

Красноармеец, ясно отдающий себе отчет в своих действиях, хорошо знающий свои задачи и обязанности, как члена трудовой семьи, как члена пролетарской вооруженной организации — Красной Армии, конечно, ни в коем случае не может совершать действий, вредящих его классовым интересам и той цели, и той задаче, которую его класс поставит. Красная Армия сильна сознательной дисциплиной и красноармеец, сознательно мыслящий, конечно, не может творить деяний, направленных к разрушению этой дисциплины. Сознательный красноармеец ни в коем случае не может быть преступником в отношении своего класса, а вся Красная Армия должна быть организацией, состоящей из сознательных красноармейцев, и, следовательно, в ее рядах преступников быть не может, и вопрос о преступлениях в Красной Армии был-бы вопросом смехотворным.

Но сейчас мы имеем в рядах Красной Армии, отдельными личностями, а иногда и группами, случаи нарушения дисциплины; в рядах Красной Армии совершаются действия, вредные делу освобождения трудящихся, действия унижающие человеческое достоинство: совершаются кражи, отдельные личности оскорбляют крестьян и батраков, присваивают общественное имущество; в рядах Красной Армии есть и неисполнение боевых приказов и разглашение секретных сведений, и повреждение военного имущества, и лодырничество и пьянство, и игра в карты; подделываются документы, производятся разбои и насилия, существует и дезертирство. Совершаются самые разнообразные виды преступлений. Разве все это достойно звания красноармейца? Конечно нет, но тем не менее преступления совершаются. В чем же причины?

Капиталистический строй ограбил трудящиеся массы, лишил их и земли, и орудий производств, поставил их в экономическую зависимость от владельцев земель—помещиков и владельцев орудий производства—фабрикантов и заводчиков; создал такие условия существования, при которых трудовые слои населения затрачивали все время для добывания средств существования; они лишены были знаний, содержались в темноте невежестве.

Государственный аппарат капиталистического строя покорил не только человека материально, но и духовно. Государственная школа, церковь были призваны воспитывать покорных рабов и усиленно вколачивать понятие о незыблемости капиталистического строя и частной собственности. Теория „моего“ и „твоего“ и разнообразные формы

спекуляций, именовались „частной инициативой“, а в области торговли и промышленности преподавались в качестве государственного катехизиса Атмосфера капиталистического строя вытравливала из народной среды коммунистические идеи, как вредные и опасные. Голод одних и пресыщение других, нищета и роскошь, порождали естественную классовую вражду. Помещики и капиталисты, достигнутые завоевания над народом, записали в книги и назвали это законом, а свою власть об'явили народу, как законную власть от го пода бога, а церковь освятила это положение и об'явила: «несть власти аще не от Бога!»

При помощи государственного аппарата, при помощи армии и жандармерии, капиталистический строй заставил трудящихся подчиниться этим законам и строго их выполнять. С появлением законов, конечно, на земле появились и беззакония, совершались действия, запрещавшиеся законом Такие действия наименовали преступлениями, а лиц, совершавших их, преступниками.

Капиталистический строй был источником преступлений, его условия порождали безработных и голодных и последние, чтобы не умереть с голоду, решались совершать преступления, за что их суд капиталистического государства карал. Невыносимые условия вынуждали рабочих требовать от фабрикантов и заводчиков улучшения своего положения, а их за это расстреливали, как преступников. Труд был не почетной обязанностью, а горькой необходимостью; за счет трудящихся развивалось дармоедство. Целые армии торгашей, спекулянтов крутились около трудящихся, существуя за счет их Цель жизни—разбогатеть была привита широким слоям населения, как великое благо. Наука, искусство и все культурные достижения человечества превращены в товар купли и продажи. Яд частной собственности и индивидуализма проник глубоко в народное сознание. Но фабрика и завод постепенно ковали новых людей, людей борьбы за свое освобождение, людей, видящих и знающих незаконное существование капиталистического строя, и стремящихся к разрушению такового порядка и к созданию новых условий человеческого общежития. Так существовало и воспитывалось общество столетиями Капиталистический строй родил, а на фабриках и заводах воспитал своего могильщика пролетариат, который, окрепши, начал перестраивать мир гнета и эксплоатации на мир свободного труда. Под руководством этих могильщиков капитализма идет сейчас борьба со старым, отжившим свой исторический век, капиталистическим строем. Столетиями отравлялось сознание трудящихся масс, и конечно, не по щучьему велению, исторический отпечаток снимается с человечества, а годами воспитания и просвещения.

Привлеченные в Красную Армию широкие слои населения, с воспитанием, полученным от столетней капиталистической школы жизни, принесли в Красную Армию и отравленное капиталистической выучкой понятие о жизни. Дерево капиталистического строя в России срублено, но остались его корни, которые или стремятся произрастать, или же, не получая для развития жизненных соков, гниют и своим гниением иногда заражают здоровую и пролетарскую среду. Вот эта то гниль и совершает преступления в рядах Красной Армии. В зависимости от вливания в Красную Армию того или другого слоя населения колеблется и преступность.

Первые отряды нашей армии состояли почти исключительно из пролетарского сознательного элемента, который постепенно потом стал растворяться в крестьянском составе армий.

В Красную Армию стали вливаться тысячами военные специалисты. Общие мобилизации пополняли армию чрезвычайно разнообразным элементом по поимущественному и социальному положению.

Крестьянство, военные специалисты, разного рода интеллигентская публика, привлеченная в ряды Красной Армии, принесла сюда свои понятия о жизни, борьбе и революции; этот элемент стремился первоначально реализовать свои стремления посредством восстаний, заговоров, предательств, но аппарат рабоче-крестьянской власти и аппарат Красной Армии разбивали их попытки, и заставляли вольно или невольно, но служить делу пролетарской революции.

Вся рабоче-крестьянская масса, находящаяся в рядах рабоче-крестьянской Красной Армии имеет тяжелый отпечаток капиталистического „культивирования" невежеством и безграмотностью. У крестьянства крепко вколочены историей, в сознание, собственнические инстинкты. Стремлением к индувидальному благополучию заражена интеллигенция. Понятие о революции, да еще социальной, преломляется в сознании этих групп, строго соответствуя изгибам их исторического воспитания.

На существовавших и совершающихся преступлениях в армии, как в зеркале отражается развитие революции, ее прогресс в области перевоспитания общества.

Ко всякой власти примазываются подлецы. Они примазываются и к Советской власти, проникают в ряды Красной Армии, где от имени Советской власти, в образе красноармейца или комиссара творят великие подлости. Этих присосавшихся элементов, гастролеров из уголовного мира, было особенно большое количество, по отношению численного состава армии, в первые стадии организации Красной Армии, когда еще не было прочного военного и карательного аппарата, не бы-

ло крепких органов, выметавших этот сброд из рядов Красной Армии, и они чувствовали себя недурно, но постепенно, с укреплением военного и карательного аппаратов, становилось меньше миллионных хищений, становились редкими случаи бегства „комиссара“ с народными деньгами.

С первыми мобилизациями крестьянства и офицерства отмечается большой процент заговоров, восстаний в армии. Кулацкие восстания в стране находили отклик и единое руководство в эс-эровских заговорах в армии. Мобилизованные военные специалисты в своих рядах имели тайных врагов Советской власти, которые, попавши в армию пытались выполнить задания своих хозяев—капиталистов, стремились свергнуть Советскую власть и восстановить „демократическую“ „учредительную“ тиранию для пролетариата.

Всякие действия, направленные в том или другом виде, в той или другой степени против интересов рабочих и крестьян, против их власти—советов являются величайшими преступлениями, и, следовательно, подлежат такие действия искоренению, а действующие в них лица истреблению, если эти действия совершались сознательно, с заранее заготовленным, обдуманным планом. Если же действия совершены по глупости и несознательности, трудовыми элементами, то их надлежит подвергать не только наказанию, но и исправлению. Задача советской власти сделать их сознательными, просвещенными личностями, знающими, понимающими свои классовые интересы.

По мере того, как просвещение все и больше, и больше охватывает нашу Красную Армию, чем меньше становится в Красной Армии неграмотных, чем меньше остается темных и невежественных людей, тем больше увеличивается сила, мощь Красной Армии, и тем меньше становится в рядах Красной Армии преступлений.

В данный момент, к концу 3-го года существования Красной Армии, в ее рядах, среди специалистов, среди командного состава, можно совершенно определенно сказать, что нет желающих перейти на сторону наших классовых врагов и поднять против Советской власти бунт или восстание. Все военные специалисты Красной Армии—теперь разделились на два лагеря: 1) целиком без всякого остатка вошедшие в пролетарскую семью, сжившиеся с нею, искренно радующиеся ее радостями и вместе с ней при неудачах не вешающие голову, 2) признавшие Советскую Власть, как единственную в России власть, как власть национальную, могущую Россию вывести на путь мирного творчества и духовного возрождения. Эта вторая часть работает искренно,

она служит честно Рабоче-Крестьянскому Правительству и, ни в коем случае, не посягает и не может посягнуть на свою Российскую Национальную Власть советов.

Действия, направленные к свержению Советской власти, именующиеся контрреволюционными, в Красной Армии остались позади. В данный момент, в графе контр-революция в Красной Армии, можно совершенно спокойно поставить ноль. Конечно, не в счет попадающиеся отдельные агенты наших классовых врагов, но и те постепенно умирают, так как красноармейская среда не только не воспринимает контрреволюционного яда, а обратно, она ассимилирует контр-революционера, а неподдающегося ассимиляции, выбрасывает. Даже кулацкие представители и то все меньше и меньше начинают жить в красноармейской среде. Они чувствуют себя в ней, как карась в затхлом озере; они постепенно дохнут. Просвещение в Красной Армии лучший бальзам от бациллы преступления.

Крестьянство, призванное в ряды Красной Армии, первоначально не отдавало себе ясного отчета, что от войны никаким образом не отвертеться, что буржуазия добровольно власти не сдаст, помещики ни в коем случае не примирятся с тем, что у них земля отобрана и передана крестьянству. Крестьянин не доверял большевикам Мужик думал найти примирительную позицию с кулаком, а кулак с помещиком.

Наглядные уроки колчаковщины, деникинщины, юденщины вразумили крестьянина, и доказали что другого спасения нет, лишь, как только взяться за винтовку и идти в решительный бой с буржуазией. В 18 и 19 году крестьянские слои, более зажиточные, кулачье дезертировало из Красной Армии, постыдно оставляло ряды честных бойцов и думало найти мирную спокойную жизнь в своей деревне, на печке, но Колчак и Деникин выгнал оттуда, дал в руки винтовку, заставил сражаться за буржуазию, против Красной Армии, против рабочих и крестьян. Такие ценные уроки не только крестьянина научили что нужно делать, но даже кулачье стало гнать своих сыновей дезертиров в Красную Армию.

На Западном фронте польские паны такой же урок дали белорусским и украинским крестьянам, после которого последние, взявшись за винтовки, под красным флагом пролетарской революции, наконец, нашли свое надлежащее место, дали хороший урок польским панам и теперь наносят второй и последний удар, после которого польской шляхте, всемирная буржуазия может сказать: „Ныне отпущаеши раба твоего, Владыко!“

Пролетарские массы, рабочие фабрично-заводские, за исключением единиц, не запятнали себя дезертирством, выдержали экзамен на политическую зрелость.

Военные преступления в Красной Армии постепенно, с повышением культурного уровня красноармейцев и командного состава, уменьшаются. Тяжелое время, когда целые части по тем или другим причинам отказывались идти в бой, миновало. Неисполнения боевых приказов по злой воле в Красной Армии нет. Это я могу определенно утвердить. Военные преступления теперь в большинстве случаев имеют одну причину — халатное или недостаточно внимательное отношение к обязанностям, и $^{0}/_{0}{}^{0}/_{0}$ их незначителен.

Бытие определяет сознание; условия существования и среда дают пульс действиям. В силу этого закона развития человечества, в Красной Армии спецы и непролетарские элементы, живя среди сознательных работников, постепенно окоммунизировываются и обратно, наша комиссарская публика, особенно штабная, отрываясь от непосредственной связи с пролетарскими массами, вращаясь в среде некоммунистической, развинчивается, закомиссаривается и портится. Этот слой ответственных дает большой процент преступлений „бездействия власти", и „превышения власти", а в особенности „использование своего служебного положения в личных выгодах".

Пребывание на одном месте, в мещанской обстановке продолжительное время бывает полезно только для воспитания мещанской психологии, а через эту грань обыкновенно лежит штабным комиссарам путь к преступлениям.

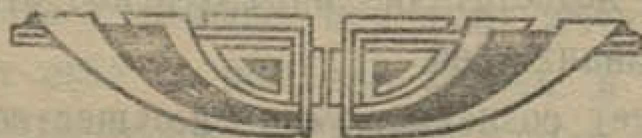
Самый большой процент преступлений в Красной Армии, к концу 3-го года ее существования, являются „преступления желудка", завхозовские преступления. Первый род преступлений обусловливается, конечно, недостаточностью питания и неудовлетворительным иногда снабжением частей и учреждений. Имущественные блага, находящиеся в распоряжении «завхозов», пробуждают собственнические инстинкты.

Стремление разбогатеть, приводит всегда к преступности. Подделываются счета, происходит кража продуктов и подгоняется отчетность. Необходимо отметить еще одно важное явление, что в хозяйственных организациях до безобразия мало коммунистов и очень много бывших конторщиков, служащих, чиновников и прочей обывательской мещанской и мелкобуржуазной публики. В этом корень причин „завхозовских" преступлений.

Здесь нет необходимости отмечать все виды преступлений в Красной Армии. Одно положение является из всех их выводом — преступле-

ния в Красной Армии совершаются не основой армейского организма —пролетариатом, а элементами несознательными или элементами, разложившимися в обывательской обстановке.

Красная Армия просвещением, коммунистическим воспитанием быстро вылечивается от наследственной болезни: тяжкого невежества. Она становится сознательной. Сознательная просвещенная Красная Армия—сила непобедимая. Она выполнит возложенную на нее историей задачу—освободит мир от рабских пут и проложит путь в царство свободного труда.

М. Волчанецкий.

Подготовка артиллерии к июльскому наступлению.

I.

Состояние артиллерии западного фронта в начале 1920 года.

Состояние артиллерии, имевшейся в распоряжении западного фронта в начале 1920 года, было такое, что, в случае серьезных операций, она не могла бы принести той пользы, которую можно извлечь из этого рода оружия в нормальной обстановке.

Причины, понижавшие ее уровень, были весьма разнообразны. В кратком очерке невозможно перечислить все обстоятельства, влиявшие на боеспособность наших батарей, поэтому поневоле приходится остановиться на главнейшем.

Прежде всего, требовала вмешательства внутренняя сторона. В значительной части личного состава были живы привычки и боевые традиции, выработавшиеся в двухлетний позиционный период 1915—17 г. и совершенно неприложимые в условиях той подвижной жизни, которая предстояла артиллерии с наступлением лета. Нынешний молодой контингент артиллерийских начальников не застал маневренного периода войны 1914—18 года, и имел представление о действиях в поле только по учебникам. Вследствие этого, можно было ожидать, что, с переходом к широким операциям, действия артиллерии не будут иметь достаточно гибкого и отзывчивого к боевым требованиям характера.

Другая часть командного состава, прошедшая лишь краткий теоретический курс и практически познакомившаяся с формами боевой работы артиллерии в партизанский период войны, склонна была к совершенно противоположному методу использования последней, вводя, например, орудия непосредственно в стрелковую линию или пренебрегая основными свойствами материальной части и тактики артиллерии. Это, не менее—если даже не более—опасное течение, было особенно рас-

пространено в среде пехотных начальников, и в столкновении с серьезным противником могло привести к весьма нежелательным для нас последствиям.

Следует указать также, что в среде многих лиц командного состава жила старая хозяйственная закваска, заставлявшая пред'являть неумеренные запросы в области своих нужд и считать себя небоеспособным, в случае их неудовлетворения. Такая тенденция, влияя на уверенность в своих силах, понижала боевые качества артиллерии, почему требовала всяческой борьбы путем привития сознания необходимости довольствоваться наличными средствами, сколь малы бы они, подчас, ни были.

Не прошла без следа также неоднородность источников пополнения и образовательного уровня командного состава, что сказывалось на отношениях в среде самих артиллеристов.

К этим отрицательным условиям внутреннего порядка следует прибавить также факторы внешние, к числу которых относятся: некомплект личного и конского состава, недостаток вооружения и снаряжения, и т. п.

Таким образом, в среде наличных частей не было того однообразия комплектования и подготовки, которое было необходимо в предстоящих боевых действиях и без которого о стоявших на позиции батареях не приходилось говорить, как об артиллерии Западного фронта, т. е., как о чем то цельном.

Между тем, ликвидация Северного, Колчаковского и Деникинского фронтов, и перенесение внимания на Запад вызывали прибытие ряда новых дивизий со своей артиллерией. Части эти, поступая с самых различных оперативных направлений, приносили с собой чрезвычайно разнородные и часто весьма оригинальные приемы боевой работы, выработанные в результате их опыта в разных углах обширного Красного фронта. Эти методы были, сплошь и рядом, продиктованы не столько оригинальностью условий войны или приемов воюющих, сколько об'яснялись то недостатком знающих начальников, то отсутствием необходимейших предметов снаряжения, или некомплектом людей и лошадей, то, наконец, свойствами пехоты, требовавшими несвойственных приемов применения артиллерии.

Следовательно, имеющееся на лицо неоднообразие своих частей умножалось прибытием чужих. К тому же, приносимые последними, взгляды и навыки, в приложении к регулярным условиям войны на Западном фронте, являлись больным наростом, требовавшим удаления. Конечно, не все приходившие дивизионы были заражены неправильным

пониманием дела, но, в общем, слагалась обстановка, требовавшая длительной и серьезной работы по перевоспитанию частей с вполне сложившейся боевой физиономией, и по инструктированию их для деятельности в непривычной для них обстановке Западного фронта.

Вместе с тем нельзя не отметить, что далеко не все поступавшие дивизионы имели необходимое количество личных и материальных средств, для выполнения возлагавшейся на них работы и, как и аборигены фронта, нуждались в значительном пополнении.

II.

Характер подготовительной работы.

Из сказанного становится ясным план той подготовительной деятельности, которого надлежало придерживаться для приведения артиллерии в порядок. Соответственно имевшимся на лицо дефектам, в совершенной работе можно отметить три стороны:

1) поднятие внутренней боеспособности частей и приведение их к однообразному виду;

2) укомплектование артиллерии всем необходимым, и

3) непосредственная подготовка наступления.

Так как, первые два элемента, а особенно воспитательная сторона дела, являются факторами, поддающимися лишь весьма медленному эволюционному изменению, о подготовке артиллерии можно судить, только взяв ее состояние за продолжительный промежуток времени. Поэтому настоящий очерк, будучи посвящен подготовке артиллерии к июльской операции, обнимает собой длинный, полугодовой период жизни Западного фронта от января до июня 1920 года.

III.

Значение артиллерийской инспекции.

Перечень того, что было сделано для поднятия боеспособности артиллерии, как и вообще войск Западного фронта, весьма разносторонен и обширен. Включая в себя все отрасли дела, он, естественно, вызвал напряженную работу всех составных частей полевого управления фронта и армий: штабов, снабжения, инспекций всех видов, управления запасными войсками и проч. В области, касающейся артиллерии, принимали участие также все перечисленные органы.

В исполненной, таким образом, работе необходимо выяснить роль и значение инспекции артиллерии фронта и армий. Общее поднятие боеспособности своего рода оружия есть задача последней; но выполнение отдельных моментов в этой работе, как, например, снабжение частей и подготовка личного состава, инспекциями не выполняется, и упоминание о них не является стремлением приписать общую работу одному составному; толковать это приходится иначе.

В существующей специальной литературе детально разобран вопрос об управлении артиллерией, в масштабе дивизиона. Роль высших артиллерийских начальников, а, особенно, сфера деятельности инспекционных артиллерийских органов—не может считаться достаточно теоретически обоснованной.

Наше оффициальное «Положение» обращает артиллерийскую инспекцию фронта и армии в орган чисто административный, с контрольными и инструктирующими функциями. Существует, однако, и другое течение,—сделать его оперативным, расширяв права инспекторов. Оба эти направления, борясь с давних пор в пределах различных комиссий, не вынесены на обсуждение широких кругов.

Предлагаемая статья представляет собою попытку лишить вопрос его камерного характера и возбудить обмен мнений в кругах, не привлеченных к участию в комиссионной работе, но имеющих в данном деле непосредственный боевой опыт.

Отражая в себе деятельность одной из инспекций, работавшей в границах, предуказанных ей законом, статья эта может служить иллюстрацией одного только решения вопроса. Быть может где либо встретится и иное.

Другого рода значение очерка обусловливается полным отсутствием в литературе практического перечня деятельности инспекции в пределах существующей компетенции. Таким образом, не претендуя на полноту и непреложность системы, описание проделанной работы может иметь смысл, как взятый из действительности пример деятельности жизненно важного, но недостаточно разработанного органа управления.

Возвращаясь к вопросу о роли, которую играла артиллерийская инспекция в общем об'еме работы всего Западного фронта, очертить ее можно, лучше всего, таким примером.

Артиллерийская инспекция, как сказано, сама не формировала, не снабжала и не обучала. Но, сосредоточивая в себе самые обстоятельные сведения о состоянии и нуждах частей, она являлась тем оком общего командования, при посредстве которого последнее всегда

видит истинную физиономию артиллерии, а следовательно, получает возможность правильно судить о необходимых улучшениях и о том, чего можно достигнуть с имеющимися средствами.

Так, барометр, не делая погоды, является неоценимым подспорьем в предсказании последней.

IV.

Метод работы.

В пределах самой инспекции работа была разложена равномерно по всей лестнице подчинения. Непосредственно инспектирующая служба выполнялась, главным образом, армейскими и дивизионными средствами. Руководящая роль инспекции фронта требовала, по преимуществу, об'единения и руководства деятельностью подведомственных инстанций; впрочем, и в смысле осмотров были достигнуты значительные результаты, составившие в разные месяцы от 10 до 30 %/% всей работы фронта в данном направлении.

Вопросы, подлежащие ведению испекции—состояние частей, их боевая подготовленность и проч.,—слагаются из столь изменчивых и трудноуловимых мелочей, что единственным способом их уловления и оценки является непосредственный осмотр. Последний и был положен в основу всей работы. Было установлено, что каждая часть должна быть проинспектирована не менее, чем раз в два месяца; при этом начальники артиллерии дивизий были обязаны известным минимальным числом осмотров

Развитая всеми органами фронта инспекторская деятельность может быть охарактеризована следующей диаграммой (черт. 1).

Отрицательной стороной принятой системы являлась ее суб'ективность: суждение о недостатках части и степени ее боеспособности, как и весь характер отчета, в значительной степени зависит от взглядов инспектирующего.

Чтобы при таком порядке избегнуть пестроты, необходимо было бы в первую очередь подготовить кадр знакомых со всеми отраслями службы и одинаково мыслящих инспекторов, которые понимали бы современные требования дела.

Именно эта задача,—выработка одинакового критерия для суждения о состоянии части и ее главнейших нуждах, и являлась, вначале, первейшей заботой артиллерийской инспекции фронта; она выразилась

в преподании ряда руководящих указаний армиям и дивизиям и в организации специальных занятий по этому вопросу с лицами, производящими инспектирование.

Накапливавшийся отчетный материал, благодаря большому числу осмотров и значительному количеству замечаний в каждом из них, порождал большую переписку об устранении встретившихся недочетов. Для придания всему делу однообразия, в результате продолжительного опыта, была принята следующая система.

О каждом осмотре составлялся по определенной програме отчет, включавший все сведения о боевой задаче и расположении части, о подготовке и степени соответствия личного состава, о состоянии вооружения, снаряжения и проч. видов довольствия, о конском составе, санитарном и ветеринарном состоянии части, об отчетности, канцелярии и т. д. Из отчетов делались выборки, в которые заносилось все наиболее существенное; на основании их, для устранения замеченных недочетов, инспекция сносилась с теми строевыми начальниками и довольствующими учреждениями, от которых зависело их устранение. Копии же с самих отчетов посылались в осмотренные части с отметками о необходимых улучшениях.

Согласование деятельности армейских инспекций производилось путем составления планов работы на каждый текущий месяц.

Наконец, с целью проверки результатов производимой работы, было принято за правило, что при каждом новом осмотре, инспектирующий убеждается, насколько исполнены руководящие приказы и указания, полученные частью в результате предыдущей проверки или в общем порядке службы.

V.

Уровень подготовки командного состава.

С целью устранения тех недочетов в подготовке командного состава, которые перечислены в начале очерка, пришлось начать серьезную и продолжительную борьбу. В течение шести месяцев, именем Командующего Фронтом, было отдано несколько руководящих приказов, содержавших в себе указания войсковым начальникам о свойствах артиллерии и порядке ее применения. Кроме того, отдельные ошибки и упущения, не имевшие общего характера, служили материалом для преподания инспартармам периодических циркулярных указаний. На-

иболее поучительные эпизоды подвергались обработке и также рассылались с необходимыми пояснениями, ссылками на статьи уставов и примечаниями тактического характера.

Кроме того, был принят ряд самостоятельных шагов, клонившихся к той же цели. Сюда относятся: а) организация учебных практических стрельб с тактическими задачами и подробным разбором их всеми присутствующими; б) систематические занятия в дивизионах, и в) постоянное повторение при об'ездах и инспекциях основ боевой подготовки.

Для суждения о соответствии командного состава производилась поверка его знаний, что, в связи с видимым состоянием части и боевыми аттестациями, дало возможность разделить весь начальствующий персонал на три группы: 1) достойных выдвижения на высшие должности, 2) удовлетворяющих своему назначению, и 3) несоответствующих.

Под влиянием указанных мероприятий и накапливавшегося боевого опыта произошло несомненное поднятие уровня подготовки, особенно бросающееся в глаза резким уменьшением третьей группы, насчитывавшей к началу июля в шесть раз меньше людей, чем в январе месяце.

Иллюстрацией этого изменения служит следующая диаграмма: (см. черт. № 2).

VI.

Слаженность работы батарей.

Аналогичными мерами была непрерывно поднимаема также слаженность работы батарей. Нижеприводимый график свидетельствует, что в этом отношении достигнуты еще более удачные результаты, чем в предыдущем случае.

VII.

Комплектование личным и конским составом.

Большой недостаток личного и конского состава в действующих на фронте частях не только не позволял развить требуемое обучение с достаточной полнотой, но сплошь и рядом, даже препятствовал нормальной боевой работе батарей.

Численный рост артиллерии, характеризуемый черт. 4, 5 и 6, значительно усложнял заботы об обучении.

Как видно из этих диаграмм, количество комадного состава (черт. 4), красноармейцев (черт. 5) и лошадей (черт. 6) возросло в несколько раз. Такое увеличение должно быть об'яснено, главным образом, появлением на фронте новых частей; если взглянуть на прилагаемые кривые, характеризующие состояние отдельных батарей, то окажется, что прибытие на Западный Фронт новых дивизионов вызвало понижение среднего уровня укомплектования, так как поступающие части имели значительно меньше командного (черт. 7), и конского (черт. 9) состава, и красноармейцев (черт. 8), чем коренные.

Таким образом, приходилось изыскивать различные способы для извлечения новых укомплектований. Особенно остро чувствовался недостаток в командном составе. Поэтому, в отношении его пополнения, были приложены исключительные усилия; из мер, относившихся сюда, главнейшими были: а) исходатайствование пополнения из тыла через Р. В. С. Р.; б) подготовка средствами фронта Красных Командиров, и в) извлечение бывших офицеров, занимавших нестроевые должности и работавших не по специальности — в строй.

Красноармейцы и лошади черпались почти исключительно из запасных войск.

Чтобы охарактеризовать работу артиллерийской инспекции по укомплектованию личным и конским составом, достаточно сказать, что через ее руки за шесть месяцев прошло число красноармейцев, равное половине всего количества их в начале года, а командного состава столько же, сколько его числилось в январе месяце, т. е., количество первых возросло на 50, а вторых на 100 процентов.

VIII.

Работа по формированию и учебная деятельность.

Весьма разносторонняя деятельность была развита также в области формирований. Часть ее протекала совместно с управлением запасных войск, часть же была проведена самостоятельно.

Важнейшими мероприятиями в области формирований были:

1) выработка порядка формирования новых артиллерийских частей;

2) доформирование частей, прибывавших на фронт в неокончательно готовом виде;

3) сформирование некоторых частей заново;

4) переведение ряда существовавших артчастей на новые штаты;

5) реорганизация всей артиллерии фронта, и перевод дивизий к новому составу артиллерии.

В тесной зависимости от работы по формированию находилась также и учебная деятельность инспекции.

В главе о подготовке комсостава и слаженности работы батарей уже говорилось о некоторых мероприятиях этого характера. Кроме них, были приняты меры к установлению однообразной программы занятий в частях, по снабжению последних специальной литературой, проверке действительности и успешности производимых занятий и т. п. В частности, недостаток командиров батарей и тугое поступление пополнений в них побудил принять на арткурсах фронта программу Высшей Артиллерийской Школы, благодаря чему был выпущен ряд кандидатов на эту должность, и тем предотвращен назревавший кризис.

IX.

Увеличение количества артиллерии на фронте.

Число частей, входивших вновь в состав западного фронта, благодаря прибытию их с других фронтов, и производившимся формированиям, становилось с каждым месяцем все больше и больше. Иллюстрацией этого процесса являются чертежи 10 и 11, показывающие увеличение числа легких и тяжелых батарей.

Однако рост численности батарей, характеризуемый этими диаграммами, вовсе не был связан с таким же ростом орудий, так как прибывавшие на фронт дивизионы имели значительный некомплект и в материальной части. И хотя, абсолютно, количество орудий становилось все больше и больше (черт. 12 и 13), зато число их на батарею колебалось то в одну, то в другую сторону (черт. 14), обнаруживая лишь весьма медленное увеличение.

Между тем, недостаток материальной части давал себя чувствовать особенно остро. Поэтому заботы об ее пополнении проходили красною нитью через деятельность инспекций всех ступеней.

X.

Обеспеченность разными видами довольствия.

Так как обыкновенная требовательная ведомость, составляемая на недостающие предметы, не содержит в себе указаний, насколько некомплект в том или ином имуществе отражается на ее боевой физиономии, а в представленных отчетах об осмотрах наиболее существенные нужды

всегда выясняются и подчеркиваются, инспекция может принести большую помощь органам снабжения путем указания им на эти недочеты.

Вместе с тем, так как интересы питания армии огнестрельными припасами требуют постоянного тесного общения в работе органов артиллерийского снабжения со строевой линией, представителем которой является инспекция, необходимо было принять известную систему взаимоотношений обоих.

После некоторых колебаний было установлено, что общие соображения об обеспечении армии артиллерийским довольствием исходят от инспекции, которая, вместе с тем, должна быть постоянно осведомляема органами снабжения о ходе комплектования снабжения частей. Вместе с тем, инспекторам и начальникам артиллерии в области текущего артснабжения было предоставлено право давать непосредственные указания начснабам. Таким образом, руководящая, идейная сторона была целиком в руках строевого начальства, и все снабжение производилось под непрерывным контролем инспекций.

Кроме этого была выполнена работа чисто организационного характера по перевооружению частей, установлению норм укомплектования и расходования имущества, по определению возимых запасов, заказу недостающих предметов, изменению и установлению различных элементов вооружения и снаряжения, по контролю деятельности полевых технических артиллерийских заведений фронта и т. п.

XI

Техническое руководство

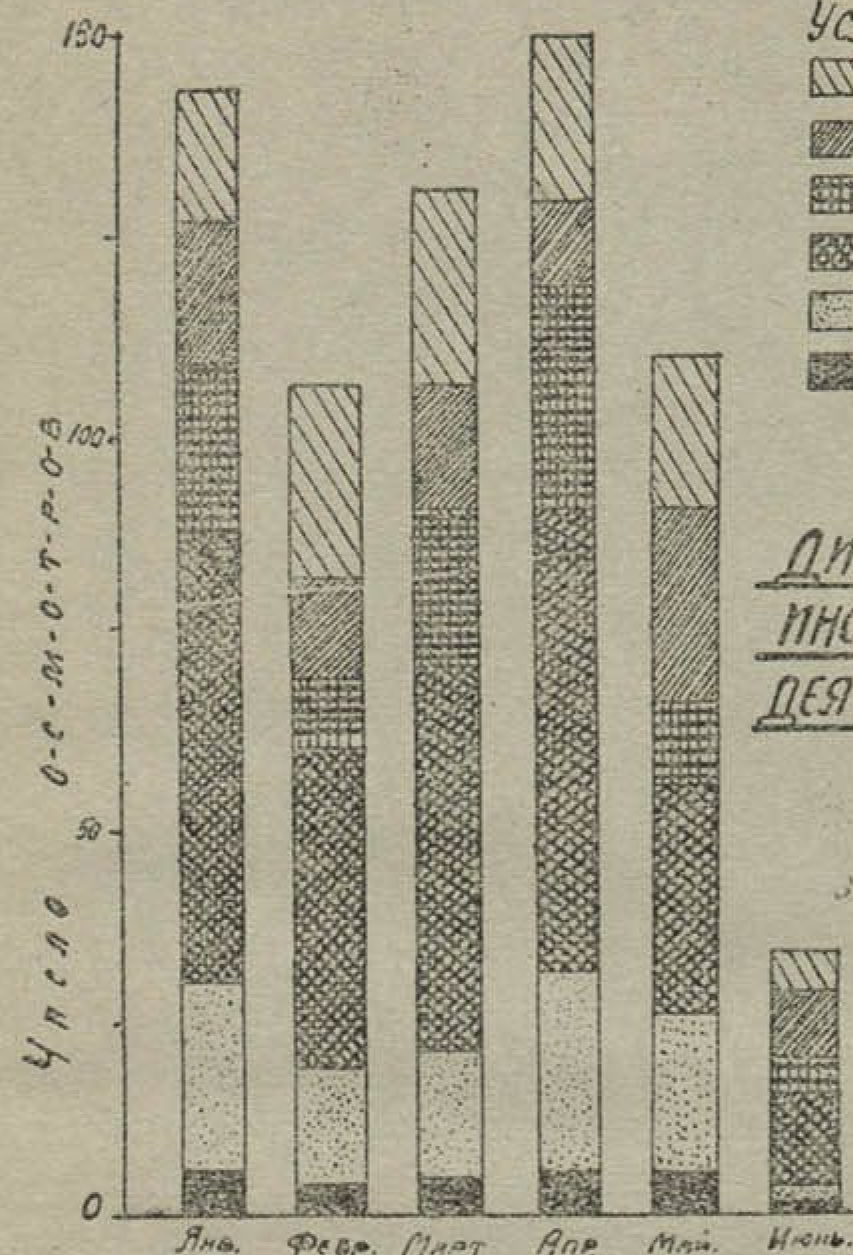
Необходимость привития внутри самой артиллерии правильного взгляда на способы применения и ведения различных отраслей дела по специальности, вызвала к жизни ряд указаний технического характера, ни перечислить, ни свести в группы которые нет никакой возможности, так как они касались буквально всех сторон жизни и службы артиллерийских частей.

Из вопросов, требовавших наиболее частого вмешательства, следует отметить:

1) упорядочение хранения и расходования огнестрельных припасов;

2) установление правильного взгляда на роль артиллерийских начальников, особенно старших, от начальника артиллерии дивизии и выше;

Черт. 1

Условные знаки
арт. парки
тяж.
гауб.
легк.
} батареи
упр. арт. див-на.
упр. нач. арт. дивизии

Диаграмма инспекторской деятельности.

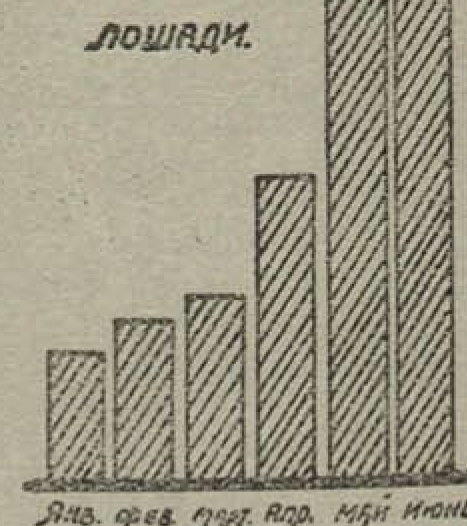
Черт. 4

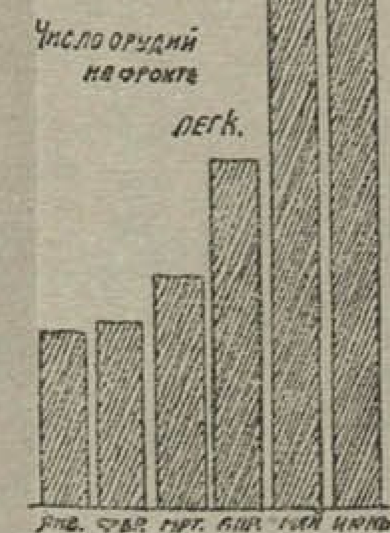
Черт. 5

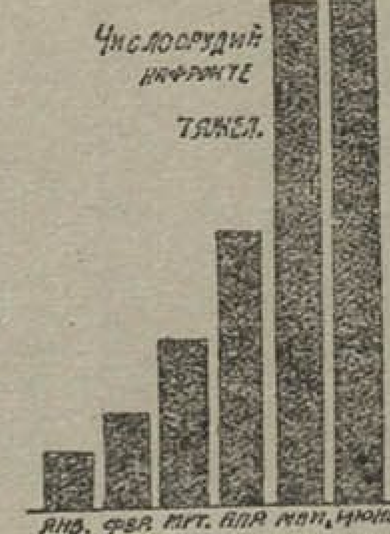
Черт. 6

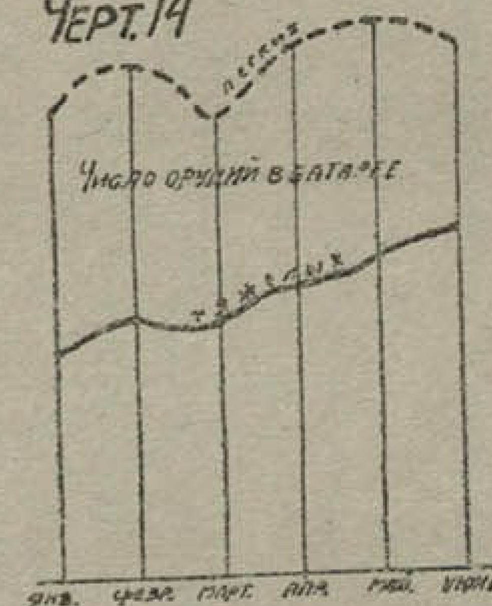
Черт. 12

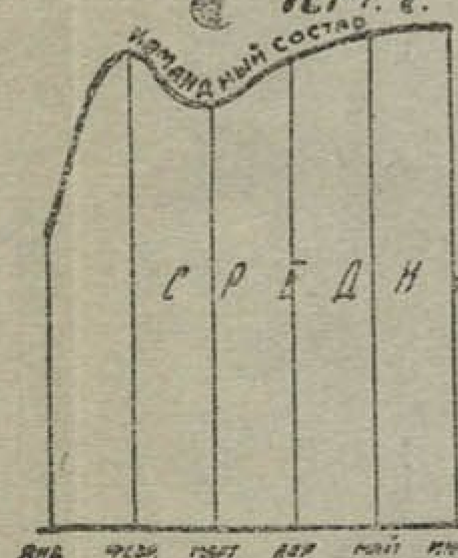
Черт. 13

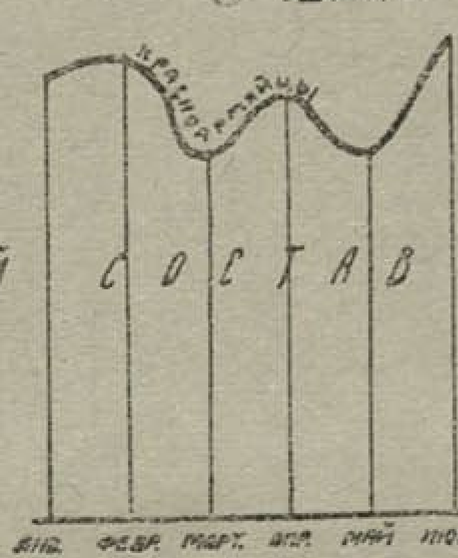
Черт. 14

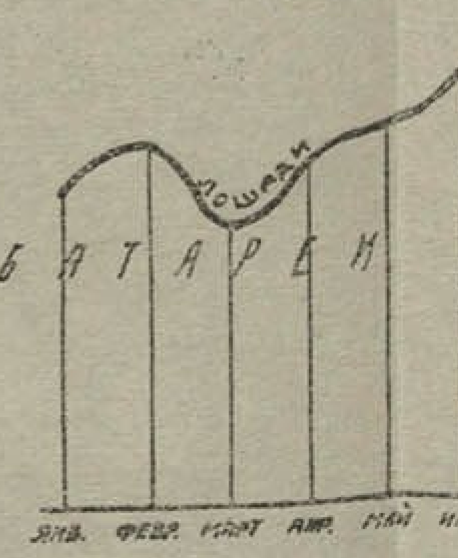
Черт. 7

Черт. 8

Черт. 9

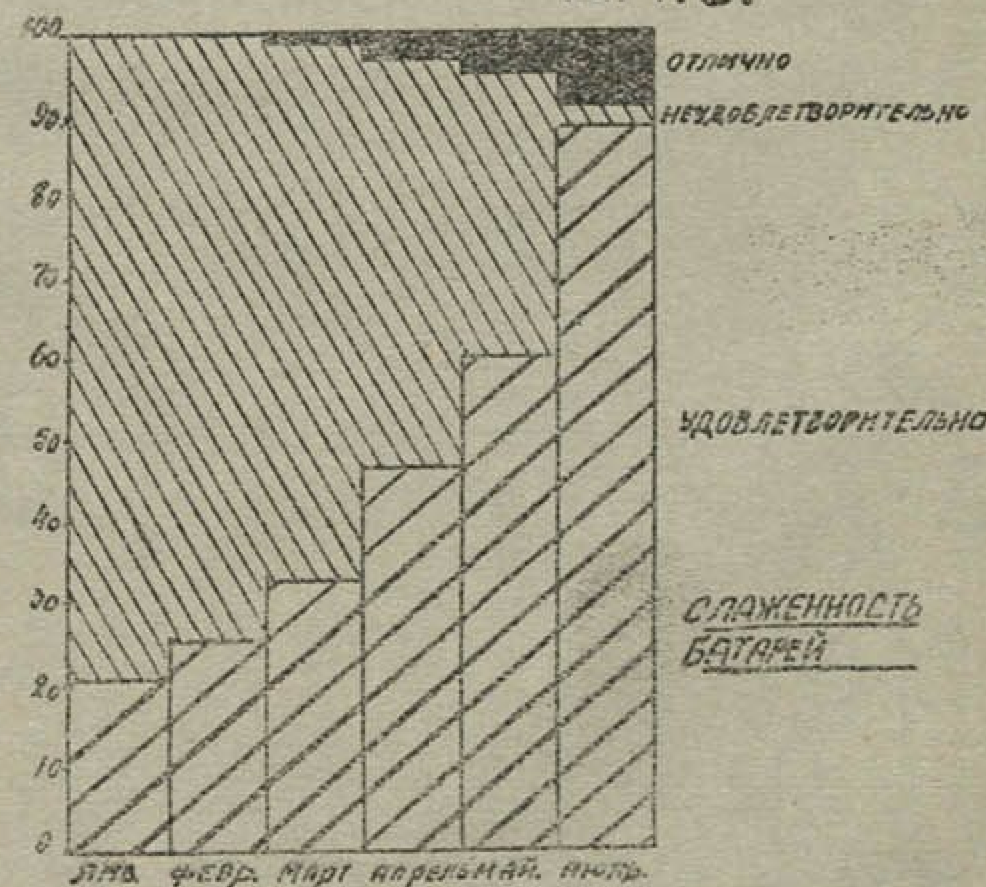
Средний состав батареи

Янв. Февр. Март Апр. Май Июнь

Черт. 2

Черт. 3

отлично
неудовлетворительно
удовлетворительно
Слаженность батарей

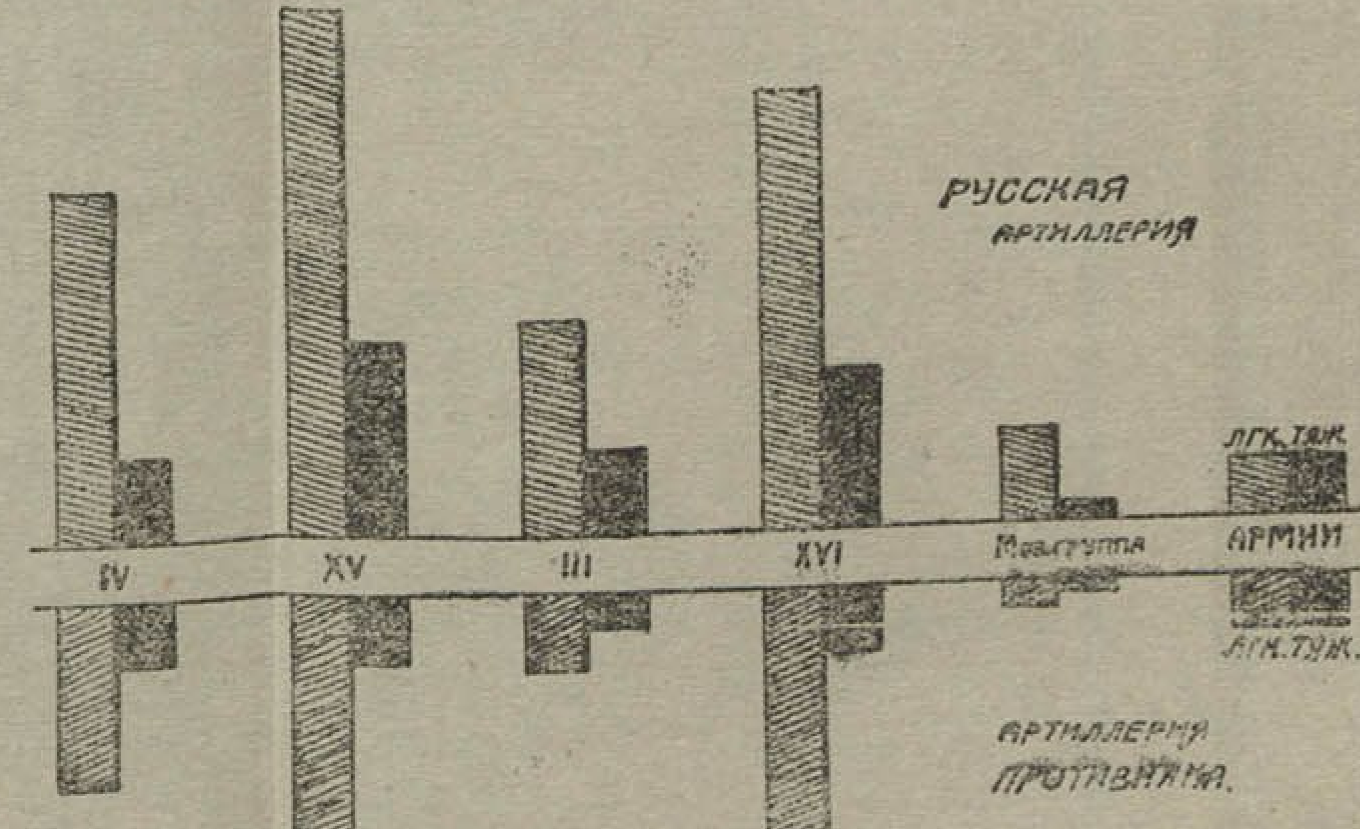
Черт. 10

Черт. 11

Число батарей на фронте

Черт. 15.

3) указания по правильному применению артиллерийских частей и орудийного огня;

4) упорядочение совместной работы артиллерии с воздушными средствами;

5) указания по службе и работе бронечастей, вызывавшиеся слабой обученностью некоторых из них;

6) поднятие в артиллерии маскировочного дела и самоокапывания; и

7) установление определенного порядка во вспомогательных отраслях артиллерийской службы — разведке, наблюдении и связи.

XII.

Разведывательная деятельность артиллерии.

Помимо указанной административной подготовки, надлежало выполнить также работу чисто оперативного характера, необходимо было тщательно выяснить какого противника имеют перед собою русские батареи, в лице польской артиллерии.

Сведения общего порядка — об источниках комплектования, общей организации и т. п. — могли быть собраны только средствами агентурной разведки, что и было выполнено распоряжением штабов; артиллерии же принадлежала более важная в боевом отношении задача — выяснить численность и боевые приемы неприятеля.

Сбор этих сведений был возложен на органы артиллерийского наблюдения. Сведения, получаемые от последних, сосредоточивались в Управлении Инспектора Артиллерии Фронта и периодически рассылались для информации в Полевой Штаб Р. В. С. Р. и Командующему армиями Фронта, служа основанием для заполнения разведывательной сводки Штаба Западного Фронта данными о расположении, численности и калибрах артиллерии противника.

Таким образом, составлялась наглядная картина соотношения артиллерийских средств, которая иллюстрировалась инспекцией графиком типа, изображенного на черт. 15, который выражает положение дела в период, близкий к началу наступления. Вполне понятные соображения не позволяют указать число орудий, но из чертежа видно значительное количественное преобладание русской артиллерии. Протекшие, с тех пор, почти три месяца, наполненные горячими боями, должны были изменить эту картину, благодаря естественной убыли и захвату орудий противными сторонами, так что судить по диаграмме о современном состоянии, конечно, не приходится

Обращаясь ко второй стороне разведывательной деятельности — изучению особенности действий неприятеля—приходится констатировать, что последний не выработал или не применял никаких новых приемов, неизвестных русской артиллерии.

Этот отрицательный вывод должен был иметь немалое значение в расчете сил, необходимых для прорыва и борьбы с неприятельской артиллерией.

XIII.

Меры непосредственной подготовки.

Распоряжения, намеченные к исполнению непосредственно перед операцией, имели в виду подготовку тылов к предстоящему наступлению и повсеместное обеспечение непосредственного технического руководства частями в предстоявших боях.

Перечень их следующий:

1) выработка норм питания войск огнестрельными припасами;

2) указания по организации транспорта, данные инспартармам;

3) указания по эшелонированию питающих и снабжающих средств и, наконец,

4) высылка на места состоящих для поручений при инспекторах артиллерии для непосредственного наблюдения за ходом операций и инструктирования артиллерийских начальников.

Полное проведение в жизнь этих мер оказалось неосуществимым. Оценка причин этого выходит из рамок настоящего очерка, так как должна быть сделана при разборе самой операции. Можно, однако, отметить, что затруднения в осуществлении указанных распоряжений должны быть отнесены всецело за счет громадной стремительности наступления.

Перечисленными мерами исчерпываются главнейшие пути подготовки артиллерии. Сверх того, в течение зимнего и весеннего периода ей было преподано большое число разнообразных мелких указаний, имевших ввиду всестороннее усовершенствование быта и службы частей.

Оставляя в стороне некоторые мелкие недочеты, обнаружившиеся в дни наступления, следует признать, что совершенная длительная работа по поднятию боеспособности артиллерии не пропала даром, войсковые начальники, в общем, сумели использовать этот род оружия; артиллеристы же не только превзошли противника, но и в целом ряде случаев обнаружили высокую доблесть и немалое искусство.

Е. Татарченко.

Действия авиации при отступательном марше.

(ОБЗОР).

В недавний период отступления на нашем фронте, на долю авиации выпала почетная и ответственная задача—собственными силами обеспечить эвакуацию по железной дороге Барановичи—Минск, затруднить продвижение наседавших ударных частей противника, главным образом кавалерии, и дать, таким образом, совершить необходимые перегруппировки.

С этой задачей авиация, без всякого преувеличения, справилась блестяще и действия ее нужно признать выдающимися по результатам, образцовым по организации и достойным самого серьезного внимания со стороны общевойскового командования и широких военных кругов.

Если в заграничных армиях громадное боевое значение авиации безусловно признано, зафиксировано в уставах, инструкциях и т. п., и в доказательстве необходимости мощной авиации в армии нет нужды, то у нас дело обстоит иначе. У нас до сих пор для многих, увы, даже слишком многих военных специалистов и ответственнейших работников, необходимость авиации в армии и необходимость дать колоссальные средства для ее развития—теорема, которую нужно доказывать, и доказывать не в сфере теоретической отвлеченности, но на практике, чисто показательным путем, методом, допускающим прощупывание пальцем, что, по отзывам насмешливых иностранцев, является национальным русским гносеологическим методом.

Что же получается? С одной стороны—требование показать на деле, что авиация действительно может выполнять оперативные задания, существенно влияющие на ход боя или операции, с другой—резонное указание, что авиация тогда только и может решать исход боевых заданий, когда она многочисленна и сильна.

Поэтому особенно необходимо отмечать чисто-практические результаты, достигаемые авиацией, даже в теперешнем несовершенном виде, чтобы, исходя из этих фактов осязаемого опыта, можно было предугадать, не обладая особой проницательностью, те результаты, которые будут достигнуты, если авиация получит должное развитие.

Нам хотелось бы, чтобы помещаемый ниже обзор лишний раз подчеркнул необходимость для Красной Армии и Советской России иметь мощную авиацию. Красная авиация должна, сбросив с себя детские пеленки, стать, наконец, на ноги и, догнав Запад, пойти по пути беспрепятственного широчайшего развития, и в качестве современнейшего и самого мощного рода оружия, и в качестве замечательнейшего в человеческой истории культурного фактора, призванного произвести глубочайший переворот в человечестве. В частности, в военном деле—стратегия двух измерений должна замениться стратегией трех измерений, и во всей военной науке должна произойти кардинальная переоценка ценностей и чем раньше сделают это, тем лучше.

Действия авиации, являющиеся предметом настоящего краткого обзора, как раз относятся к таким показательным фактам, которые невольно дают толчок в вышенамеченном направлении.

* * *

29 сентября, видя, что армейское командование при начавшемся отходе своих частей, отправляет авиацию с фронта в тыл, в первую голову, совершенно отказываясь ее использовать в самый нужный момент, штавоздухзап, проводя в жизнь провозглашенный им же лозунг: „авиация наступает первая и отступает последняя", представил фронтовому командованию проект: в трехдневный срок сформировать из неиспользованных в армии и отправленных в Минск авиотрядов—воздушную эскадрилью западного фронта. Цель создания эскадрильи: защита подступов к Минску и обеспечение планомерной эвакуации по жел. дороге Барановичи—Минск. Проект был одобрен. Были предоставлены некоторые полномочия в смысле пользования желдорожным транспор-

том, и благодаря энергии начальника штаба воздухфлотзап красвоенлет т. Корф, назначенного начальником эскадрильи, последняя уже 2 октября начала боевую работу.

К этому моменту обстановка на фронте перед Минском была такова: 28/IX противник, потеснив часть 8-ой дивизии на линии Слоним—Жировцы, в тот же день конными частями, при поддержке бронемашин, прорвав фронт в районе м. Битень, м. Доминово, вышел в тыл нашим частям и к вечеру 30/IX занял ст. Барановичи. Распространяясь далее на восток, ко 2/X оттеснил наши части на линию Хлюпичи—Сволничи. На ст. Барановичи к 2/X стоял уже штаб 14 польской дивизии и подтягивались пехотные части на подводах.

Начальник эскадрильи, получив задание разведки района Барановичи, просил по собственной инициативе расширить задание—бомбометанием станции Барановичи.

Эскадрилья вылетела в полном составе к вечеру 2/X для выполнения задания. Чисто боевые действия эскадрильи выразились в разгроме ст. Барановичи и воздушной атаке двигавшихся по дорогам обозов противника. Группа в 7 самолетов, получившая специальную задачу разгромить станцию Барановичи, сбросила несколько десятков бомб на жел. дорожные пути, станционные здания и скопление обозов на станции.

При этом, одним только самолетом типа Брегє, пилотируемым красвоенлет'ом Каныгиным с пассажиром-наблюдателем Аузан, сброшено с высоты 800 метров 9 пудов бомб с весьма удачными попаданиями. Полотно железной дороги было разрушено в нескольких местах, несколько бомб попало в станционные постройки и обозы.

Во время этой бомбардировки, как выяснилось теперь, одна из бомб, попав в штаб 14 дивизии, убила начальника дивизии генерала Конаржевского и нескольких штабных служащих переранило.

Летчик Пиир с наблюдателем Шнитниковым с 400 метров атаковал двигавшуюся на подводах, по шоссе к дер. Миловиды, пехоту противника бомбами и пулеметным огнем, вызвав большую панику. Другие летчики, расстреливали с воздуха все замеченные части противника, по всем дорогам, в районе станции Барановичи. В результате этих дружных

атак, все обозы перемешались, часть людей разбежалась в панике в леса, пехота, ехавшая на подводах, задержалась на несколько часов, управление дивизией, за смертью начдива, расстроилось, словом, на некоторое время в тылу у противника создана была большая дезорганизация.

3/X и 4/X утром авиоразведкой было установлено, что 8-я дивизия, прикрывавшая подступы к Минску, обойденная и сбитая со своих позиций, не в порядке отходила к югу от ж. д. Барановичи—Минск.

Некоторое время дорога на Минск была совершенно открыта. 27-я дивизия, бывшая к северу от желдороги, только 5|X заполнила прорыв. В образовавшийся широкий прорыв проникла конница противника. 3/X она была уже в районе станции Столбцы. 4/X кавалерийские части были на линии станции Койданово,- продолжая без всякого сопротивления двигаться дальше к востоку. Путь на Минск был свободен, по крайней мере, по земле. К вечеру 4/X противник должен был быть в Минске, если бы не воздушная эскадрилья, ставшая единственным рессурсом Штарма № для защиты подступов к Минску. Установив предварительной авиоразведкой, что раз'езды продвинулись уже к ст. Фаниполь, а у ст. Койданово находится значительная кавалерийская группа, эскадрилья в полном составе вылетела около часу дня для ее атаки. В районе южнее. ст. Койданово произошла замечательная встреча нашей авиации с кавалерией противника. Снизившись на 300—400 метров, а летчики Пиир и Алексеев даже до 100 метров, наши красные орлы решительно атаковали поляков, забрасывая их бомбами и энергично обстреливая из пулеметов.

Как всегда бывает в таких случаях, кавалерия тотчас же начала рассеиваться, лошади, люди в панике смешались в кучу, часть всадников, спешившись, разбежалась по лесам.

Летчики не отставали до тех пор, пока противник не рассеялся совершенно. Некоторые летчики, увлекшись, гонялись даже за отдельными всадниками.

В результате этой блестящей воздушной атаки, примерно от полка кавалерии, победоносно и без сопротивления двигавшегося вперед, наводя панику неожиданностью своего появления, в 10—15 минут не осталось ничего.

Атака эскадрильи, выведя из строя не мало людей и лошадей, и замедлив на несколько часов движение противника, дала этим возможность частям 27-й дивизии, заполнить прорыв и уничтожить остатки прорвавшихся частей; кроме того, будучи произведена сравнительно в больших силах, должна была навести польское командование на мысль о серьезном сопротивлении, организованном под Минском и заставить ожидать более солидных подкреплений. Этот выигрыш времени весьма существенен для производства необходимых перегруппировок.

Эскадрилья с этого налета вернулась на ст. №, в район которой должен был перейти и Штарм №. Так как Штарм № неожиданно передвинулся в другое место, эскадрилья осталась без оперативной связи и поэтому перелетела в Смоленск.

Нужно прибавить, что выдающиеся действия эскадрильи в воздухе сопровождались не менее самоотверженной работой т. т. мотористов на земле. Напр., группа мотористов, работая всю ночь напролет, при свете костров, призвела ремонт, потребовавший бы при нормальных условиях недельный срок.

В. Бортникер.

Действия артиллерий на западном фронте.

(Период операций с 4 июля по 15 августа 1920 г.).

Боевая деятельность Армий Западного Фронта за период, с начала июля по середину августа с. г., ознаменовалась необыкновенно стремительным наступлением наших частей вперед, в продолжение почти полутора месяцев. Были пройдены с боем многие сотни верст, причем скорость движения была такова, что войсковые тылы едва успевали следовать за частями, а зачастую и вовсе отставали. Эта богатая разнообразием боевых эпизодов операция дает нам довольно много материала для характеристики боевой деятельности артиллерии Армий Запфронта, которая героически прошла всю Белоруссию и Литву и большую часть Польши, всюду помогая своим огнем пехоте и расчищая последней дорогу для стремительного наступления вперед.

К сожалению материалы, послужившие источником для данной статьи, весьма отрывочны и еще слишком неполны для того, чтобы дать законченную картину состояния и деятельности артиллерии за данный боевой период.

Эта задача по силам только будущим исследователям, наша же цель — путем сопоставления и группировки отдельных эпизодов и фактов боевой жизни артиллерии,— сделать вывод об общих для артиллерии особенностях в несении артиллерийской службы, и о тех погрешностях, которые являются, как результат разного рода причин, устранение коих является ближайшей задачей артиллерии Армий Западного Фронта.

Многие из выводов, которые можно было бы сделать по вполне понятным соображениям, не могут быть еще предметом гласности и о них приходится пока еще умолчать, но, в сущности говоря, это не нарушает цельности картины и нисколько не поведет к установлению неправильного взгляда на состояние и деятельность артиллерии, т. к. выводы эти менее существенны, нежели секретны.

Состояние артиллерии к началу операции.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопросов, характеризующих деятельность артиллерии Западного Фронта за время последних операций, необходимо бросить беглый взгляд на то состояние, в каком находилась артиллерия к моменту операции и на те, чисто технические условия, в каких пришлось действовать нашим артиллеристам, так как иначе многие особенности и ненормальности боевого распорядка артиллерии были бы трудно об'яснимы, и доблестные артиллеристы рисковали бы получить ряд совершенно незаслуженных упреков.

К началу боевых операций, т. е., к 4-му июля артиллерия Западного Фронта состояла из многих десятков легких, гаубичных и тяжелых артиллерийских дивизионов с несколькими десятками тысяч солдат и лошадей, входивших в состав артиллерии дивизий, как стрелковых, так и кавалерийских. Сверх того на фронте имелось большое число артиллерийских частей особого назначения, как то: зенитных, батарей „ТАОНА" и т. п.

То большое количество артиллерии, которым располагал фронт к началу операции, создало даже известное перенасыщение артиллерией, так как число орудий, приходившихся на одну тысячу штыков, превышало более, чем втрое, норму 1914 года. Силы противника по данным общевойсковой разведки, дополненных донесениями артиллерийских начальников, равнялись приблизительно 300—400 орудий.

На нашей стороне был численный перевес, но, конечно, численные соотношения говорят слишком мало, так как необходимо прежде всего принять во внимание качественную сторону дела, т. е., степень слаженности артиллерии, укомплектованность ее обслуживающими составами и снабженность техническими средствами транспорта, связи, наблюдения и т. п.

Старший командный состав артиллерии, начиная с командиров батарей и до начартдивов,—в подавляющем большинстве из бывших артиллерийских офицеров старой армии, имеющих боевой опыт старой армии и нынешней Красной Армии.

Правда, чувствуется кое какая неопытность указанных командиров в управлении огнем групп артиллерии, но это компенсируется энергией, отвагой, стремлением к пополнению пробелов в артиллерийской подготовке, да и при теперешних исключительных условиях маневренной войны, особенно болезненно не сказывается. В общем, высший артиллерийский командный состав вполне на своих местах. Что

касается младшего командного состава, то он в большинстве случаев из фейерверкеров старой армии и красных командиров. Процент бывших офицеров на этих должностях весьма незначителен.

Что касается красноармейцев, то они в большинстве своем из солдат артиллерии старой армии, все тягости боевой службы несут сознательно, безропотно, несмотря на то, что зачастую обмундированы неудовлетворительно, и вообще им приходится иногда терпеть нужду, которой при других условиях не должно быть.

Сравнительно слабо подготовлены специальные команды, в особенности наблюдатели и разведчики. Телефонисты и, пожалуй, орудийный расчет, как общее правило, удовлетворительны, в особенности телефонисты.

Большие затруднения в артиллерийских частях во время боев возникали из-за некомплекта красноармейцев, главным образом, в тех артиллерийских частях, где имеется большое число лошадей; так были примеры, что в одной из дивизий каждому телефонисту приходилось убирать по две лошади. Конечно, это не может не отразиться на боеспособности артиллерийских частей, но это явление—общефронтовое и определенный % некомплекта красноармейцев считается по теперешним условиям законным.

Конский состав к началу операции был в удовлетворительных и даже хороших телах, что об'яснялось еще обильным подножным кормом и достаточным отпуском довольствующими учреждениями зернового фуража.

В смысле укомплектованности конским составом положение нельзя было назвать вполне удовлетворительным, так как в некоторых батареях был довольно большой некомплект лошадей, но этого нельзя сказать о всех дивизиях фронта, так как в ряде дивизий артиллерия имела вполне достаточное число лошадей, чисто артиллерийского сорта.

Что касается состояния к началу операции материальной части артиллерии, артиллерийского имущества и обоза, то в этом отношении положение также нельзя было назвать вполне удовлетворительным: чувствовался недостаток в запасных частях и принадлежностях материальной части артиллерии, телефонном имуществе, оптических приборах, но все же артиллерия была снабжена до степени полной боеспособности.

Для того же, чтобы создать себе еще более рельефное представление о тех трудностях и той тяжелой работе, какую пришлось проделать нашим артиллеристам, необходимо хотя бы кратко упомянуть о

тех чисто технических условиях снабжения всеми видами довольствия, в каких находилась артиллерия при продвижении частей вперед.

Прежде всего необходимо сказать о питании огнеприпасами.

Основная схема огнепитания армии была разработана фронтом и преподана для выполнения армиям.

В зависимости от чисто местных условий и от силы перевозочных средств, коими располагали армии, эта основная схема была армиями до известной степени видоизменена.

Прорыв и быстрое продвижение дивизий вперед, продвижение безостановочное на сотни верст, естественно нарушили все эти предположения и схемы и, так как тылы, что весьма понятно, не могли аккуратно поспеть за неустанно наступающими частями, то в результате артиллерия иногда двигалась с весьма скромным запасом снарядов. Это, конечно, возможно было только потому, что противник, сильно теснимый нами, отходил, не имея возможности оказывать особо серьезного сопротивления. Там же, где противник, пользуясь каким либо местным рубежом, задерживался, там иногда оказывался недостаток снарядов; так, например, в районе Крево 14-го июля не хватило снарядов в 33-й дивизии 15-й армии; после переправы через Неман в 20-х числах июля в тяжелом положении оказалась 6-я дивизия 3-й армии и т. п.

К числу факторов, сильно затруднявших работу артиллерии, нужно отнести также и недостаток на фронте зернового фуража, вследствие затрудненности его доставки из тыла. Это условие в связи с трудно проходимостью дорог, по большей части песчаных, сильно изнурили конский состав артиллерии, в результате чего на фронте имели место случаи, как, например, в 4-й армии, где тяжелая артиллерия 18-й дивизии из-за изнуренности конского состава отстала от своей пехоты на 80 верст, а в 3-й армии тяжелая артиллерийская группа 6-й дивизии по той же причине отстала и плелась сзади в 60 верстах от легких батарей.

В каких же технических условиях приходилось за время операции работать артиллерии.

Довольно яркую картину можно себе представить, если первым долгом принять во внимание, что артиллерия работала зачастую без топографических карт, вследствие не вполне налаженного снабжения ими. Это надо отнести к невниманию штабов дивизий, по отношению к артиллерии. Состоящий для поручений при инспекторе артиллерии Западного Фронта, находившийся во время операций в II-й армии, доносит: «в частях II й дивизии имеется лишь один экземпляр у начарта,

а дивизионы и батареи работают без карт. В другой дивизии по одному экземпляру у начарта и комдивов». Из 3-й армии состоящий для поручений доносит: «сильно чувствуется недостаток карт районов боевых операций, снабжение ими не вполне налажено. Имели место случаи, когда части своими средствами на клочках бумаги снимали кроки и планы и передавали их друг другу в случае надобности».

Эти два донесения в достаточно ярких красках обрисовывают те тяжелые условия для артиллериста, в каких находились некоторые наши артиллерийские начальники, когда им пришлось работать без карт.

Громадные затруднения испытывала артиллерия, вследствие почти полного отсутствия возможности починки портившейся материальной части.

Таковы были в кратких и общих чертах условия, в каких пришлось работать все время этой операции нашей артиллерии. Указывая на эти тяжелые условия и имея их в виду, не следует особенно строго судить некоторых наших артиллерийских начальников за их невольные иногда ошибки и промахи, так как, в общем артиллерия с честью выполнила возложенные на нее задачи, и если и были какие либо недочеты в работе артиллерийских начальников и их батарей и дивизионов, то эти недочеты растворяются к той массе доблестного и честного отношения к делу, когда артиллерия в продолжение полутора месяцев расчищала дорогу пехоте, зачастую терпя колоссальные лишения и неся большие потери.

Охарактеризовав в кратких чертах общее состояние артиллерии Западного Фронта к началу операции и условия, в коих ей пришлось работать во время операции, не вдаваясь в описание самих операций, так как вряд ли это теперь возможно, - приступим к рассмотрению, на основании некоторых отдельных фактов, к оценке боевой работы артиллерии.

Начало операций.

К началу операции для прорыва укрепленной позиции противника была введена в бой почти вся имеющаяся в распоряжении Армий Фронта артиллерия, так что в этом отношении, т. е., в смысле использования наибольшего числа артиллерийских средств никаких недочетов на фронте замечено не было. Действия артиллерии, направленные к тому, чтобы сначала разрушить главную силу обороны противника—его сооружения и искусственные препятствия, а попутно облег-

чить движение наступающей пехоте, к моменту перехода пехоты в атаку, свелись к беглому огню по всему фронту, с целью не дать возможности противнику своим огнем воспрепятствовать движению атакующей пехоты. С этой задачей артиллерия Западного Фронта справилась блестяще. Потушенные батареи противника и выгнанная из окопов пехота не могли оказать достаточно серьезного сопротивления нашей атакующей пехоте и в результате—противник бежал, теряя людей, лошадей и материальную часть. Быстрое перенесение огня нашими батареями в тыл противнику по его резервам, окончательно деморализовали противника и привели его к окончательному поражению.

Большое значение имело во время отступления противника уменье наших артиллеристов быстро подтянуться вперед, закрепить за своей пехотой захваченный район и не дать возможности противнику опомниться для перехода в контр-атаку. Последняя операция показала, что в таких случаях, при преследовании противника, наша артиллерия стреляла при прицелах 15—20—25, каковые факты зарегистрированы, например, в 17-й и 27-й дивизиях.

В общем, можно безошибочно сказать, что артиллерия на всем фронте вполне справилась с возложенной на нее задачей прорыва и, в большинстве случаев, она была правильно использована, применена и стреляла отлично. Исключение составляют некоторые новые на Западном Фронте дивизии, еще не вполне усвоившие себе условия войны на фронте и еще не успевшие изжить остаток полупартизанских навыков.

Что касается расхода огнеприпасов за время прорыва польских позиций 4-го июля, то на разных участках фронта он выразился различными цифрами, как, например, в 5-й дивизии за время артиллерийской подготовки израсходовано на легкое орудие 70 снарядов, на 48 гаубицу 20 снарядов и на тяжелое орудие 53 снаряда; в другой же, соседней армии, в 16 дивизии за тот же день израсходовано на легкое орудие 71 снаряд, на 48 гаубицу—45 снарядов и на тяжелое орудие 25 снарядов.

Таким образом, 4-го июля во исполнение директивы Командующего Армиями Западного Фронта на всем Западном Фронте началось наступление, продолжавшееся почти полтора месяца и приведшее армии фронта к стенам самой Варшавы.

Роль инспартармов во время истекшей операции.

Инспектора артиллерии армий, при привлечении их командармами к оперативной работе, как высоко компетентных артиллерийских спе-

циалистов, могли бы оказать ряд услуг при разработке или проведении той или иной операции. Активное наблюдение инспартармов за работой артиллерии, за снабжением ее огнеприпасами, распределением их между важнейшими оперативными направлениями и т. п. вынуждают держать инспартармов постоянно в курсе работы опекода, так как иначе все техническое руководство работой артиллерии и наблюдение за питанием ее огнеприпасами, в зависимости от нужд и важности того или иного участка фронта, сведется к нулю.

Казалось бы командармы должны были бы принять это во внимание и использовать инспартармов сообразно их опыту и знаниям, на практике же видно, как раз обратное явление, а именно: роль инспартармов во время операции самая невидная. Об'ясняется это тем, что в одной армии инспартарм совершенно не получил от командарма задачи и в сущности не имел определенного дела, в других же армиях, за некоторыми исключениями, на инспартарма возлагались столь мизерные поручения, что они совершенно не соответствовали положению инспектора артиллерии армии, как высшего артиллерийского начальника армии.

В одной из армий инспартарм вместо того, чтобы находиться при командарме в его полевом штабе и оказывать ему непосредственную помощь при разрешении всех вопросов, касающихся артиллерии, приткнулся к одной из дивизий и с нею совершал наступательное движение, потеряв совершенно связь с остальными дивизиями и обратился из инспартарма, как бы во второго начартдива. Такое путешествие инспартарма с одной из дивизий, случайные встречи его на фронте с командармом и выполнение также случайных мелких поручений, свело на нет роль высшего артиллерийского начальника в армии, коим является инспартарм.

В другой армии инспартарм также не был в достаточной мере привлечен к боевой работе, благодаря тому, что по приказанию командарма принужден был безотлучно находиться при оперпункте армии, и лишен был возможности наблюдать за работой артиллерии и оказывать помощь артиллерийскому командованию на местах.

В 4-й армии инспартарм лично не был в состоянии вести наблюдение за деятельностью артиллерии в бою, так как, получив от командарма задачу наблюдения за формированием артиллерии в тылу, принужден был оставаться в Полоцке. В данном случае имеет место также неправильное использование высшего артиллерийского начальника армии, коим является инспектор артиллерий, так как, для наблюдения за формированием частей в армии можно было найти много компетент-

ных артиллеристов; знания же и опыт инспартарма с гораздо большим успехом могли бы быть применены в деле руководства и наблюдения за боевой деятельностью артиллерии армии.

В 16-й армии командарм вполне оценил значение и роль инспартарма во время операций, так что в армии в этом отношении все обстояло благополучно, но все же нельзя не отметить того незначительного факта, когда и. д. поминспартарма, вместо использования его на фронте в помощь артиллерийскому командованию, был привлечен к работе в комиссии по учету трофей, для чего, казалось бы, в армии имеется достаточное количество работников артиллерийского снабжения.

Из всего изложенного ясно видно, что по тем или иным причинам от инспартармов было взято гораздо менее, чем они могли дать. Казалось бы, период боевых операций, когда замирает всякая инспекционная деятельность, должен был натолкнуть командармов на мысль, использовать для руководства боевой работой артиллерии квалифицированных артиллерийских специалистов, коими так богаты инспекции, и дать им средства и возможность использовать свои знания и опыт для успеха общего дела, на самом же деле, в большинстве случаев, это выполнено не было. Высланным распоряжением инспектора артиллерии фронта специалистам пришлось также сильно сузить сферу своей деятельности, так как командармами не были предоставлены в их распоряжение автомобили, а передвижение на повозке или верхом, как это имело место в последней операции, не только не позволяло об'езжать по фронту быстро продвигающиеся вперед артиллерийские части, но даже и догнать наступающие или маневрирующие артиллерийские части.

В результате—инспектирующий, догнавший с большими трудностями какую либо одну из дивизий, принужден был плестись за ней, не имея возможности при быстром продвижении вперед одновременно делать об'езды и по фронту.

В общем итоге, необходимо сказать, что последние боевые операции достаточно показали, какую большую пользу могли бы оказать фронту инспекции в период боевых операций, если бы они были использованы для руководства боевой работой артиллерии и им были бы для этой цели предоставлены необходимые перевозочные средства.

Взаимоотношения между общевойсковыми и артиллерийскими начальниками.

Современный бой, характеризующийся исключительным значением как пехотного, так и артиллерийского огня, требует наиболее искусной их комбинации, от чего и зависит результат боя.

Если на долю пехоты выпадает главная работа захвата местности, занятой противником нанесения ему наибольших потерь, то артиллерия имеет задачей оказание всегда и всюду огневой помощи пехоте, содействуя ей во всем и находясь с ней в постоянной связи. Боевая деятельность артиллерии ни во времени, ни в пространстве не должна быть отделяема от пехотной, а потому духовная и материальная связь между этими двумя родами войск никогда не должна нарушаться. Последнее возможно только тогда, когда пехотинцы знакомы с боевыми приемами, принятыми в артиллерии, артиллеристы же осведомлены в пехотном деле.

Только при этом условии взаимного понимания возможно наилучшее использование достигнутых результатов. Для достижения этого необходима единая тактическая подготовка для пехотных и артиллерийских начальников.

Тогда все начальники будут однообразно понимать создавшуюся обстановку и только тогда будет то взаимодействие, та взаимная поддержка и выручка, без которой армия не может побеждать. Взгляд французских артиллерийских авторитетов, утверждающих, что для внутреннего согласования действий артиллерии и пехоты необходимо полное единство доктрины и обширные тактические познания начальников, тем более ценны для нас теперь в настоящей войне, когда средства связи, по тем или иным причинам отказываются служить и остается самое верное средство—хорошее тактическое воспитание, как артиллерийских, так и пехотных начальников, дающее возможность легко ориентироваться в обстановке, понять нужду другого и, следовательно, оказать ему в нужный момент наиболее действительную поддержку.

К сожалению, вопрос взаимодействия между артиллериею и пехотой, как результат ненормальных взаимоотношений между артиллерийскими и общевойсковыми начальниками, является наиболее больным в боевом распорядке нашей Красной Армии.

Как отмечалось уже в ряде циркуляров и руководящих приказов по Западному Фронту, на этой почве в дивизиях возникают зачастую сильные трения и, как результат этого,—печальные факты неправильного применения и использования артиллерии. Главнейшее зло проистекает от того, что многие пехотные начальники, будучи мало осведомленными с свойствами и употреблением артиллерии и назначением каждого калибра в отдельности, стремятся командовать артиллерией вплоть до указания ей позиций и тем вырывают всякую инициативу из рук артиллерийских начальников. В результате, артиллерии ставятся задачи, вовсе ей несвойственные или же вообще даже невыполнимые.

Наблюдались случаи, когда общевойсковые начальники требовали от легкой и тяжелой артиллерии стрельбы по карте и по площади, что влекло за собой зачастую ничем не оправдываемую трату снарядов, часто требовали огня для „морали“, или же по отдельным людям, или разведчикам. Привожу выдержку из донесения состоящего для поручений при инспартазапе, лично присутствовавшего при операции 33-й Кубанской дивизии на р. Немане 23-го июля:—„Распределением артиллерии по участкам и ее работой больше руководил начдив, чем начартдив, следствием чего опять был случай употребления гаубичной артиллерии не по соотствующим целям, и к тому же для „морали“. В данном случае речь идет о гаубичной батарее 33-й Кубанской дивизии, которая была переброшена через Неман (при наличии легкой артиллерии), для преследования отступающего противника, причем начдив об'яснил, что огонь этой батареи ему необходим для „морального действия“.

В целях более рельефного освещения ошибок некоторых наших общевойсковых и артиллерийских начальников, ошибок, довольно часто имевших место на фронте, необходимо более подробно остановиться на описании одного из боевых эпизодов последних операций, а именно боя.. дивизии при прорыве укрепленных позиций противника 4 июля. В указываемом случае неудачная постановка задачи артиллерии и неправильное применение последней повлекло за собой, если и не неуспех операции, то во всяком случае, излишнюю трату снарядов и, главным образом, нервов пехоты, принужденной несколько раз ходить в атаку.

Согласно оперативного приказа начальника Н-й дивизии от 1 июля сего года, частям дивизии к 4-м часам 3-го июля приказано было занять исходное положение для боя на участке Воронки—Черневичи—оз. Гиньково. В состав артиллерии дивизии входило 3 легких артиллерийских дивизиона 3-х батарейного состава, две гаубичные батареи, а всего 36 легких орудий, 4 гаубицы и 6 тяжелых орудий.

Произведя разведку и изучив данные об участке и о противнике, переданные дивизией, занимавшей до того этот участок и отведенной в резерв армии, батареи выбрали наблюдательные пункты, заняли позиции и произвели пристрелку, затратив на это около 150 снарядов.

В приказе от 3 го июля 18 ч. 25 мин. начдив пишет: «Начарту группы Захарову начать артиллерийскую подготовку в 4 часа 30 минут 4-го июля с целью деморализации и уничтожения живой силы и разрушения имеющихся опорных пунктов противника в районе д. д. Спагальщина—Тупичины—и Бресевщина, по которым в 4 часа 55 минут развить ураганный огонь. При быстром продвижении пехоты вперед,

артиллерии следовать за пехотными частями, дабы иметь возможность оказать им должную поддержку и занимать позиции с таким расчетом, с которых можно было бы поражать не только первую линию, но резервы и ближайшие тылы противника».

Пехота занимала линию Воронки—Черневичи—оз. Гиньково.

Резерв дивизии: дер. Семки—З. Павинки—Ткачи.

Батареи к началу боя 4-го июля занимали следующие позиции:

1-й дивизион:

1-я батарея—район Овчинники.

2-я „ — „ Борисенки.

3-я „ — „ Бобичи.

2-й дивизион:

1-я батарея	район д. Гритычина.
2-я »	
3-я »	

3-й дивизион:

1-я батарея—Ю.-В. Ф. Кантючи.
2-я » район д. Скварцы.
3-я » » д. Воронки.

16-й тяжелый дивизион:

1-я батарея—район д. Притычина.
2-я » — » » Дисовщина.
3-я » — » » Мисково.
4-я » — » » Янушево.
5-я » — » » Козловская-Концерево.

Работа артиллерии при прорыве сводится к следующему:

1-й легкий артдивизион:

Батареи дивизиона открыли огонь по окопам противника, что на левом берегу р. Ауты в районе Тупичино—Щелкуны и к 5 часам 4-го июля огонь достиг наибольшего напряжения, но наша пехота запоздала выступлением и только к $7^1/_2$ часам подошла к реке Аута, где и залегла, встреченная сильным пулеметным огнем противника.

В 7 часов 40 мин. взвод 1-й батареи был выдвинут к северной окраине дер. Чабаны, имея наблюдательный пункт на опушке леса, к западу от этой деревни, и открыл огонь по окопам противника на западном берегу реки Ауты.

Под прикрытием огня артиллерии, в 11 часов пехота перешла р. Ауту и укрепилась на линии Бресовщина, Стапулево, Прудники, Стапули.

В это время 1-й взвод 2-й батареи был выдвинут к дер. Овчинники, 2-й взвод к дер. Черневичи и 2-й взвод 1-й батареи к дер Чабаны, для дальнейшего поддержания наступления пехоты и отражения контр-атак противника, который переходил в таковые на участке дер. Черневичи и Бресовщина—Стапулево.

В то же время противник усилил свой артиллерийский огонь по району дер. Черневичи и принудил отойти нашу пехоту к дер. Сингальщина, после чего наступило затишье.

В $19^1/_2$ часов батареи вновь открыли огонь, и наша пехота, поддерживаемая кавалерийской бригадой, сбивая противника по всем направлениям, стремительно двинулась вперед.

В это время наблюдательный пункт 1-й батареи находился на бугре у дер. Листовки, 2-я батарея на западной окраине дер. Черневичи, а 3-я батарея у мельницы хут. Листовки.

Для поддержки пехоты в ее дальнейшем продвижении, были выдвинуты за реку Ауту сначала взвод 3-й батареи, а затем и все батареи дивизиона.

После перехода через реку Ауту, батареи дивизиона огня не открывали, так как противник дальнейшего сопротивления не оказывал.

На ночь батареи стали на позициях: 1-я и 3-я батареи—хутор Дробовщизна, а 2-я батарея—дер. Синявщина.

2-й легкий артиллерийский дивизион:

В 4 часа 25 мин. дивизион начал артиллерийскую подготовку: 1-я батарея, имея наблюдательный пункт в передовых окопах, к югу от дер. Шитин, обстреливала укрепления противника у дер. Тупичино. 2-я батарея стреляла по окопам в районе фольв. Тупичино и 3-я батарея по окопам в деревне Спигальщина. Наблюдательные пункты 2-й и 3-й батарей находились совместно на восточной окраине д Шитины.

Тут же находился комдив 2 го легкого и начартдив 16. Подготовка продолжалась полчаса, но вследствие сильного сопротивления противника, до 10 часов пехота наша продвинуться не могла. По занятии нами дер. Спигальщина—в 11 часов взвод 2-й батареи выехал вперед и занял позицию, восточнее дер. Шитинки (севернее). К 13 часам 1-я батарея заняла позицию к югу от дер Юнатово, где пришлось отбивать контр-атаку противника со стороны леса и Ю.-З. от дер. Спигальщина. Батареи дивизиона сосредоточенным огнем отбросили противника, и наши цепи вступили в опушку леса.

В 18 часов 1-я батарея вела огонь по опушке леса и ходу сообщения за дер. Тупичино.

В это же время 3-я батарея заняла позицию уступом влево, впереди 2 й батарии и 2-й взвод 2-й батареи присоединился к передовому взводу. В дальнейшем батареи дивизиона огня не открывали.

3-й легкий артиллерийский дивизион:

В 5 часов 25 мин. дивизион открыл огонь, причем батареи стреляли: 1-я батарея по дер. Хохульки, 2-я батарея по фольв. Тупичино и 3-я батарея по окопам у дер. Соколовщизна.

В 7 часов 45 мин. огонь был перенесен по отступающему противнику в районе Спигальщина—Хохульки.

В 9 часов противник перешел в контр-атаку на дер. Спигальщина и потеснил нашу пехоту. В связи с этим переправа 1-х взводов всех 3-х батарей на западный берег реки Ауты была приостановлена, и эти взводы заняли позицию западнее дер Сквирцы, и открыли огонь по наступавшему противнику.

Контр-атака была отбита, и наша пехота заняла дер. Подлипки, куда было приказано 1-й и 2-й батареям перенести свои наблюдательные пункты. Отсюда корректировалась стрельба по дер. Цыганки и по опушке леса, южнее этой деревни.

Ввиду того, что справа части соседней дивизии продвинуться не могли, батареи 3-го дивизиона на ночь были оставлены на восточном берегу р. Ауты, на позициях в районе дер. Сквирцы.

Работа **тяжелого дивизиона** выразилась в следующем:

1-я батарея (48″) обстреливала неприятельские укрепления у дер. Тупичино—Бреславщина. Кроме того, батарея открыла огонь по батарее противника на опушке леса, западнее деревни Заречье. В 17 часов батарея переменила позицию и стала в районе дер. Борисенки.

2-я батарея (45″) обстреливала окопы противника у дер. Тупичино—Спигальщина, а также вела огонь по батареи противника. В 13 часов батарея заняла новую позицию у дер. Черневичи, откуда обстреливала расположение противника в районе дер Спигальщина.

Во время стрельбы одна гаубица разорвалась (убито 2 и ранено 4 красноармейца и несколько контужено) и одна гаубица испортилась.

3-я батарея (42 ″) стреляла по тылу противника и его резервам в районе дер. Стомики—Подлипки—Хохульки. В 10 часов открылся огонь по батареям противника в районе фольв. Тупичино, в 17 ч. 30 мин. батарея заняла новую позицию в районе дер. Бортники—Погорельщина.

Батарея (6 ″) вела огонь по **батареям** противника Ю.-З. Подлипки—Угольники.

Как видно из изложенного, к числу недостатков в проведении данной операции может быть отнесено:

1) Неправильная постановка задачи артиллерии со стороны начдива.

В оперативном приказе, начдивом, артиллерия: 1) не была распределена по боевым участкам, 2) не было указано направление главного удара, и 3) не были точно определены задачи артиллерии.

2) Неправильное применение артиллерии.

В результате всех этих ненормальностей и ошибок, сопротивление пехоты противника нигде сломлено не было, окопы остались целыми, батареи противника не заглушены, а атака захлебнулась.

В бою под Крево от 14-го июля в 33-й Кубанской дивизии оказался недостаток снарядов в гаубичных батареях, и это об'ясняется всецело тем, что пехотные начальники в предшествовавших до того боях требовали от гаубиц стрельбы по живым целям, и тем растратили имевшиеся на батареях запасы снарядов.

В 27-й дивизии . . . . армии 17 июля у д. Торчица имел место случай посылки, по приказанию пехотного начальника, отдельного взвода легкой батареи впереди пехотной разведки «для расчистки путей».

В 16-ой армии начдив 27, повидимому, не вполне усвоил значение и роль начартдива, если в своем приказе начартдиву пишет: „всю ответственность за своевременное передвижение тылов артиллерийского снабжения возлагаю на Вас“.

Означенный приказ мало того, что отвлекает начартдива от выполнения прямых его функций, но определенно нарушает приказ армии, согласно которому, на начартдиве лежит наблюдение за питанием лишь артиллерийских частей.

Подобных случаев неправильного, с артиллерийской точки зрения, употребления общевойсковыми начальниками артиллерии и артиллерийских начальников за истекшую операцию наблюдалось не мало. Здесь же приведены наиболее характерные. Эти случаи наглядно показывают, насколько отражается на боевой работе нарушение пехотными начальниками принципа невмешательства в артиллерийские дела. Для устранения этого ненормального явления, необходимо самое тщательное ознакомление пехотного комсостава с артиллерией вообще, и с ее свойствами и употреблением в частности, кроме того, необходимо, чтобы до комсостава доходили и он мог бы читать приказы по фронту, где строго разграничивается деятельность артиллерийских и пехотных начальников.

Кроме случаев неправильной постановки артиллерии общевойсковыми начальниками, в последних операциях, как уже указано, часто имело место неправильное применение артиллерии, противоречащее ее основным свойствам.

Кроме случая в Н-й дивизии, где 48 и 45 линейные гаубицы 1-й и 2-й батарей тяжелого артиллерийского дивизиона, в бою у дер. Тупичино вели огонь по батареям противника, в то время, как 3-я батарея того же артиллерийского дивизиона, вооруженная 42-х линейными пушками, стреляла по резервам противника, находящимся к тому

же в сфере дальности легких батарей, в бою у м. Крево 14-го июля, был случай стрельбы из 42 х линейной батареи 33-й Кубанской дивизии по цепи противника; также по цепям противника стреляла в 27-й дивизии 16 армии 48 линейная гаубичная батарея, в бою у м. Клещеля. Подобные случаи стрельбы 48 и 45 линейными гаубицами по живым целям довольно часто наблюдались за время текущих операций.

Такое неправильное применение артиллерии и связанная с ним бесцельная трата столь ценных, как тяжелые, снарядов, приносит огромный ущерб, так как, зря изнашивает материальную часть и истощает запасы имеющихся у нас снарядов, не принося вреда противнику.

Последнее тем более тягостно сказывалось во время операции, так как питание огнеприпасами было крайне затруднено, и батареям приходилось рассчитывать только на свой возимый запас.

В результате имел место уже приведенный случай, когда в бое 14-го июля в районе Крево, где пришлось встретиться со старыми германскими окопами, в 33-й Кубанской дивизии оказался недостаток гаубичных снарядов, так как, таковые незадолго до того были расстреляны по несвойственным им целям.

Управление артиллериею и старший комсостав.

Наблюдение артиллерийских инспекций за работой старших артиллерийских начальников на местах, в большинстве случаев, обнаружило подготовленность, как начартдивов, так и комдивов, к управлению вверенной им артиллерией. Замеченные в работе некоторых начартдивов и комдивов недочеты, не нося общего характера для всей артиллерии фронта, все же не могут быть обойдены молчанием, так как весьма характерны, в особенности для тех дивизий, кои прибыли с других фронтов, имея полупартизанские навыки ведения войны.

К числу этих недочетов, как наиболее важные, относятся:

Со стороны начартдивов.

1) Начартдив часто выпускает из рук управление артиллерией дивизии или размениваeтся на мелочи и находится все время на наблюдательном пункте какой нибудь батареи, или же, во время боя, совершенно не принимает участия в нем, как, например, начартдив 33, который в разгар боя находился в штадиве, не имея с комдивами телефонной связи, и даже не мог показать по карте место расположения своих батарей (бои 14-го и 23-го июля у Крево и на Немане).

2) Неправильное тактическое применение артиллерии, выражающееся в отсутствии сведения батарей в группы и в расстановке артиллерии вне зависимости от тактической важности того или иного участка. Примером может служить бой 16-й дивизии от 4-го июля, где имел место указанный недочет.

3) Неумение начартдивов отстоять интересы артиллерии и артиллерийской службы, при постановке артиллерии общевойсковыми начальниками несоответствующих ей задач и неправильном ее применении. В результате многочисленные случаи нарушения основных правил боевой артиллерийской службы. Явление это наблюдалось в 27-й и 33-й дивизиях запфронта.

4) Недостаточно полное использование начартдивами тяжелой и гаубичной артиллерии, как, например в бою 14-го июля под Крево, прорыв укрепленной полосы 33-й дивизией производился при чисто случайном распределении огневых участков тяжелых батарей, вне зависимости от того, какой участок требовал именно тяжелой артиллерии.

5) Недостаточная заботливость об обеспеченности артиллерии огнеприпасами, что необходимо отнести всецело к деятельности повидимому только начартдива 33, у которого в бою 23-го июля на Немане 1-й Легартдив оказался без снарядов и не участвовал в бою, в то время, как второй Легартдив имел около 2-х тысяч снарядов.

Со стороны комдивов.

1) Отсутствие со стороны комдивов целеуказания, что особенно замечалось в 16-й дивизии.

2) Недостаточная заинтересованность в работе батарей, находящихся в отделе, или имеющих удаленный наблюдательный пунк, что имело место в бою от 4-го июля в ..... армии в 1-м Легартдиве 16-й дивизии, где комдив совершенно забыл про свою 3-ю батарею, стоявшую хотя и на том же участке, но имевшую удаленный наблюдательный пункт.

Неудовлетворительное сосредоточение огня по важным целям, что имело место в том же бою и в том же дивизионе.

Все эти недочеты, не имея, как сказано выше, общефронтового характера и лежа на совести единичных, не вполне подготовленных начартдивов и комдивов, по преимуществу новых на западном фронте дивизий, в конечном результате растворяются в том опытном руководстве, в том самоотверженном отношение к делу и глубоком его знании, которое, не преувеличивая, может быть отнесено к подавляющему большинству старших артиллерийских начальников западного фронта. Последние, пользуясь большим авторитетом в глазах общевойсковых на-

чальников, сумели поставить артиллерию во вполне нормальные условия боевой службы, сразу же в корне уничтожили все притязания на командование артиллериею некоторых пехотных начальников. Кроме сего, держа подчиненные им части в руках, довели боеспособность артиллерии до наивысшего предела, который может быть достигнут теперь, когда артиллерии приходится, главным образом, считаться с недостат-
ми, от нее независящими.

ка К числу таких артиллерийских начальников относятся почти все
ивы и большинство комдивов не только коренных дивизий фрон-
начарта вновь прибывших, за небольшими исключениями.
та, но в теризовав в кратких чертах роль и работу старших артил-
Охарак льников при проведении истекшей операции, обратимся
лерийских нач у важному и интересному вопросу—к боевой работе
теперь к само
батарей.

Боевая д ятельность артиллерии.

А. Похо ное движение.

Не рерывный и продолжитель ый поход артиллерии от Двины и
Березины д Нарева и Буга дает воз ожность отметить некоторые ненормальности и нарушения устава, имев ие место во время походного
движения. К чи лу этих недочетов относятс :

1) Полевая т желая артиллерия, из соста а артиллерии дивизия,
вследствие слабости к нского состава, а также пло хих дорог не в состоянии следовать за на тупающими частями, отстает ч, как результат этого, зачастую опаздывает к началу боя или же вообще в бою участия не принимает.

В бою под Крево 14-го июля при атаке на старые германские позиции, тяжелая артиллерия 33-й Кубанской дивизии почти не принимала участия в бою, так как отстала в дороге и подошла лишь к концу боя. В бою на Немане 23-го июля этот же дивизион опять отстает от своих частей и уже не принимает поэтому совершенно участия в бою.

В 4-й армии артиллерия 18-й дивизии к 17-му июля также отстала от своей дивизии.

В общем непоспевание тяжелой и даже гаубичной артиллерии за своей дивизией необходимо отметить, как общее явление на фронте во время истекшей операции, как результат ослабления и изнуренности конского состава, скоростью движения наступавших частей и неприспособленностью дорог.

2) Несмотря на то, что тактические соображения настоятельно требуют, чтобы артиллерия во время походного движения распределялась в колоннах между частями пехоты и конницы и двигалась в таком месте колонны, которое наиболее соответствует цели и обстановке движения, последние боевые операции с их большими переходами показали, что этот принцип зачастую на фронте нарушается, а именно:

Батареи в походной колонне двигаются не между частями своей пехоты, а в хвосте колонны, имея особое прикрытие, что противоречит уставу и влечет запоздалое вступление артиллерии в бой. Пример: 22-я бригада 8-й дивизии.

3) Командиры взводов не знают своих мест в походном движении и зачастую едут вместе с комбатами.

4) Замечена перегруженность боевой части различными вещами.

5) Номера, как общее явление, не идут пешком, а едут на орудиях и зарядных ящиках, выбивая из сил и без того измученных трудностью дороги и большими переходами лошадей.

6) Сравнительно небольшие переходы набивают лошадей, что об'ясняется малорослостью конского состава, в связи с чем весьма затрудняется, а иногда и невозможна, пригонка аммуниции.

Б. Выбор позиций.

Тактика артиллерии учит, что главнейшим условием, коему должна удовлетворять артиллерийская позиция—это возможность решения с нее поставленной артиллерии боевой задачи. И это основное требование вполне усвоено почти всеми артиллерийскими начальниками. Случаи нарушения этого элементарного условия единичны. Артиллерия западного фронта всегда выбирала позиции, соответствующие тактической цели, и, если и были случаи нарушения некоторых тактических условий, коим должна удовлетворять артиллерийская позиция, то это, главным образом, относится к недостаточно умелому укрытию позиции от взоров и наблюдения противника, как наземного, так и воздушного. Наблюдавшееся ранее в артиллерии западного фронта стремление к выбору позиции в районе населенных пунктов, как характерное для настоящей гражданской войны, ныне изжито, но все же, как весьма распространенное явление, наблюдается стремление командного состава выбирать позиции почти у самых дорог и даже у перекрестков дорог. Такие позиции весьма малоценны с артиллерийской точки зрения, так как облегчая ориентировку разведки противника, в особенности воз-

душной, дают ему возможность легко пристреляться к нашим батареям. Подобное ненормальное явление наблюдалось, между прочим, в 1-м и 2-м артиллерийских дивизионах 4-й стрелковой дивизии.

В боях 16-й дивизии от 4-го июля было замечено стремление артиллерийских начальников, в особенности, в 1-м Легартдиве, ставить батареи на дальних дистанциях. Так, 1-я и 2-я легкие батареи стояли чуть ли не на пределе и с самого начала отхода противника принуждены были менять позицию, что вызывало временное прекращение огня, столь нужного в этот период боя.

Полную противоположность этому можно было констатировать хотя бы в 27-й дивизии. Здесь, как общее правило, удаление от цели весьма небольшое; чаще всего батареи стояли на прицеле 50—60, а при преследовании противника приходилось вести огонь и при прицеле 15.

Не говоря о дальности артиллерийских позиций от противника, в остальных отношениях выбор позиций необходимо оценить, как вполне удовлетворительный. За последнее время артиллерия фронта сильно шагнула вперед в смысле выбора позиций, удовлетворяющих требованиями артиллерийской службы, а также в отношении их оборудования и маскировки, и результаты не замедлили сказаться: за последнее время весьма редки случаи, когда противник заставил бы нашу батарею замолчать, что, конечно, об'ясняется только удачным выбором позиций и умелой их маскировкой.

Большая заслуга в этом отношении лежит на артиллерийских инспекциях, в продолжении многих месяцев ведших в этом направлении «борьбу» с артначальниками.

Говоря о выборе мест для передков, необходимо отметить кое-где встречающуюся следующую ненормальность, а именно: замечается стремление комсостава расположить передки возможно ближе к позиции, а иногда чуть ли не на самой батарее, что допустимо лишь в тех случаях, когда позиция занимается лишь на короткое время и то лишь в виде исключения. Нормально же такое расположение передков следует считать совершенно неправильным и противоречащим ст. 89 Строевого Устава легкой артиллерии, так как без нужды подвергает людей, лошадей и материальную часть возможности обстрела их противником. Явление это наблюдалось в артиллерии 4-й дивизии.

В. Наблюдательные пункты, их оборудование и наблюдение.

В смысле оборудования наблюдательных пунктов и организации наблюдения—этой главнейшей отрасли артиллерийской службы, все еще во время последней операции замечались недочеты, о которых указывалось в целом ряде приказов армиям западного фронта.

Одни артиллерийские начальники выбирают наблюдательные пункты на резко выделяющихся местных предметах и тем подставляют себя под огонь противника, рискуя в нужный момент потерять пункт, как, например, начартдив 12, в боях под Гродно, имел пункт на водокачке. В артиллерии 4-й дивизии зачастую пункты выбирались на крышах халуп, и притом весьма плохо были оборудованы, за исключением 2-й батареи тяжелого артиллерийского дивизиона 4-й дивизии, где комсостав уделил достаточное внимание оборудованю пункта. То же стремление выбирать наблюдательный пункт на крышах замечалось и в 16-й дивизии, как, например, в 3 й батарее 1-го Легартдива. Гаубичный ртиллерийский дивизион 33-й дивизии, выбрав наблюдательный пункт в ходах сообщения, фактически во время боя почти не мог им пользоваться, так как постоянное движение пехоты по узкому ходу сообщения мешало наблюдению.

Необходимо обратить внимание на слишком большую скученность или даже совместительство наблюдательных пунктов. Так, в бою 4-го июля в 16-й дивизии наблюдательные пункты комбатов 1-й и 2-й легких 15-й дивизии, комбатов 4-й легкой 4-й дивизии, комдива 1-го легкого 16-й дивизии и, наконец, начартдив 16, были сосредоточены в одном месте.

Естественно, что такое скопление наблюдательных пунктов могло обратить внимание противника, и в результате—целый ряд батарей мог остаться без наблюдения и следовательно стать небоеспособными.

Подобный случай если и не совместительства, то чрезмерной скученности наблюдательных пунктов имел место в бою 14 июля под Крево, где в одном месте были сосредоточены наблюдательные пункты комдива гаубичного, комбатов 1-й и 2-й гаубартдива и командира тяжелой батареи 3-й дивизии.

Что касается оборудования наблюдательных пунктов, то оно заставляет желать многого: пункты плохо маскируются, не имеют тех сведений и схем, кои должны быть на пункте, как-то: журналов наблюдений, панорам, кроки и даже зачастую и пристрелочных данных.

Пример—бой 4-го июля 16-й дивизии, 4-й дивизии и т. п.

Как весьма положительное явление, необходимо отметить выбор артиллерийскими начальниками, в подавляющем большинстве случаев, наблюдательных пунктов с хорошим кругозором и в достаточной близости от противника и своих пехотных частей, что тем более важно для нашей артиллерии, бедной оптическими приборами.

Пример - 16-я, 27-я, 33 я, 4-я дивизии.

В смысле несения на пункте дежурств телефонистов-наблюдателей и комсостава вопрос также обстоит вполне удовлетворительно. При обследовании многих артиллерийских частей фронта, недочетов в этой отрасли боевой службы артиллерии не обнаружено.

Г. Связь.

Организация удовлетворительной связи является самым трудным, и в то же время самым важным вопросом, какой стоит в настоящее время перед артиллерией фронта, несмотря на то, что чувствуется, что в настоящее время все же артиллерийские части подтянулись и не наблюдается больше таких случаев, какие констатировались раньше, когда, зачастую, имело место отсутствие телефонной связи батарей с наблюдательными пунктами, или вообще полное отсутствие телефонной связи.

Конечно, раньше чисто технические условия не позволяли организовать связь, как это диктуют требования артиллерийской службы, ибо недостаток кабеля и телефонных аппаратов создавал весьма тяжелое положение. К моменту операций положение с телефонным имуществом сильно улучшилось, но все же кое-какая нужда в телефонных аппаратах и запасных элементах чувствовалась.

Поэтому необходимо внести поправку при рассмотрении вопроса состояния и работы связи за истекшую операцию.

Наблюдение за работой и организацией связи в артиллерии, показало целый ряд дефектов в этой отрасли боевой артиллерийской службы.

В боях 14-го июля в районе м. Крево артиллерия 33-й Кубанской дивизии не имела телефонной связи с начальниками боевых участков—комбригами, несмотря на то, что последние находились всего в 1/2—3/4 верстах от наблюдательных пунктов артиллерийских начальников.

Та же картина наблюдалась в бою 4-го июля при прорыве позиций противника в 4-й дивизии, где 1-й легартдив 4-й дивизии вел огонь, не имея связи ни с начальником боевого участка, ни с артиллерийским командованием.

В 27-й дивизии также наблюдались случаи отсутствия связи артиллерии с начальниками боевых участков.

Что касается связи артиллерии с передовой пехотой, то, в большинстве случаев, была установлена только живая связь, телефонной же не было.

Состоящей для поручений при инспартзапе, присутствовавший во время операции 16-й дивизии 4-го июля при прорыве позиций противника, доносит: „Замечается отсутствие телефонной связи с передовыми наблюдателями в пехотных частях, а наличие лишь конных ординарцев, кои, зачастую, сильно запаздывают с передачей ценных указаний". То же и в 27-й и 18-й дивизиях.

Что касается вопроса организации связи по фронту между артиллерийскими частями, то и здесь необходимо отметить многочисленные недочеты.

В 4-й дивизии многие артиллерийские части не имели между собой связи по фронту, также имело место нарушение принципа проводки связи справа налево.

Отмечается этот недостаток и в артиллерийских частях 27-й дивизии.

Причиной этого необходимо считать недостаток телефонного имущества, но главным образом, несоответствие некоторых лиц комсостава, недостаточно еще усвоивших себе всю важность взаимной огневой поддержки и выручки между соседними артиллерийскими частями.

Таким образом, как видно из нескольких приведенных примеров, организация связи в артиллерии западного фронта, во время истекшей операции, находилась в неудовлетворительном состоянии, что, как уже сказано, отчасти об'ясняется недостатком телефонного имущества, некомплектом опытных телефонистов и начальников связи, главным же образом, это явление, имеющее место преимущественно в новых для западного фронта дивизиях, об'ясняется недостаточной подготовленностью комсостава этих дивизий к условиям войны именно западного фронта, а не тех полупартизанских других фронтов, где артиллерия работала зачастую вообще без всякой телефонной связи.

Д. Ведение огня.

Наблюдение за работой артиллерии в бою дает полное основание заключить, что большинство командиров батарей вполне усвоили технику ведения огня. В этом отношении особых недочетов замечено не было.

Огонь, по требованию пехоты, открывается немедленно, вызывая вполне понятное удовлетворение пехоты и веру в свою артиллерию, что наблюдалось во всех дивизиях фронта.

Пристрелка быстра и точна, как, например, стрельба хотя бы командира 2-й легкой батареи 33-й дивизии в бою 14-го июля, в районе м. Крево, когда он быстро и удачно пристреляв отступающие группы противника, быстрым переходом на поражение, беглым огнем, внес полное расстройство в ряды противника и обратил в паническое бегство значительный его отряд.

Во многих случаях только артиллерия спасала положение, как, например, в бою 12-й дивизии в районе города Гродно, когда единственно только отличная стрельба нашей артиллерии не позволила противнику перейти по возведенному нами мосту через Неман и ворваться в город Гродно.

Многочисленные случаи отличной и самоотверженной работы артиллерии имели место и в 27-й дивизии, где артиллерии приходилось работать даже при прицелах 15—20—25.

Наравне с меткостью и действительностью огня, необходимо отметить, как отрадное явление, и разумную экономию огнеприпасов. Этим мы обязаны бывшему раньше на западном фронте хроническому недостатку огнеприпасов, недостатку, научившему, артиллеристов экономить каждый снаряд.

Вообще случаи бесцельной траты снарядов—единичны.

Из могущих быть отмеченными недочетов в технике ведения огня обращают на себя внимание:

1) Не совсем удачное комбинирование огня шрапнелью и гранатой.

2) Пристрастие к стрельбе гранатой.

3) Не вполне удовлетворительная работа уровнем.

Если, как сказано выше, батарейные командиры, в большинстве случаев, вполне на местах, то этого, пожалуй, нельзя сказать о младшем комсоставе—о комвзводах, кои иногда не вполне подготовлены к самостоятельному ведению огня. Об'ясняется это тем, что комбаты, обыкновенно, все пристрелки и стрельбы проводят сами и не дают

практики молодому артиллерийскому комсоставу, стрельба же требует большой практики, активного действия, а не пассивного наблюдения за стрельбой комбата.

В общем же, в заключение можно сказать, что за текущую операцию батареи работали вполне удовлетворительно. Хорошая стрельба отмечается и пехотными начальниками, и показаниями пленных, которые неоднократно указывали на меткую стрельбу нашей артиллерии и на большие потери, наносимые противнику нашим артиллерийским огнем.

П. Мей.

Петроградская операция.

(Краткий очерк боевых действий 7-ой армии с 11-го октября по 14-е ноября 1919 года).

Группировка сторон.

Армия белых. В октябре месяце 1919 года главнокомандующим северо-западной армии белых, генералом Юденичем, была предпринята вторичная попытка овладеть Петроградом. К этому времени северо-западная армия белых состояла из 1-ой отдельной пехотной дивизии и 1-го и 2-го корпусов. Командующим армией состоял генерал Родзянко с начальником штаба генералом Самариным; 1-ой отдельной дивизией командовал полковник Дзержинский, 1-м корпусом—генерал граф Пален, 2-м—генерал Арсеньев. В состав 1-го корпуса входили 2-я, 3-я и 5-я пех. дивизии и Конно-Егерский полк, в состав 2-го корпуса—4-я и 6-я дивизии и 1-й конный полк.

Каждая пехотная дивизия состояла из четырех пехотных полков и дивизиона легкой артиллерии. Вне корпусной и дивизионной организации числились авиационный отряд и танковый ударный батальон.

Общая численность северо-западной армии, по данным нашей разведки, достигала к началу операции 14360 штыков, 570 сабель, 73 орудий, 217 пулеметов, 2 бронемашины, 3 танка и 5 бронепоездов. Из этого числа, непосредственно на Петроградском фронте, т. е., на Нарвском направлении действовало до 8150 штыков, включая сюда предположительно 4 и 9 эстляндские полки, Ингерманландский полк, Сойкинский и Котельнический отряды. Однако, уже к 15—16 октября на Петроградский фронт начали усиленно перебрасываться подкрепления: части 3 дивизии, эстонские бойскауты, партизанские отряды, вновь сформированный 24 Печерский полк (6-й дивизии), иностранный легион с Архангельского фронта, Конно-Егерский полк, Гдовский и Чудский полки, отряд Балаховича, 1—2 малых и 3 больших танка. Все эти подкрепления дали около 5500 штыков, 500 сабель и 5 танков.

Таким образом, к 20—22 октября на Петроградском фронте сосредоточивалась большая часть северо-западной армии,— именно 13618

штыков, 550 сабель, 150 пулеметов, 50 орудий, 5 танков, 2 бронемашины. Эти силы разбивались на три группы:—на фронте Красногорского участка около 5700 штыков, в районе Красного Села около 3800 штыков и у Детского Села и Павловска—около 4000 штыков. Однако, имея в виду наш переход в наступление, командование северо-западной армии продолжало и дальше увеличивать свои силы на Петроградском фронте и сумело их довести до максимальной величины в 15150 штыков, 600 сабель, до 300 пулеметов, 60 орудий, 2 малых и 6 больших танков, 2 бронемашины и 1—2 бронепоезда.

Части северо-западной армии, предназначенные к наступлению на Петроград, к 10 октября занимали линию от Копорского залива вдоль озер Копенского, Глубокого и Бабинского, далее, на д. Жабино на р. Луге, затем несколько западнее г. Ямбурга до д. Прилуги, по р. Луге до течения р. Вруды, где линия фронта удалялась к востоку от р. Луга верст на 10—12 и затем опять по р. Луге до оз. Красногорского.

Красная Армия. Что касается наших войск, то Петроградское направление было прикрыто частями 7-й армии, из которых непосредственно на Петроградском фронте действовали 6-я и 2-я стр. дивизии, причем первая из них была ослаблена выделением 3-й бригады, переброшенной на Гдовское направление. Побережье Финского залива охранялось гарнизоном Красной Горки; подступы к Петрограду с моря были обеспечены кр. Кронштадт, имевшей тапки и достаточной силы гарнизон. Кроме того, на случай приближения неприятеля непосредственно к самому Петрограду, имелся Петроградский укрепленный район, разделенный на секторы, в состав которого, между прочим, входила и крепость Кронштадт. Фронт, занимаемый полевыми войсками, т. е., 6-й и 2-й дивизиями, начинался у Копорского залива и шел параллельно линии, занимавшейся противником, т. е., по озерам Копенскому, Глубокому и Бабинскому, далее, несколько западнее г. Ямбурга и затем по реке Луге до оз. Красногорского, вдаваясь верст на 12—14 по течению реки Вруды. Общее протяжение линии фронта достигало 130 верст.

Моральное состояние войск.

Белой армии. Готовясь к Петроградской операции, генерал Юденич пополнил свои войска, мобилизовав население занятых областей, снабдив их при помощи Антанты всем необходимым вооружением, боевыми припасами, снаряжением, обмундированием и обувью,

а также продовольствием. Все это, а также первоначальные боевые успехи сильно подняли дух северо-западной армии противника и влили в нее уверенность в дальнейшие удачи.

Таким образом, надо признать, что в первый период операции моральное состояние войск противника было прекрасное. Однако, понесенные при дальнейшем развитии операции значительные потери, вынудили командование белых прибегнуть к крайне рискованному приему, быстро сказавшемуся,—а именно, к пополнению своих рядов пленными красноармейцами; естественно, что эта мера сильно понизила качественный состав армии противника. Большие потери, понижение качественного состава, начавшиеся крупные неудачи безусловно не могли не отразиться на духе, на моральном состоянии, оказавшимися в последний период операции весьма слабыми. Этому же ослаблению в значительной мере способствовали и начавшиеся затруднения в снабжении войск боевыми припасами, а затем и в продовольствии.

Красной Армии. Что же касается наших войск, то здесь картина была совершенно обратная: слабые морально вначале операции, они постепенно как-бы перерождаются, и к концу приобретают совсем другую устойчивость.

Планы сторон.

План командования северо-западной армии белых сводился к тому, чтобы демонстративным наступлением группы, сосредоточенной юго-восточнее Гдова, в направлении на ст. Струги-Белая (между Лугой и Псковом), отвлечь сюда наше внимание и главный удар произвести в направлении Ямбург—Петроград.

Для противодействия этому плану противника, наше командование решило развить энергичное наступление с фронта Псков—ст. Батецкая в северо-западном направлении, что должно было дать возможность нанести сильный удар войскам противника, оперирующим против Петрограда, и заставить их откатиться к своей базе Нарва—Гдов.

Краткий очерк действий до 10-го октября.

Еще 28 сентября, в развитии своего плана, противник перешел в энергичное наступление на Лужском и Псковском направлениях. Первые удары противника обрушились на части 19 и 10 дивизий, которые, выдерживая тяжелые бои и оказывая упорное сопротивление, постепенно отходили на восток.

Благодаря этому, к 10 октября противнику удалось приблизиться к Варшавской железной дороге у ст. ст. Струга-Белая и Владимирский лагерь.

События 10-го октября.

10-го октября противник, переправившись у с. Муравейно через р. Лугу, сильно потеснил части 2-ой дивизии, которые, не выдержав боя в этом районе, отошли на линию р. Дубенка, д. д. Пелеши, Доматова, Муликова, Устье. В то же время на остальном фронте этой дивизии, под упорным натиском противника, наши расстроенные части отошли к д. Мазана Гора, Подледье, Твердять, Старица, Вязь, Красные Горы. Части противника, форсировавшие р. Лугу у с. Муравейно, отбросив отсюда наши части, разделились на две группы, из которых одна быстро повела наступление на Ямбург, а другая направилась по шоссе на Молосковицы. (См. схему № 1).

Начало Петроградской операции: взятие Ямбурга.

В 7 часов 11 октября противник начал артиллерийскую подготовку для атаки г. Ямбурга, после чего при поддержке 3 танков, прорвав наше расположение, ворвался в гор. Ямбург и после кровопролитного боя овладел им. После оставления Ямбурга, части 6-й дивизии отошли на линию Малли, Заполье, Алексеевка, Ясковицы, Брюмбель, Пустомержа, Яманицы, Выползова.

2-я дивизия, расстроенная бывшими накануне боями, продолжала в беспорядке отходить и части ее в этот день достигли уже д. д. Перевицы, Сарковицы, Сосница, Гусинка; при этом было обнаружено стремление противника распространяться в направлении последних двух пунктов. Таким образом, создалась серьезная угроза весьма важной для нас ст. Волосово, для прикрытия которой не нашлось ничего кроме одной маршевой роты. Армейское-же командование, повидимому не учитывая тяжелого и расстроенного состояния 2-й дивизии, тем не менее отдало оставшийся невыполненным приказ об атаке в тыл противника, занявшего д. Мазана Гора.

Развитие операции.

Образовавшийся у ст. Волосово прорыв между 6-й и 2-й дивизиями повлек, помимо своих естественных последствий, разрыв связи

между этими обоими дивизиями, что, конечно, имело также немаловажное значение. 12 октября армейским командованием был спешно организован, так называемый, Гатчинский отряд, в составе 628-го стрелкового и 1-го запасного полков и батареи артиллерийского дивизиона Башкирской дивизии. Созданием этого отряда имелось в виду образовать какую нибудь маневренную группу, способную действовать противнику во фланг. Отряду первоначально ставилась задача—обеспечить Волосовский железнодорожный узел, чего, однако, отряд этот не успел выполнить и ст. Волосово перешла в руки противника, который начал проявлять особую активность на фронте 6-й дивизии, обнажившей благодаря Волосовскому прорыву свой левый фланг. Вполне определенно намечалось стремление противника, отбросив нас к северу от железной дороги Ямбург—Гатчина, развить свои действия в этом направлении и захватить г. Гатчину. В то же время энергичными действиями на Лужском направлении против наших сильно потрепанных и потерявших устойчивость частей, противнику удалось уже 13 октября овладеть г. Лугой, откуда его стремления направились к Виндавской железной дороге в район ст. Оредеж. В течение 14, 15 и 16 октября наступление противника по всему фронту продолжалось, причем на фронте 6-й дивизии правый фланг Красногорского участка отошел к д. д. Шепелево, Мордовщина, Ковашн; на Красносельском участке наши части отошли к Горелову, оставив в руках противника Красное Село. Части же 2-й дивизии к этому времени уже откатились на линию Тайцы—Пудость—Кол. Резина—Морпиково—Химози—Пижма. Таким образом, 6 и 2 дивизии, отходя под непрекращающимся натиском противника, все больше и больше откидывали на север свой левый фланг, благодаря чему разрыв между 2 и 19 дивизиями все больше и больше увеличивался, а стремление противника на восток для перехвата железнодорожных путей к Петрограду, ставило левый фланг 2 дивизии в крайне опасное охватываемое положение и этот фланг, не будучи ничем обеспечен, естественно стремился откатываться назад, чтобы уйти из под ударов противника. Эти обстоятельства вызвали отдание фронтовым командованием приказа о передаче в состав 15 армии участка 7 армии, начиная с правого фланга 19 дивизии со всеми находящимися на этом участке войсковыми частями.

В то же время, этим же приказом 7 армии ставилась частная задача—разбить прорвавшегося в Гатчинский сектор Петроградского укрепленного района противника и выйти на линию Кернов—Волосово-Мшинская, установить связь с 15 армией и затем развить энергичное наступление в направлении на Ямбург; в это же время соседняя 15

армия должна была разбить противника и выйти на линию ст. Преображенская—р. Вердуга—Подберезье—р. Желча. Таким образом, этим приказом начинал систематически и планомерно проводиться план, положенный нашим высшим командованием в основу своих действий, направленных к ликвидации наступательной операции северо-западной армии белых.

Блестящему выполнению в дальнейшем этого плана значительно помогла допущенная командованием противника крупная ошибка, выразившаяся в ослаблении на целую дивизию, переброшенную к Петроградy, Гдовской своей группы, легко нами разбитой, что и повело, в числе других причин, к полному крушению всей операции противника

В ночь с 16 на 17 октября противник овладел г. Гатчиной. Штаб 7 армии, остававшийся до сего времени в г. Детском Селе, перешел в Петроград.

Положение 7 армии 17-го октября и перелом в нашу сторону.

В результате предшествовавших боев, 6-я и 2-я дивизии 7-й армии занимали линию гора Валдай, Ковашн, Шишкино, Ломоносово, Мишелево, Б. Горлово, Порожки, Узигонт, Велигонт, Райкузи, Модикайзи, Чух, Кайерово, Рехколово (6 див.), Нов. Сузи, Б. Карлино, Коврово, Улькюля, Нов. Бугор, Верево, Мозино, Варля (2 див.). Таким образом, весь активный фронт 7 армии, протягивавшийся от горы Валдай, примерно, до Царской Славянки, имел около 80 верст и в некоторых пунктах (у Койерово, у Горелова) отстоял от Петрограда всего на дальний пушечный выстрел. При таких условиях судьба Петрограда казалась уже решенной, однако, события вскоре потекли в обратном порядке. Уже в этот день, 17 октября, начал определенно намечаться некоторый перелом: нажим противника в некоторых пунктах ослабел, в то же время наши части местами начали не только проявлять устойчивость, но и сами уже переходили в контр-атаки. Причины этого перелома в нашу сторону заключались в том, что с одной стороны вся предпринятая противником операция не была подготовлена ни в политическом, ни в стратегическом отношениях; с другой стороны—колоссальная воля, энергия, напряжение всех сил и средств, а главное непреодолимое желание победить, проявленные нашими Правительством и Командованием; несомненно, эти причины и сыграли решающую роль во всей Петроградской операции.

Наши мероприятия. Все мероприятия Правительства и военного командования были направлены: во первых, к поднятию духа войск и, во вторых, к увеличению их численности и снабжению их всем недостающим. Из мероприятий первого рода самым существенным явилась мобилизация коммунистов, проведенная не только в Петрограде, но и во всей Республике, вне всякой очереди и вне возрастов. Из мобилизованных коммунистов были образованы полки, батальоны, отряды, группы, которые, вливаясь в ряды наших слабых морально войск, быстро поднимали их дух. Для увеличения же численного состава действующих под Петроградом войск, сюда было спешно брошено все, что можно было снять не только с западного фронта, но и с других фронтов; все переброски были совершены с предельной скоростью и в строго назначенный срок. Наконец, путем огромных усилий удалось улучшить снабжение наших войск всем необходимым, причем снабжение техническими средствами борьбы было доведено до такой степени, что, несмотря на существование блокады, наши войска были обеспечены лучше, чем во время империалистической войны старая армия, в лучший период развития у нее техники.

Смена командующих. В тот же день 17 октября произошла смена командующих 7 армии: вместо Генерального Штаба тов. С. Д. Харламова был назначен Генерального Штаба тов. Д. Н. Надежный; тов. Харламов получил начальствование над армейским резервом и в дальнейшем предполагалось поручить ему особую ударную группу, которая, согласно указаний Главнокомандующего всеми вооруженными силами, должна была действовать во фланг противника со стороны Колпино—Тосно.

Дальнейший ход операции. В течение ночи и дня 18 октября противник несколько раз пытался нас атаковать, но неудачно: его атаки на Уст-Рудицы, Мишелево и Горлово были нами легко отбиты; попытка же его наступать крупными силами на дер. Петровская окончилась для него лишь большими потерями; незначительный частичный успех его у дер. Б. Карлино был нами также быстро ликвидирован; ему удалось только овладеть и удержать за собою д. д. Верева и Н. Бугор. Для обеспечения левого фланга 2-й дивизии и для некоторого прикрытия железнодорожных линий на Петроград, был выдвинут отряд Петроградских курсантов на линию Кубышка, Коркюля, Варля, перекресток дорог у полустанка Владимирская. Таким образом, можно было уже определенно видеть, что положение менялось в нашу пользу: ни один шаг противника не оставался безнаказанным, наши части становились не только устойчивыми, но даже начинали проявлять не-

которую активность (Б. Карлино); если противник и имел частичный успех, то это были уже успехи чисто местного характера, притом достававшиеся дорогой ценой; о легких победах и о церемониальном марше первого периода своего наступления белым пришлось забыть. К вечеру 18 октября противнику при поддержке бронепоездов удалось все же прорвать фронт 6-й дивизии в направлении Финляндская колония—Стрельна; однако дальнейшего развития этот прорыв не получил и положение здесь было нами относительно восстановлено.

Лишь на левом фланге армии продолжала висеть серьезная опасность—угроза перерыва почти ничем не прикрытой Николаевской железной дороги; опасность эта приобретала тем большее значение, что с перерывом Николаевской жел. дороги Петроград оказался бы почти отрезанным (оставалась бы одна Северная жел. дорога с весьма слабой пропускной способностью), что, конечно, могло очень легко вновь изменить всю обстановку, начинавшую складываться для нас более или менее благоприятно, и свести на нет все те титанические усилия, которые были сделаны для спасения Петрограда. Все это противник прекрасно учитывал и проявлял наибольшую активность именно здесь, на левом фланге нашей 7-й армии; так, в тот же день вечером он пытался захватить полустанок Владимирская. Ввиду изложенного, нашим армейским командованием было приступлено к спешному осуществлению пожеланий Главнокомандующего о создании в районе Колпино—Тосно ударной маневренной группы под командованием тов. Харламова.

С утра 19 октября части 6-й дивизии перешли в наступление, которое однако не дало никаких результатов. Вторая же дивизия вынуждена была осадить свой левый фланг к Царской Славянке, на которую противник продолжал настойчиво нажимать как с запада, так и с юга. В то же время упорные атаки противника на дер. Пардане привели к прорыву нашего фронта, и положение здесь удалось восстановить лишь благодаря доблести и самоотверженности заградительного отряда Революционного Военного Трибунала западного фронта. Нажим же противника на левый фланг был настолько силен, что наши части вынуждены были отойти от дер. Онтолово на линию Коврово—Н. Катлино, а части, отошедшие первоначально к Царской Славянке, были отброшены от нас и, не будучи в состоянии, несмотря на упорный бой, удержать за собою гор. Павловск, оставили его и отошли к Кошелеву и ст. Тярлево. Таким образом, намерение противника перерезать Николаевскую жел. дорогу продолжало оставаться, и все его стремления были сюда и направлены, но недостаток сил, о чем имелись вполне достоверные разведывательные данные, не позволял ему

быстро осуществить свой план; успех же его в действиях против 2-й дивизии об'яснялся исключительно смелостью и предприимчивостью.

В течение 20 октября нажим противника продолжался, главным образом, на Стрельнинском и Детскосельском направлениях, однако лишь на последнем он имел успех: противнику удалось отбросить части 2-й дивизии сперва к Соболеву и на северную окраину Софии и далее до ст. Тярлево, а затем, получив подкрепление, принудить нас к оставлению Детского Села. В результате части 2-й дивизии заняли линию Н. Сузи, Верх. Кузьмино, Б. Пулково, Шушары.

К этому времени формирование Колпинской ударной группы тов. Харламова можно считать законченным, и группе уже ставилась задача на следующий день. Эта группа являлась единственной частью, на которую выпадала чисто маневренная задача: прикрывать с одной стороны единственную оставшуюся в наших руках Николаевскую жел. дорогу, с другой стороны—действовать во фланг противнику и угрожать его тылу.

Согласно указаний высшего командования главное ядро этой группы было сосредоточено в Колпине, а в Тосненском районе находились лишь слабые разрозненные части, хотя возможно, что если бы в Колпине был оставлен лишь заслон, а весь кулак группы действовал бы со стороны Тосно, то результаты были бы более существенные, так как уже через несколько дней Колпинская группа, естественно примкнув плечом ко 2-й дивизии, перешла от чисто маневренных действий к простому лобовому выпиранию противника. Отданным 20 октября оперативным приказом 7-й армии о переходе в решительное наступление за совместными подписями Председателя Революционного Военного Совета Республики тов. Троцкого и командующего 7 армией тов. Надежного ставились задачи: 6-й дивизии выйти на линию Ропша—Красное Село; 2-й дивизии упорно оборонять занимаемые позиции; группе Харламова атаковать противника и выйти затем на линию Красное Село—Гатчина; Балтийскому флоту изготовиться для оказания поддержки 6-й дивизии. Было приказано об'явить войскам, что Красный Петроград ждет исхода боя завтрашнего дня с полною верою в успех. (Смотри схему № 2).

Начавшееся с утра 21 октября наше наступление на Красногорском участке потерпело неудачу; в районе Александровской Слободы и Финляндской колонии противник предупредил нас, и, сам перейдя в наступление, несколько потеснил наши части. На остальном фронте 6-й дивизии наше наступление началось успешно и к вечеру части достигли линии Сосновка, Горелово, Константиновка, Венерязи, Туйпола.

2-я дивизия в течение дня закреплялась на занимаемых ею позициях и приводила в порядок свои части. Группа Харламова, неуспевшая еще закончить свое сосредоточение, проявила тем не менее в этот день активность; так, ее части атаковали и, после довольно упорного боя, заняли деревню Ям-Ижору, после чего, преследуя противника, захватили с боя д. Войскорово и д. Путролово, но удержать последнюю не смогли и отошли к дер. Микколово. На Тосненском участке группы был достигнут также некоторый успех:—заняты д.д. Поги, Лорвилово и Косые Мосты.

Таким образом, за 21 октября мы имели уже определенный успех; кроме того, необходимо отметить, что почти впервые с начала операции наши войска выполнили хоть частично приказ армейского командования, так как почти все отдававшиеся ранее приказы войска выполнять не могли.

На следующий день армейское командование приказывало: **6-й дивизии** овладеть линией д.д. между Модиайзи и Пески и колонией Стрельнинской; **2-й дивизии** сбить противника с позиции на линии Б. Пикко—Детское село и развивать свое наступление в общем направлении на мызу Тайцы; **группе Харламова** овладеть Детским Селом, Павловском, Царской Славянкой и полустанком Владимирская, имея дальнейшей целью овладение Гатчиной.

22 октября противник производил перегруппировку и сосредоточил свои силы преимущественно в районах Красного Села, Детского Села и Павловска.

Начавшееся утром наше наступление развивалось довольно успешно, однако, части армии выполнить поставленные им задачи не смогли и к вечеру занимали следующее положение: **6-я дивизия** достигла линии Модикайзи, Кавигонт, Хирвози, Ниукози, Пески, Константиновка, Б. Пикко; **группа Одинцова** (переименованная из 2-й дивизии) занимала линию Венерязи, Н. Сузи, Синда, Ред. Кузьмино и левым своим флангом подошла к Детскосельскому вокзалу; **группа Харламова** правым флангом подошла также к Детскосельскому вокзалу, далее заняла Липицы, Н. Весь, Эдюп и вела атаки на Федоровский посад; **Тосненский же отряд** группы занимал позиции по реке Черной и у селения Кривые Мосты.

На 23 октября частям армии были поставлены следующие частные задачи: **6-й дивизии** выйти на линию Ропша—Красное Село; **группе Одинцова** выйти на линию Красное Село—Детское Село; **группе Харламова** овладеть Детским Селом, Павловском, Царской Славянкой, полустанком Владимирская и ст. Вырица. При этом крайне инте-

реено отметить, как характерную особенность, что командующий армией в самом приказе давал такие указания о способе выполнения задач: „**6-й дивизии и группе Одинцова при направлении удара на Красное Село достигнуть его овладения путем охвата с флангов, а при занятии Детского Села группам Одинцова и Харламова принять меры по согласованию действий между соседними участками**“.

Взятие нами Детского Села.

Встречая упорное сопротивление противника, части армии с утра 23 октября приступили к выполнению поставленных им задач; наибольшую активность в боях этого дня проявили части группы Харламова, овладевшие стремительным ударом гор. Детское Село и продвинувшиеся затем вперед. В результате армия заняла линию Красносельские Скачки, Мал. Пикко, Б. Карлино, Баболово, Кошелево, Павловский вокзал, Эдюп, Глинка, Федоровский посад, Антоново. Таким образом, положение под Петроградом можно было считать упрочившимся, непосредственной угрозы Петрограду уже не было, наше же успешное наступление до некоторой степени обеспечивало и Николаевскую жел. дорогу, по которой прибывало все снабжение и продолжали подвозиться подкрепления.

Однако, армейское командование еще сильно опасалось за прочность положения и за возможность успешного для нас развития операций: 23 октября командующий 7 армией в телеграмме на имя Главкома с копией Комзапу высказывал предположения, что в ближайшее время могут произойти решающие события, вследствии чего настаивал на немедленной погрузке из ближайшего пункта еще одной испытанной и обстрелянной бригады.

Продолжая свое наступление, части армии 24 октября должны были: **6-я дивизия**, овладев Красным Селом, выйти на линию Рюдемили—Вилози: **группа Одинцова**, содействуя своим правым флангом 6-й дивизии в овладении ею Красным Селом, выйти на линию Кавелахты, мыза Тайцы, мыза Верево; **группа Харламова**, выслав конный отряд в направлении Тосно—Вырица —Курово, выйти на линию Романов, Лукаши, Сабры, Ковшово, дер. Вырица.

24 октября наше наступление несколько замедлилось, противник упорно оборонялся, переходя местами в контр-атаки. В районе же Красного Села атаки противника вынудили нас очистить Бол. и Мал. Пикко, 6-я дивизия в течение дня овладела несколькими пунктами на

правом фланге, левый же фланг ее несколько подался назад. В то же время группа Одинцова выдвинулась на линию Нуркобози, Бол. Карлино, Роц, Толпола, Хорбола.

Взятие нами г. Павловска. Группа Харламова овладела гор. Павловском и достигла линии Н. Катлино, Гукколово, Попово, Пасторат, северная окраина Антропшины, железнодорожный мост на реке Черная—Каушты.

25 октября противник особенно упорно сопротивлялся, главным образом, у Красного Села и у Царской Славянки. Нашим частям приходилось напрягать все свои силы. Отмечая это в своем очередном приказе, командующий армией категорически требовал, чтобы 26 октября 6-я дивизия взяла бы Красное Село, группа Одинцова — Бол. Лагерь и мызу Тайцы, группа Харламова—Царскую Славянку и полустанок Владимирская.

Взятие нами Красного Села. Наконец, после упорных тяжелых боев, части армии сломили сопротивление противника и вынудили его 26 октября начать отход. К вечеру этого дня 6-я дивизия уже заняла Перелесье, Гостилицы, Дятлицы, Витино, Переярово; части группы Одинцова продолжали движение для занятия линии Аропокози—Мал. Верево; группа Харламова, овладев Царской Славянкой и Антропшиной, двигалась на линию Мал. Верево—Сабры.

Таким образом, успех у нас уже был несомненный и притом не малый: в наших руках были: Красное Село, Царская Славянка, Антропшино, на оборону которых противник потратил не мало сил и времени. Поражение, нанесенное противнику было таково, что можно было уже говорить о его преследовании; следующей же нашей очередной задачей являлось обратное взятие Гатчины, к чему и было направлено стремление командования 7 армии.

В развитие общей задачи—преследования противника, на 27 октября ставились частные задачи: **Красногорскому участку** выдвинуться на линию Устье, Стар. и Нов. Калище, Усть-Рудицы; **6-й дивизии** на линию Вяреполь, мыза Воронецкая, Касково, Низковицы, выслав на грузовиках отборные отряды для преследования противника по шоссе на Бегуницы и Волосово; **группе Одинцова** на линию Писковицы—Гаровицы; **группе Харламова** на линию Гаровицы, Сиворицы, Сиверская, Бол. Слудицы. Указания для преследования противника, аналогичные данным 6-й дивизии, давались и обеим группам. Кроме того, предлагалось теперь же выделить в участковые резервы наиболее утомленные части. От начальников боевых участков требовалось принять все меры к установлению соприкосновения с противником и выясне-

ния его расположения, причем для последней цели, кроме того, высылалась из Петрограда сильная воздушная разведка. К вечеру этого дня соприкосновение с противником было установлено еще не на всем фронте армии.

Отходящие части противника местами задерживались, переходя в контр-атаку, однако эти арьергардные стычки изменить общее положение уже не могли, и к вечеру части 6-й дивизии вышли на линию Усть-Рудицы, Мишелево, мыза Лапинская, Дятлицы, Глухово, колония Кипень; в то же время части группы Одинцова заняли линию Ново-Пурсково—Мал. Ивановка, наступление на Бол. Тайцы, Старицу продолжалось, на левом же фланге была взята дер. Бол. Верево. В группе Харламова за этот день не произошло ничего существенного, лишь на крайнем левом фланге противник несколько потеснил наши части у дер. Каушты.

На следующий день армии вновь приказывалось овладеть Гатчиной, однако Гатчина оставалась в руках противника еще несколько дней. В течение 28, 29 и 30 октября на фронте армии продолжались бои с переменным успехом; противник напрягал последние свои усилия, чтобы удержаться и не дать себя смять.

К вечеру 30 октября положение было следующее: **6-я дивизия** занимала на правом своем участке линию Порожки, Петровская, мыза Лапинская, Забородье, Глядино, Горки, далее наши части подходили вплотную к д. д. Роц и Скворицы, обходя последнюю с юга; **в группе Одинцова** правофланговые части содействовали атаке дер. Скворицы ударом с востока, далее велась атака на дер. Рапузи, остальные части приближались к д. д. Б. Печелево и Б. Верево. **В группэ Харламова** положение оставалось без перемен.

29 октября командующим армией вновь был отдан приказ об овладении Гатчинским узлом, что однако осуществить опять не удалось. В своем приказе 30 октября командующий 7 армией указывал на крайнюю медленность нашего продвижения вперед и констатировал, между прочим, тот факт, что с нашей стороны преследования противника в сущности вовсе не было, что дало возможность ему оправиться и подготовиться к обороне Гатчинского узла. Следующим приказом, отданным в 1 час 31 октября ставились задачи: **6-й дивизии** отбросить противника от Ропши и Высоцкого; **группе Одинцова** прорвать фронт противника в направлении на Сализи и наступать на Гатчину; **группе Харламова**, сбив противника с высот на линия Н. Бугор, Лукаши, Ропань, овладеть Гатчиной.

Однако, и этот приказ остался невыполненным. Противник подтягивал резервы и, кроме того, как обнаружилось, перебросил к Гатчине из Лужского района 4 полка; в районе между Пурсково и Балтийской жел. дорогой также было заметно сосредоточение противника. День 31 октября прошел в довольно тяжелых боях, не давших серьезных результатов ни той, ни другой стороне.

Обнаружившееся усиление противника и начатая проявляться им активность, заставили командование 7 армии с своей стороны проявить некоторую, быть может, даже и излишнюю осторожность: приказом армии 31 октября давалась общая задача—прочно закрепиться на занимаемых позициях и дать отпор предстоящему удару противника.

День 1-го ноября прошел в боях, имевших местное значение. За все последние дни у противника довольно резко обозначается стремление действовать мелкими частями и только на важных для него направлениях; в этом заключалось его преимущество над нами, обнаруживающее склонность к маневру и умение командования управлять; и в том и в другом, как это ни печально, мы уступали противнику.

На следующий день армия опять должна была продолжать приостановленное было наступление. Однако, день 2-го ноября прошел лишь в разведывательной деятельности.

Между тем, в это время северо-западная армия белых уже почувствовала давление на свой тыл нашей 15 армии, осуществлявшей свой стратегический маневр. Вследствие этого, дальнейшее промедление 7 армии уже было бы прямо преступно и армейское командование категорически приказало 3 ноября всей армии перейти в решительное и энергичное наступление.

Взятие нами Гатчины. На этот раз приказ был исполнен в точности. Части армии, перейдя с утра 3 ноября в наступление, начали по всему фронту теснить противника и к вечеру уже были на линии: Ильино, Сокули, Волосово, Кипень; Гатчина была нами взята, и части двигались на Химози. Лишь на направлении Тосно—Гатчина наше наступление несколько задерживалось порчей мостов.

Таким образом, 3 ноября опять произошел сдвиг противника, что, конечно, нельзя всецело отнести к наступательной энергии 7-ой армии; причиной этого, как сказано выше, был, главным образом, маневр 15-ой армии; 7-я же армия по присущей ей медлительности сразу же потеряла в некоторых местах соприкосновение с противником и позволила Гатчинской его группе безнаказанно и незаметно отойти в юго-западном направлении.

4 ноября армия должна была энергично преследовать противника и выйти на линию Усть-Рудицы, Лопухинка, ст. Сиверская.

В этот день выяснилось, что противник при отходе задерживает свой левый фланг, правым же флангом и центром быстро подается назад, предполагая повидимому закрепиться на линии Усть-Рудицы — ст. Волосово.

В результате двухдневного наступления к вечеру 5 ноября наши части занимали следующее положение: **6-ая дивизия** вышла на линию Усть-Рудицы, Верепелево, Терентьево, Стародворье, Лопухинка, Рослово, Мадолицы, ст. Добряницы; **части группы Одинцова** подходили к линии Витино, Ознаково; **группа Харламова** выдвигалась на линию Хюльгизи, Дымицы, ст. Сиверская.

На 6 ноября армии ставилась задача—выход на линию Устье, Готобужи, Горбовицы, Тяглицы, Бегуницы, Череповицы, Волосово, Захонье, Калитино, Заречье, причем в развитие указания командующего фронтом о нанесении главного удара в направлении Усть-Рудицы—Ямбург с целью бить противника по его глубоким тылам, командующий армией приказал 6-й дивизии развивать наиболее интенсивное наступление ее правым флангом.

В течение дня 6 ноября наше продвижение вперед совершалось по прежнему крайне медленно, несмотря на то, что характер боевых столкновений определенно указывал, что армия противника находится в полном отступлении. Данные глубокой воздушной разведки вполне это подтверждали.

Между тем, получены были сведения, что правая колонна 15-ой армии уже достигла дер. Сосницы и находится всего в 16 верстах от Волосово, вследствие этого в 15 часов 6 ноября командующий армией приказал группе Харламова во что бы то ни стало в этот же день достигнуть Волосова для совместного удара с колонной 15-ой армии; группе же Одинцова и 6 дивизии с полной энергией атаковать обойденного противника.

Уже в ночь с 6 на 7 ноября правая колонна 15 армии достигала района Волосово и вступила в горячий бой с противником, стремящимся ценой каких угодно жертв удержать за собой этот важный и жизненный для него узел. На помощь частям 15-й армии к Волосову спешно двигались части группы Харламова. К вечеру 7 ноября 7-ая армия достигла линии: Долгово, Костивское, Заозерье, Власово, Местаново, Марково, Гомонтово, Брызгово, Клопицы, Губанницы, Кикерино, Кали-

тино. Противник спешно отходил в общем направлении на Ямбург, оказывая наиболее упорное сопротивление в районе Ямбургского шоссе и железной дороги.

Таким образом, того удара, которого требовал командующий фронтом в направлении Усть-Рудицы—Ямбург, не было, а все продвижение 7-й армии совершалось до крайности медленно, и противник уходил почти безнаказанно. Это обстоятельство вынудило фронтовое командование потребовать от 7-й армии более решительных действий.

На следующий день армия должна была выдвинуться на линию Керново, Ивановское, Перелесье, Ильяши, ст. Вруда, причем командующий армией вновь подтвердил необходимость нанесения главного удара противнику 6-й дивизией, а именно, вдоль шоссе на Ямбург. К вечеру 8 ноября части армии достигли назначенных им рубежей и вышли на линию Керново, Климотино, Бол. Озертицы, Молосковицы; таким образом, левый фланг армии выдвинулся даже более, чем ему было указано.

На 10 ноября ставилось задачей: 6-й дивизии выйти на линию Пейпия, Купля, Пенделево, Юркино, Прилуга, захватив междуозерные перешейки севернее Ямбурга; группа Одинцова должна была овладеть Ямбургом, при этом в нее включались войска группы Харламова, а последняя, как самостоятельное войсковое соединение, расформировалась.

Однако, противник, продолжая отходить перед правым флангом армии, начал оказывать упорное сопротивление на Тикопийских позициях, ввиду чего, 19 дивизии 15-й армии было приказано оказать поддержку левому флангу 7-ой армии; к этому времени уже установилась телефонная сеть между штабами 19 дивизии и группы Одинцова. 7 й армии приказано было достигнуть линии устья реки Луги, Куровицы, Извоз, Комаровка, Прилуга, причем группа Одинцова должна была быстрым ударом овладеть переправой у Ямбурга, действуя в полной связи с 19 дивизией.

Между тем, противник, ведя арьергардные бои на фронте 7 армии и притом исключительно в полосе жел дороги к востоку от Ямбурга, часть сил перебросил против 15-ой армии, где и перешел в контр-наступление, с целью обезпечения района Нарва—Ямбург с юга и юго-востока. В связи с этой новой группировкой противника 7-ая армия, согласно указаний командующего фронтом, должна была решительным ударом прорвать фронт противника в полосе железной дороги Гатчина—Ямбург, и не позже 12 ноября, разбив Ямбургскую группу противника, овладеть районом Ямбург—Дубровка, отрезав левофланговые части белых и

действуя в дальнейшем, в зависимости от обстановки; или на Нарву, или во фланг и тыл, оперирующей против 15-ой армии Гостицкой группы противника. К этому времени, т. е. к вечеру 11 ноября 6 дивизия вышла на линию озер Копенское, Глубокое, Бабинское, д.д. Кикерицы, Валья, Ополье; группа Одинцова вела бои к югу от дер. Ополье.

С утра 12 ноября части армии приступили к выполнению поставленных им задач; под давлением группы Одинцова противник начал поспешно отходить к Ямбургу; в то же время части 15-й армии овладели д.д. Прилуга и Сережино. К вечеру положение было следующее: **6 дивизия**, оставаясь правым флангом на линии озер, левым флангом подошла к реке Глубокая; **части группы Одинцова**, после боев с арьергардными частями противника, занимали Керстово, Килли, Горки, Заполье, Алексеевку, Тикопись.

Таким образом, части 7-ой армии подошли почти вплотную к Ямбургу и заняли положение, которое можно было считать за исходное для овладения городом; занятие же частями 15-ой армии д.д. Прилуга и Сережино ставило противника в крайне опасное положение и, собственно говоря, предрешало уже вопрос об оставлении им Ямбурга.

На следующий день армия должна была продолжать выполнение поставленной ей задачи и выйти на линию устье реки Луги, Гувоз, Комаровка, Анненская.

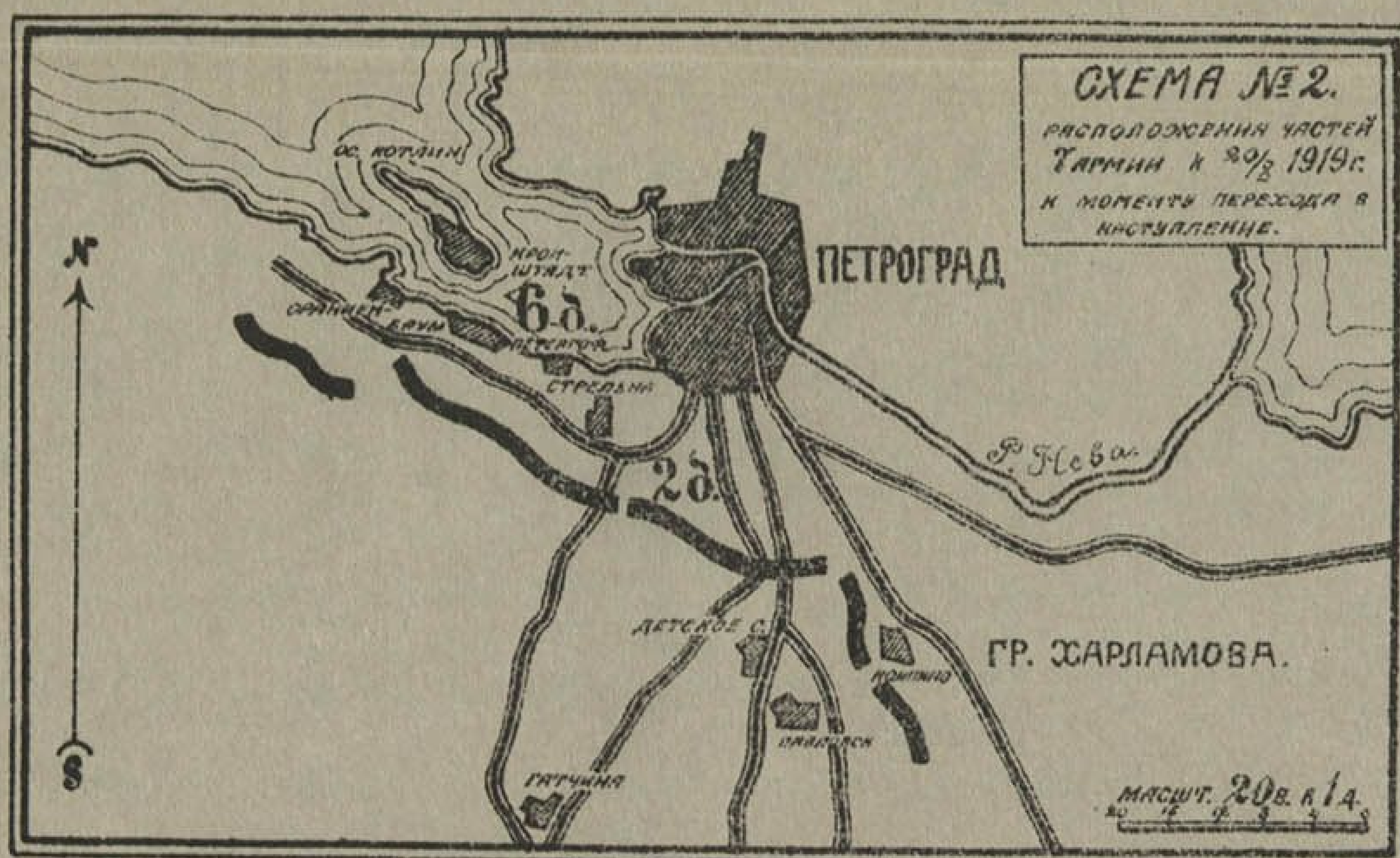
В течении 13 ноября правый фланг армии встретил на междуозерных перешейках настолько упорное сопротивление противника, что продвинуться не мог; левый же фланг 6-й дивизии вышел в район южнее оз. Судачье, а группа Одинцова подошла к линии Бол. Луцк, Мал. Луцк, Луцкая колония, Стеклянный завод. Таким образом, несмотря на сильное сопротивление противника, к вечеру 13 ноября наши части были уже у самого Ямбурга.

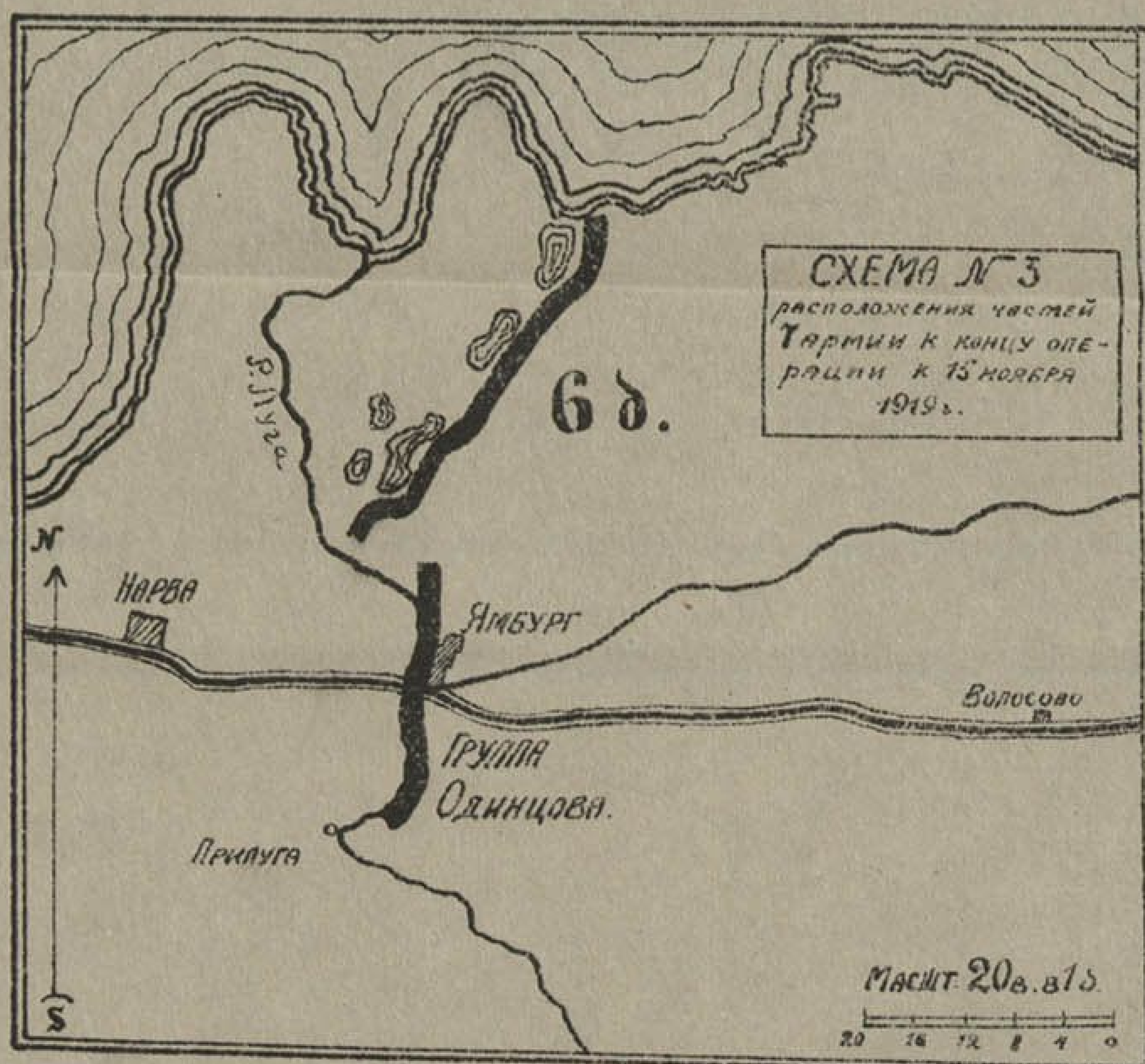
Взятие нами Ямбурга и конец Петроградской операции.

С утра 14 ноября на фронте группы Одинцова завязался горячий бой. Противник напрягал последние усилия, чтобы на случай необходимости сдачи Ямбурга, хотя бы оттянуть этот момент. Однако в 14 час. 30 мин. наши доблестные части (15 и 478 стрелковые полки) ворвались в город и выбили из него противника. Ямбург снова был в наших руках.

Командующий фронтом, получив донесение о взятии Ямбурга, приказал 7-ой армии продолжать самое энергичное наступление на линию р. Наровы, чем начинается уже Нарвская операция, являющаяся естественным продолжением Петроградской операции. (См. схему № 3).

Финский залив
Ос. Котлин
Кронштадт
Петроград
Красная Горка
Лужская губа
Р. Луга
6д.
Ямбург
Нарва
Гомонтово
Волосово
Красное Село
Детское Село
Гатчина
Изварa
2д.
Р. Луга
Мшинская
19д.
Луга
СХЕМА №1.
расположения правого фланга 7 арм.
к началу „Петроградской операции".
Масшт. 40 в. в 1 д.

СХЕМА №2.
расположения частей 7 армии к 20/x 1919 г.
к моменту перехода в наступление.
Ос. Котлин
Кронштадт
ПЕТРОГРАД
6д.
Стрельна
2д.
Р. Нева
Детское С.
ГР. ХАРЛАМОВА.
Гатчина
Масшт. 20 в. в 1 д.

СХЕМА № 3
расположения частей 7 армии к концу операции к 15 ноября 1919 г.
6 д.
Р. Луга
Нарва
Ямбург
Волосово
Группа Одинцова.
Прилуга
Масшт. 20 в. в 1 д.
20 16 12 8 4 0

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Таким образом, взятием Ямбурга войсками 7-ой армии закончилась столь блестяще начатая белыми „Петроградская Операция“, завершившаяся полным крахом для них. Бросая беглый взгляд на всю операцию, приходится отметить следующее:

1) Наше командование, не будучи в достаточной мере осведомлено разведкой о подготовлявшейся операции белых, не сумело расшифровать значения наступательных действий противника на Псковском и Лужском направлениях, начавшихся еще 28 сентября, следствием чего явилось не только не усиление Петроградского фронта, но даже его ослабление.

2) Первоначальные успехи противника у Ямбурга были следствием опять таки нашей слабой разведки с одной стороны, а с другой—об'яснялись неустойчивостью наших войск, которые были измотаны и издерганы предшествовавшими боями с постоянной наступательной тенденцией во что-бы то ни стало.

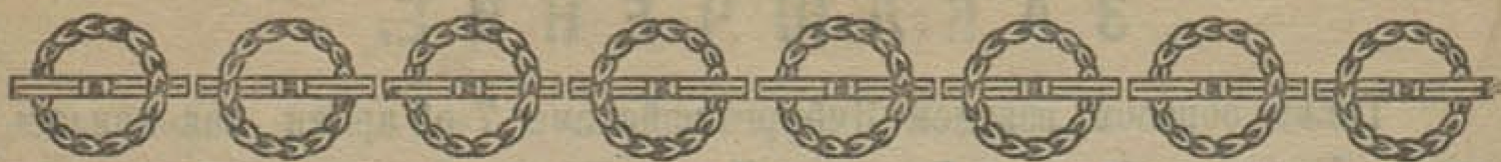
3) Далее, при успешном развитии противником своих действий, наше командование совершенно не учитывало обстановку и полагало, повидимому, что противодействовать успеху противника можно, отдавая невыполнимые приказы о переходе в наступление, не считаясь при этом ни с силами сторон, ни с моральным состоянием войск.

4) То обстоятельство, что противника удалось задержать под Петроградом и не позволить ему войти в город, ни в коем случае не может быть отнесено к умению и способностям нашего командования; причину, как этого, так и дальнейших наших успешных действий, приходится искать в необычайной, колоссальной воле и энергии, проявленных нашим Правительством и прибывшими в Петроград видными его представителями, а также в результатах мобилизации коммунистов.

5) Когда же, наконец, наши войска 7-ой армии перешли в решительное наступление и противник стал поспешно отходить, то это последнее ему удалось сделать почти безнаказанно; никакого преследования с нашей стороны не было; между тем, обстановка (координирование действий 7 ой армии с 15-ой армией) не только позволяла, но властно требовала самых решительных действий, которые должны были привести к полному уничтожению живой силы противника, тогда как, на самом деле, эта живая сила в тот момент сохранилась, ушла сравнительно благополучно и была уничтожена много позднее, ценой еще очень больших усилий с нашей стороны.

Е. Сысоев.

Стратегический очерк Нарвской операции.

(Действие 7-ой армии в ноябре и декабре 1919 г.)

Осенью 1919 года центр тяжести всех операций западного фронта лежал на крайнем его правом фланге.

Противник, в лице бывшей северо-западной армии Юденича, прорвав наши слабые численно и морально части на Нарвском направлении, развил свой успех в общем направлении на Петроград и заставил нас отойти почти к самой Красной столице.

Учитывая всю важность политического и военного значений Петрограда, Республика бросила сюда все силы и средства, коими располагала в то время, и получив перевес в силах, начала, так называемую, Петроградскую операцию.

Эта операция ставила об'ектом своих действий живую силу противника и, начавшись в конце октября, к 14-му ноября лишь отчасти выполнила свою задачу.

Армия Юденича, отошедшая к Нарве, все еще продолжала существовать и грозила в будущем создать новую угрозу Республике.

Необходимо было ликвидировать окончательно остатки этой армии, и 14 ноября началась новая операция—Нарвская.

Операция эта, ставя своей целью, в начале, окончательную ликвидацию северо-западной армии Юденича, позднее, в декабре преследовала другую цель, которая лежала исключительно в нашей внешней политике.

Начав мирные переговоры с Эстонией, нам необходимо было вести их под гром пушек, вследствие разыгравшихся аппетитов последней, и политика не замедлила поставить очередную задачу стратегии.

Задача эта сводилась к настойчивому наступлению на всем фронте Нарвского направления, чтобы с одной стороны подчеркнуть наше военное могущество, а с другой, тем самым, умерить требования Эстонии при окончательной выработке условий мирного договора.

1 Театр операции.

Театром этой операции можно считать район, ограниченный с севера побережьем Финского залива от устья р. Невы до устья р. Наровы; с запада р. Наровой; с юга—условной линией от истоков реки Наровы до ст. Дивенская Варшавской ж. д., и с востока—этой последней.

Не останавливаясь подробно на географических данных театра, следует отметить, что по устройству своей поверхности он делится Балтийской жел. дорогой на две части, резко отличающихся одна от другой.

Северная часть, возвышенная, покрытая в западной своей части большими лесными пространствами, изрезанная многочисленными реченками, текущими в общем направлении с юга на север и образующими к северу от Ямбурга группу довольно больших озер: Копенское, Глубокое и др.

Южная часть—низменная лесисто-болотистая.

Оценивая в общем театр этой операции, приходится признать, что за исключением весьма небольших участков, главным образом, совпадающих с путями, ведущими к Нарве, он мало благоприятствовал нам и сильно облегчал оборону противнику своими естественными рубежами.

2. Общая обстановка.

Общая обстановка, которая сложилась к этому времени на Нарвском направлении была такова:

1) северо-западная армия Юденича не была окочательно уничтожена, хотя и представляла собою сильно потрепанные части, имевшие мало боеспособный вид. По разведывательным данным того времени, деморализация в ее рядах достигла высшей степени;

2) переход этой армии на территорию Эстонии сейчас-же сказался на взаимных отношениях между белогвардейцами и эстами, которые приняли явно недружелюбный характер, и

3) перед фронтом 7-й армии находился новый противник—эсты, со свежими нетронутыми силами.

3. Группировка сторон.

Соотношение сил в общих чертах было следующее: —против 4-х

дивизий противника, из которых 2 дивизии были эстонских—7-я армия располагала 3 $^1/_2$ дивизиями, что при подсчете в штыках давало небольшой перевес в нашу сторону.

К 14-му ноября части 7 ой армии располагались следующим образом: на правом фланге 6-я дивизия занимала позицию по линии озер: Копенское, Глубокое, Бабинское до болота Большое; далее к югу группа Одинцова, состоящая из 2-й дивизии и различных частей переброшенных в период Петроградской операции, составивших впоследствии 56 дивизию и 63 бригаду 21 дивизии.

К этому же времени силы противника группировались: к северу от жел. дор. Ямбург—Нарва - эстонские части; к югу—остатки армии Юденича. (Схема № 1).

4. План операции.

По общему плану операции 7-й армии ставилась задача самого энергичного наступления на линию р. Наровы с целью окончательной ликвидации Ямбургской группы противника. Действовавшие в районе Ямбурга части 15 армии (1 бригада 11 дивизии и 19 дивизия) должны были быть выведены из боевой линии и получали задачу на фронте своей армии.

5. Выполнение операции.

Первый период.

Операция началась на фронте двух армий (7 и 15) с утра 15 ноября.

В развитие приказа фронтового командования 7 армия 15 ноября отдала директиву, которой ставила следующие задачи: 6-й дивизии — занятие побережья Финского залива от Кернова до устья р. Наровы, а группе Одинцова—выход на линию р. Наровы.

Однако, обозначавшийся в этот день успех на участке 6-й дивизии, которая продвинувшись заняла д. д. Колгомия, Смейкова, Косколова и подошла к р. Луге от устья до д. Новая, и серьезное сопротивление противника в железно-дорожном направлении на участке группы Одинцова, части которой были встречены сильным ружейным и пулеметным огнем и продвинуться не могли, заставило армейское командование 16 ноября отдать новый приказ. Этот приказ, оставляя за группой Одинцова прежнюю задачу (сбить противника на Нарвском направлении), ставил 6-й дивизии новую задачу,—содействовать этому наступлению путем перенесения удара на д. д. Копкина и Дубровка.

Схема № 1.

К этому времени, надо отметить, 6-я дивизия уже очистила от противника весь Сойкинский район.

17 ноября по неизвестным причинам происходит смена командармов:—тов. Надежный отзывается в Москву, а вместо него назначается тов. Одинцов.

Группа его имени переименовывается в участок 2-й дивизии.

Двухдневные упорные бои 17 и 18 ноября на фронте всей армии не дали никаких осязательных результатов. Части, переходя в наступление, несли большие потери и каждый раз отходили в исходное положение.

18 ноября из различных частей, находящихся в группе Одинцова, начала формироваться 56 дивизия.

С утра 19 ноября части армии продолжали выполнять поставленные им задачи, и к 21-му ноября 6-й дивизии удалось овладеть д. Б. Куземкино. Части 2-й дивизии за эти дни, находясь перед укрепленной позицией противника, готовились к ее атаке.

Чувствовавшиеся в штабе фронта несогласованность действий дивизий и слабый наступательный порыв армии вообще, побудили фронтовое командование отдать 21 ноября дополнительную директиву 7-й армии, в которой, подтверждая задачу разгрома остатков армии Юденича с выходом на линию восточного берега р. Наровы, приказывалось развить достигнутый успех в районе д. Б. Куземкино в обход левого фланга укрепленной позиции противника и выделить сильную ударную группу,—не менее двух бригад с артиллерий и конницей,—в обход правого фланга противника в общем направлении через Монастырск на Усть-Чернова.

Этойже дерективой командарму 7 подчеркивалось обратить особое внимание на момент отхода частей противника, чтобы энергично сосредоточенными силами преследовать его и не дать уйти безнаказанно.

23 ноября 7 армия по этой директиве ставит такие задачи дивизиям: 6-й дивизии развивать достигнутый успех в районе д.д. Мертвица, Волково, мз. Перечье, наступая по левому берегу р. Луги с целью выхода на линию восточного побережья Нарвского залива до Гургенбурга искл.

Для усиления дивизии приказывалось снять с побережья Финского залива 2-ю бригаду, оставив наблюдать за побережьем 47-й полк и конницу дивизии.

56-й дивизии—продолжать наступление на линию р. Наровы от

устья до д. Поповка вкл. и 2-й дивизии—сбить противника с укрепленной позиции и выйти на линию р. Наровы от д. Поповка искл. до ее истока.

В ударную группу назначалась 63-я бригада в составе 188, 189 полков и 5 латышского полка с 3 башкирским кавполком и артиллерией.

В резерве армии оставались 162 и 630 полки в районе Именицы—Ястребино.

О времени начала операции в приказе ничего не говорилось.

К этому времени части армии находились на линии: 1) 6-я дивизия—по побережью Финского залива от Керново до дома рыбаков на Нарвском заливе (что западнее д. Ропша) и далее в непосредственном соприкосновении с противником через д.д. Мертвицы, Волкова, Переречье, Куровицы, восточнее д. д. Орлы и Манновка; 2) 2-я дивизия—Захонье, Свейска, Жабино, Александровская горка, постоялый двор что восточнее д. Дубровка, полустанок Сала восточнее д. Анненская. (Схема № 2).

Схема № 2.

С 23 по 26 ноября части 6, 56 и 2 дивизий вели упорные бои на всем фронте. Встречая всюду упорное сопротивление противника — несли большие потери, в особенности 2-я дивизия, и продвинуться не могли, за исключением правого крыла 6 дивизии, где нам удалось занять Илькино и Фитинка. Наступление на Коростель успехом не увенчалось, так как противнику содействовала артиллерия его флота со стороны Нарвского залива. Ударная же группа армии к 26 ноября только подошла к Имильино—Монастырек и участия в боях еще не принимала. Таким образом, вследствие отсутствия согласованности действий, бои с 23 по 26 ноября свелись к прорыву укрепленной позиции противника в порядке инициативы дивизий, без соответствующей артиллерийской подготовки и содействия ударной группы.

Все сводки армии за этот период времени обращают на себя внимание значительными потерями наших частей.

Имея такие сведения о ходе операции, командующий фронтом, находясь в это время на фронте 15 армии, подчеркнул еще раз командарму 7 необходимость развития фланговых ударов, во избежание бесцельных потерь при лобовых атаках, и приказал все внимание и волю направить на форсирование действий фланговых маневренных колонн, ограничившись на Нарвском направлени демонстрацией.

Только после этого командование 7 армией переносит центр тяжести операции на левый фланг армии и ставит ближайшей задачей 2-й дивизии выход на линию реки Пята и Наровы до д. Устье-Жердянка.

Весь день 27 ноября части армии вели упорные бои за выполнение поставленных им задач, но, встречая упорное сопротивление противника, продвинуться не могли и только лишь 28 ноября частям 2-й дивизии удалось после упорного боя перейти р. Пята восточнее впадения в нее р. Шучка.

Соседняя (15 армия) к этому времени своими правофланговыми частями заняла район д. д. Низы и Усть-Чернова.

Командующий фронтом, учитывая слабость частей маневренной колонны 7 армии (63 бригада) с одной стороны, с другой—большое значение удержания за нами района д. Усть-Чернова, 28 ноября этот участок передает 15 армии и обращает внимание командарма на то, что противник попытается контр-атакой вновь овладеть районами д. д. Низы—Усть-Чернова.

Действительно, опасения эти были небезосновательны. 29 ноября противник на стыке армий перешел в наступление, переправился через

р. Пята в районе ее устья и при содействии танка на Нарвско-Гдовском шоссе потеснил наши части.

Этот успех противника 30 ноября был ликвидирован частями 63 бригады, но он послужил показателем нашей слабости для продолжения операции.

До 6 декабря борьба с обоих сторон на фронте армии приняла позиционный характер. Сводка этого периода времени, кроме обычной перестрелки и поисков разведчиков, ничего не приносила.

Этим, собственно, заканчивается первый период операции, рассматривая который, можно придти к следующим выводам:

1) Не дав осязательных результатов в отношении разгрома остатков бывшей северо-западной армии Юденича, операция эта к началу декабря оказала свое действие на Эстонию, которая с 1 декабря начинает с нами о'мен заложников.

2) Это обстоятельство в связи с общей обстановкой, надо полагать, было одной из причин начавшегося разложения северо-западной армии.

3) Причины наших неудач были:

а) неосуществление в полной мере принципа „сосредоточения сил";

б) решения высшего командования проводились вниз не достаточно твердо и настойчиво;

в) разрозненность действий во времени;

г) полная неосведомленность наша о состоянии позиций противника, которые оказались сильно укрепленными, имея несколько линий;

д) как следствие этого, несоответствие артиллерийских средств (тяжелой артиллерии почти не было), и

е) переутомление войск вследствие предшествующей Петроградской операции.

Второй период операции.

5 декабря начдив 2, узнав из приказа соседней 11 дивизии, входящей в состав 15 армии, о переходе с утра 6 декабря в наступление частей 15 армии, отдает соответствующий приказ по дивизии, донося об этом командарму 7. Последний, не имея у себя приказа 15 армии и считаясь с неготовностью 56 дивизии, отменяет это распоряжение начдива 2, однако, с указанием оказать всемерное содействие наступлению 11 дивизии, а 6 декабря отдает в свою очередь при-

каз, которым ставит задачи:—6-й дивизии атаковать противника на фронте Коростель—Риги, 56-й дивизии—в общем направлении на Нарву и 2-й дивизии—овладение д. д. Б. Жердянка и Устье-Жердянка. О начале операции на сей раз должно было последовать дополнительное приказание.

Однако, наступление частей 15 армии 6 декабря не состоялось и было перенесено на 7 декабря.

7 декабря, для содействия наступлению частей 15 армии, 2-ая дивизия, по инициативе начдива, в составе трех полков перешла в наступление на д. Бол. Жердянка и Устье-Жердянка, но встреченная сильным огнем противника, принуждена была отойти в исходное положение. Остальные дивизии 7 армии в этот день, ведя обычную перестрелку, готовились к прорыву позиций противника.

В тот же день командарм 7, донося обо всем этом комзапу, об'яснял неудачу исключительно тем, что операция начала развиваться в обратной последовательности и тем самым разрушила в корне план, сводившийся к тому, что начать действия должна была 6-я дивизия, затем 56-я, и только после этого 2-я дивизия с приданной ей 3-й бригадой 21-й дивизии должна была нанести главный удар.

С получением этих сведений, разрозненность действий двух армий в достижении постановленной им общей цели была несомненной. Командующий фронтом, особой директивой, подчеркивая командарму 7, отсутствие распорядительности, твердого руководства, инициативы в деле поддерживания связи с соседней армией в такой острый момент, а также несвоевременную ориентировку о событиях, имеющих громадное значение для цельности и планомерности начавшейся операции, приказывал в полной мере и решительно провести в жизнь данные им ранее указания; в виду же событий, развернувшихся на фронте 15 армии (11 дивизия), принять все меры к согласованию действий, дабы наверстать потерянное и не поставить 11 дивизию в критическое положение в серьезный момент.

Только после этой директивы командарм 7, вечером 7 декабря назначает время начала операции по отданному накануне приказу на 10 часов 8 декабря и приказывает частям 2-й дивизии действовать в тесной связи с 11-ой дивизией.

Итак, все действия 7-ой армии 5—7 декабря носили до крайности странный характер. В то время, как 15 армия перешла в решительное наступление, 7-я армия почти бездействовала. Создавалось впечатление полной отрезанности ее аппарата управления от всего окружающего,—в результате порыв, решительность действий, не без

доли риска, сильная воля управления 15-й армии встретили в 7-й армии непонятную до сих пор осторожность действий.

В 9 часов 8 декабря 6-я дивизия начала артиллерийскую подготовку, а в 10 час. 10 мин. части ее перешли в наступление. Спустя час артиллерийская подготовка началась на всем фронте 56-й дивизии и в 11 час. 30 мин. части левого ее участка перешли в наступление. 2-я дивизия своим правым флангом в это время подходила к ост. Мяце-Мянгел.

Вследствие слабой артиллерийской подготовки, которая не только не сделала проходов в проволоке противника, но и не произвела, видимо, должного морального впечатления, наши наступающие части после первых атак, понеся большие потери, частью отошли в исходное положение, частью залегли перед заграждениями противника.

К 14 часам обстановка на фронте армии была следующая: части 6-й дивизии, понеся большие потери в ряде атак за д. д. Федоровка, Орлы, Итово и Коростель, продолжали наступление, несмотря на сильный артиллерийский огонь противника; 56-я дивизия, атакуя д. д. Кошкина, Сала и Дубровка, залегла перед проволочными заграждениями противника; части 2-й дивизии, переправившись через р. Пята в районе р. Шучка, выслали разведку, которая вступила в перестрелку с противником.

Ночь на 9 декабря прошла в поисках разведчиков.

Из сопоставления данных времени начала артиллерийской подготовки и перехода частей в наступление в бою 8 декабря, нужно считать одной из существенных причин неудачи операции, бесцельно растянувшейся на 4 дня,—неумелое использование армией артиллерии.

Самая артиллерийская подготовка была, видимо, слабо разработана. Наступление начинается после сравнительно длительного перерыва (6 дней), а между тем серьезной подготовки к нему не было,—артиллерийская подготовка продолжалась 1—$1^1/_2$ часа.

Неуспех каждой атаки заставляет начдива 6 трижды приступать к повторению артиллерийской подготовки и после этого каждый раз бросать одни и те же части в атаку.

Это обстоятельство было 9 декабря отмечено командованием фронта командарму 7 и в тот-же день приказом армиям фронта—2-я дивизия с 3-й бригадой 21-й дивизии были переданы в оперативное подчинение командарму 15.

Из сопоставления целого ряда документов за этот период времени, можно сделать почти безошибочный вывод, что приказ этот явился следствием признания вялости за управлением 7-й армии.

Этим же приказом командарму 15 ставилась задача с частями 2,11 и 19 дивизий выход на линию р. Наровы от ее истока до г. Нарва, прикрывшись на фронте р. Пята – Большая Жердянка от удара противника со стороны Нарвы. Командарму 7, продолжая с частями 6 и 56 дивизий выполнять возложенную на них задачу, немедленно сменить части 2-й дивизии, восточнее устья р Шучка.

Итак, центр тяжести Нарвской операции 10 декабря был перенесен на фронт 15 армии.

С этого времени главные удары наносились противнику до конца операции исключительно частями 15 армии, 7-ая же вела лишь вспомогательные действия, большею частью демонстративного характера.

9 и 10 декабря части армии продолжали наступление, но, встречая упорное сопротивление противника, продвинуться не могли и, понеся большие потери, – 6 дивизия отошла в исходное положение; 56 дивизия залегла в 500 шагах от проволочных заграждений противника, а части 2 дивизии, после ряда неудачных атак д. д Б Жердянка и У. Жердянка, залегли на их южной опушке непосредственно перед проволокой противника.

10 декабря дивизии должны были выполнять поставленные им ранее задачи, причем 56-я дивизия к 10 часам должна была сменить части 2-й дивизии, действовавшие восточнее устья реки Шучка.

Причины наших неудач за время с 7 по 9 декабря, как это выяснилось впоследствии, были следующие:

1) Доклад начдивов о готовности дивизий не соответствовал действительности.

2) Укрепленные позиции противника, а равно подступы к ним, были недостаточно нами изучены.

3) Пути для обходных колонн не были обрекогносцированы, следствием чего явилось,—в 56-й дивизии опаздывание выхода обходной колонны, во 2-й дивизии—обходная колонна с полпути должна была вернуться ввиду непроходимости дорог и болот.

4) Пехоте не было, видимо, известно, что сближение с противником должно происходить под прикрытием огня своей артиллерии, а не после его окончания, что дает возможность противнику снова занять свои окопы и встретить атакующих огнем.

5) Артиллерийские наблюдатели были достаточно близко к атакующим частям, что давало полную возможность пехотным начальникам в случае, если они считали атаку неподготовленной, продолжить подготовку, а не бросать войска в атаку, как это было в 6-й дивизии. Части дивизии ходили в атаку несколько раз безуспешно и каждый

раз артиллерийская подготовка начиналась снова, таким образом, вместо того, чтобы произвести одну основательную подготовку, было произведено три, причем расход снарядов каждый раз был большой, но цели не достигал. Другими словами—взаимодействия между пехотой и артиллерией не было.

6) По донесению одного из начальников артиллерии участка, после полутора часового арт'огня, противник очистил окопы, но наша пехота опоздала с наступлением, чем дала возможность противнику вновь занять окопы и встретить атакующих в полной готовности.

11—12 декабря на фронте армий прошли в оживленной ружейно-артиллерийской перестрелке. Атака в эти дни частями 6-й дивизии д.д. Федоровка и Орлы успеха не имела и части принуждены были отойти в исходное положение.

Командующий западным фронтом приказывал командармам при проведении операций сговориться по всем вопросам, дабы тем самым достигнуть полного взаимодействия, подчеркивая громадное стратегически политическое ее значение.

В этот же день командарм 7, для содействия наступлению частей 15-й армии, отдает приказ, коим на 12 часов 14-го декабря назначалось решительное наступление, чтобы энергичным коротким ударом разгромить находящиеся перед фронтом армия части противника. Задачи дивизиям ставились следующие: 6-я дивизия должна была прорвать укрепленную позицию противника на участке Коростель—Федоровка, а 56-я дивизия с приданными ей частями—овладеть позицией противника на фронте д.д. Дубровка—Анненская.

Части армии приступили к выполнению приказа, но противник на укрепленной позиции оставался неуязвим и все наши атаки встречались сильным огнем всех видов.

Между тем, 15 декабря на фронте 15-й армии части 2-й дивизии после упорных боев овладели д.д. Бол. Жердянка, Устье-Жердянка и Вязки, переправившись в районе острова Ключного через реку Нарову. В этот же день 3-я бригада 21-й дивизии переправилась через реку Пята.

В связи с этим успехом на фронте 15-й армии - 7-я армия отдает директиву, коей, оттеняя благоприятно сложившуюся для нас обстановку, приказывает решительным образом на всем фронте атаковать противника.

17-го декабря в 12 часов на фронте армии началась артиллерийская подготовка, после которой перешедшим в атаку частям 56-й дивизии удалось занять д.д. Кошкино, мз. Мариенгоф и Сала.

18-го декабря противник, перейдя в контр-наступление, выбил наши части из д. Сала, но первые две деревни нам удалось удержать за собой.

Весь день на фронте армии шла оживленная перестрелка.

19-го декабря день прошел относительно спокойно. Части армии, утомленные предшествующими боями, приводили себя в порядок.

20-го декабря, с раннего утра, части 15-й армии должны были перейти в решительное наступление, а для содействия, по директиве командарма 7 от 19-го декабря, части 7-й армии в 10 часов 20-го декабря переходят в наступление.

Однако, атаки в течении всего дня на фронте 7-й армии успеха не имели, и части отошли в исходное положение.

К исходу дня на фронте армии шла редкая ружейная перестрелка.

Создавшаяся обстановка на фронтах армий заставила фронтовое командование отдать директиву, которой армиям ставились следующие задачи:

15-й армии,—приняв меры надежного обеспечения от возможных налетов противника на восточное побережье Чудского и Псковского озер и прочно удерживая за собой правый берег реки Наровы от истоков до острова Ключного,—сосредоточить сильную ударную группу для развития решительного удара из района реки Пята в общем направлении на форштадт Ивановский, с целью овладения последним и остальным участком правого берега реки Наровы, южнее форштадта Ивановского.

7-й армии,—вести энергичную активную демонстрацию и путем перегруппировки усилить свой левый фланг, где, перейдя в наступление, оказать самое энергичное содействие ударной группе 15-й армии.

Ближайшей задачей армии ставилось—овладение районом Пулково, Кобыляки, Комаровка, Анненская.

Все перегруппировки по этой директиве должны быть закончены к 24 декабря.

Заканчивалась директива словами: „Необходимо усилить политработу с целью повышения наступательного порыва частей и внушить комсоставу и красноармейцам сознание, что от их героизма и решительности в предстоящем ударе зависит успех наших мирных переговоров с Эстонией“.

В развитие этой директивы 7-я армия отдает приказ, который ставит задачи: **6-й дивизии** оставить одну бригаду, с достаточно сильной артиллерией, на фронте Коростель, Федоровка, другую бригаду

перевести в район д. Кошкино, Захонье, Свейск и Жабино, вести активную энергичную демонстрацию на фронте Коростель, Федоровка и решительно наступать от дер. Кошкино в общем направлении на Пулково, полумыза Лом, северо-восточная окраина г. Нарвы.

56-й дивизии сменить 499-й полк 52-ым полком. Наступать одной бригадой на Сала, Пулково, действуя совместно с левофланговой бригадой 6-й дивизии. Другой бригадой демонстрировать на фронте Дубровка, Анненская, оба пункта включительно. Левофланговую бригаду направить в обход д. Анненской, атакуя противника в направлении на остров Сур-Саари и Кобыляки. 52-й полк подчиняется комбригу левофланговой 56-й дивизии.

Начдиву 56 использовать всю находящуюся у него в подчинении артиллерию, согласно ранее данных указаний, и все перегруппировки частей, постановку артиллерии на позиции, организацию связи наблюдательных пунктов закончить к 18 часам 23-го декабря.

22 дек. части армии приступили к перегруппировке.

На фронте обеих дивизий день прошел спокойно.

Учитывая неудачи декабрьских боев, командзап директивой от 22 декабря обращает внимание командармов 7 и 15 на необходимость флангового обстрела позиций противника нашей артиллерией в предстоящей операции, насколько это позволит боевая обстановка и условия местности.

До 27 декабря части армий продолжали перегруппировку, ведя на фронте редкую ружейно-артиллерийскую перестрелку.

Командарм 7, донося первый раз о готовности частей армии к 25 декабря, 24 декабря уже доносил, что части армии вследствие сильных морозов и переутомления будут готовы лишь к утру 27 декабря.

Таким образом, срок указанный командующим фронтом был пропущен.

Между тем, на фронте 15 армии (2 дивизия) противник 26 декабря, как бы предупреждая нас, сам перешел в наступление и нанес нам серьезный ущерб, лишив правый участок 2 дивизии всей артиллерии.

Обстановка диктовала немедленно перейти в наступление на всем Нарвском фронте, и командзап в 23 часа 50 минут 27 декабря приказывает не позже 12 часов 28 декабря перейти армиям в решительное наступление, причем 7-я армия должна начать операцию несколькими часами раньше 15-й армии.

В 1 час 50 минут 7 армией был отдан уже приказ, коим в 9 часов 30 минут назначалась артиллерийская подготовка, а за нею самое решительное наступление, с целью овладения Нарвой.

Но время было упущено и бои 28—30 декабря, стоившие нам больших потерь, не дали нам ничего.

Самая операция протекала в следующем порядке:

По плану операции начать действия должна была первой 56-ая дивизия, за нею 6-я, после чего ударная группа в составе 4 полков, действующая южнее железной дороги Ямбург—Нарва.

В 9 часов 30 минут на фронте 56-й дивизии началась артиллерийская подготовка, и части заняли исходное положение. Противник отвечал артиллерийским огнем, обстреливая наше расположение химическими снарядами. Около 13 часов 30 минут части дивизии перешли в атаку и к 17 часам подошли на 300 шагов к проволочным заграждениям противника.

6-я дивизия начала артиллерийскую подготовку в 10 часов 30 минут; части ее бросились в атаку на мызу Мариенгоф, преодолев проволочные заграждения. Противник сосредоточил сильнейший огонь по наступающим, и части залегли перед каменной стенкой мызы.

Ударная группа одной колонной в это время прошла острова Каско-Саари и Сур-Саари и двигалась в направлении д. Комаровка, другой колонной наступала от лесничества, что севернее Торбинка, на полумызу Карлово и находилась в полутора верстах от нее.

В итоге дня части 6-й и 56-й дивизий наткнулись на упорное сопротивление противника и после тщетных попыток овладения д. Сала, мыза Надеждино и мыза Мариенгоф отошли в исходное положение.

Ночь на 29 декабря на фронте армий прошла спокойно. Наша артиллерия вела редкий огонь по расположению противника. С рассветом части 56-й дивизии возобновили артиллерийскую подготовку, после которой три раза переходили в наступление, но каждый раз, встречаемые сильным пулеметным огнем, отходили в исходное положение.

29 декабря 6-я дивизия атаковала укрепленные позиции противника в районе д. Саркуль, но вследствие сильного огня противника принуждена была отойти в исходное положение.

На фронте 56-й дивизии шла редкая ружейная перестрелка.

30 декабря части армии продолжали наступление, но все наши атаки встречали упорное сопротивление противника и в результате, понеся потери, наши части были отведены в исходное положение.

30 декабря в 20 час. 15 мин. командарм 7 доносил: „Настойчивые атаки на д. Сала и мыза Мариенгоф успеха не имели и части, измо-

танные в конец, решил вывести из под огня бомбометов и минометов противника. Причиной неудачи, как и в течение текущего месяца, считаю недостаток тяжелой артиллерии, недостаток легких гранат и изношенность орудий легкой артиллерии, благодаря чему невозможно было ни разбить блиндажей, пулеметных, минометных и бомбометных гнезд, ни проделать достаточной ширины проходы в нескольких рядах проволочных заграждений. За истекший только день выбыло из строя 7 легких и 1 сорока-двух-лин. орудия, у остальных орудий из компрессоров течет жидкость, в силу чего артиллерия достаточной помощи без основательного ремонта дать не может. Пехота, атаковавшая в начале энергично, к концу дня совершенно изнемогла от упорства и огня противника и при полном почти отсутствии комсостава апатично лежала в проволоке, неся напрасные потери. Подтолкнуть ее, за полным отсутствием сильных резервов, было нечем. Левая ударная группа в составе 4-х полков, в силу оттяжки противником резервов в районе д. Сала, двигалась в начале без сопротивления, но выйдя к полотну дороги, наткнулась на опорные пункты, защищаемые бронепоездами противника, недавшими возможности выйти на северную опушку леса, и без содействия артиллерии продвинуться дальше не могла. Если проявить дальнейшее упорство на фронте д.д. Сала, Дубровка, Анненская к достижению желаемого прорыва этой сильно укрепленной позиции, то развить успех все равно не удастся, так как от полков остались лишь жалкие остатки, и в случае перехода к обороне части не в состоянии будут держать даже сторожевое охранение. Из сегодняшнего разговора с командармом 15 вынес впечатление, что и у него нет уверенности в обороне с целью привести полки, пришедшие в полное расстройство, в порядок, дабы иметь возможность успешно отразить попытки противника".

К этому времени политическая обстановка на эстонском фронте была такова, что, видимо, можно было ожидать со дня на день перемирия, так как командзап приказывал прекратить наступательную операцию в районе р. Наровы и перейти к обороне на избранных соответственно местным условиям рубежах.

По этой директиве армии должны были ограничиться ведением на фронте усиленной разведки, наблюдением за противником и выделять достаточно сильные резервы на важнейших направлениях, имея в виду с одной стороны очередной отдых войскам, с другой возможность своевременной поддержки боевой линии на случай перехода противника в наступление.

С этого момента Нарвскую операцию, собственно, надо считать законченной.

Армии, перейдя к обороне до 3 января, когда было заключено официальное перемирие, вели на фронте лишь разведку и редкую перестрелку.

Трофеи армий за все время были: 492 перебежчика разбитой армии Юденича, 1222 пленных, 47 пулеметов, 16 ор. и др.

Однако для полноты операции необходимо отметить и те события, которые явились ее следствием.

3 января с Эстонией было заключено оффициальное перемирие сроком на 7 дней, с тем, что при отсутствии поводов нарушения его одной из сторон, по окончании срока оно автоматически продолжается.

Не касаясь подробностей условий этого перемирия, факт этот имел решающее значение на судьбу, Юденича, и с этого времени переход к нам солдат и комсостава бывшей северо-западной армии принял массовый характер: так,—9 января на фронте 7-й армии было принято 1257 перебежчиков, 10 января—1120, а всего до подписания мирного договора (2 февраля)—7611 человек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В заключение нужно сказать, что Нарвская операция, ставившая своей целью разгром армии Юденича, совместными усилиями 7 и 15 армий, была выполнена, может быть, и не в той мере, как это предусматривал план, тем не менее положила конец существованию северо-западной армии противника, и установив добро-соседские отношения с Эстонской Республикой, тем самым прочно обеспечила за нами Красную Столицу—Петроград с запада, политическое и военное значение которого для нас более чем когда бы то ни было считалось огромным.

Выполняя вспомогательную задачу 7-я армия, конечно, не могла достигнуть сколько нибудь значительного тактического успеха на поле сражения в названной операции, но, находясь на кратчайшем направлении к Нарве, она, естественно, приковала собою большие силы противника и несомненно тем самым содействовала успеху 15 армии.

Относясь критически к этой операции, заслуги 7-й армии, конечно, уступают таковым 15 армии, но учитывая предшествующие события, неблагоприятно сложившиеся для ар-

мии (период Петроградской операции), когда панический отход к Петрограду от одного призрака противника, как это верно отметил в свое время тов. Троцкий, характеризовал в достаточной степени моральное состояние частей армии, приходится удивляться тем героическим усилиям, которые были проявлены частями армии спустя каких нибудь 1 $1/2$—2 месяца в ряде жестоких упорных боев за укрепленную позицию противника.

Эти усилия становятся еще более рельефны, если принять во внимание, помимо упорства противника, местность, на которой приходилось действовать войскам, состояние погоды и нашу бедность техническими средствами борьбы в сравнении с противником.

Сводя все недочеты, которые наблюдались в армии в течении операции, приходится отметить главные из них:

1) не совсем твердое руководство высшего командного состава, выразившееся с одной стороны в технике отдачи распоряжений, с другой—в отсутствии должной инициативы;

2) неподготовленность частей и комсостава к сложному бою за обладание укрепленной позицией, и

3) плохое взаимодействие пехоты и артиллерии.

Библиография.

Н. Шелавин.

Подготовка страны в инженерном отношении

(Воен. инж. Невский: „Вопросы заблаговременной подготовки страны в Инженерном отношении". Москва, 1920 г. Издано по расп. Нач. В. И. У. ж. И. К. № 13 от 15 Мая 1920 года).

Всякому военному, знакомому со стратегией, известно, что в прошлом человечества периодически повторялись военные идеи и формы. Каждый народ, начиная развиваться, безсознательно, последовательно проходил чрез все этапы военного искусства одинаково с более старыми народами и кончал одинаково с ними.

Изучение военной истории с глубокой древности до наших дней, дало возможность вывести один закон, одну „вечную истину": „для успешности военных действий необходимо наносить врагу сильные удары, выбирая наиболее чувствительные места, для чего надо сосредоточивать на театре войны, на поле сражения, в точке удара—наибольшие силы в решительную минуту".

Задача военного искусства—выбрать цель и направление удара, а затем обезпечить сбор сил к этому месту, жизнь их и деятельность.

Энергия, доведенная до высшего напряжения при соответствующей обстановке, для решительного удара—всегда была стремлением великих полководцев, умевших побеждать.

На заре своей жизни каждый народ легко развивал эту энергию, на склоне же, приближаясь к концу, к гибели, не мог проявлять никакой энергии, поэтому, отказываясь от инициативы действий, предпочитал пассивную оборону всему прочему.

Например: у римлян, в период упадка, появился военный строй—оборонительная когорта, окруженная метательными машинами; начали строиться укрепления, из за которых „пытались" стрельбой из лука победить противника.

Та же история говорит, что начинавшие в это время свою жизнь новые народы заимствовали от умирающего государства не эти „конечные формы“, а безсознательно вырабатывали свои военные идеи—энергичных ударов, совпадавшие, в общем, с идеями молодого Рима.

Этим об'ясняется, что военному искусству до сих пор можно учиться у полководцев древности: Александра Македонского, Юлия Цезаря и более новых времен: Наполеона, Суворова, Фридриха Великого. У всех у них основной принцип победы был один: „в решительный момент, в решительном пункте—сосредоточить превосходные силы и нанести врагу энергичный решительный удар“ *).

В начале последней войны этот принцип ясно сквозил во всех боевых операциях союзников и германцев, но через год, как будто всюду, у всех сражавшихся замечается переход к пассивной обороне, но это только, как будто.

На самом деле, мы видим, что громадные оборонительные линии были нужны лишь для того, чтобы развязать руки для удара в решительном месте, для возможности сосредоточить в нем наибольшее количество войск. Державший в своих руках инициативу противник (то тот, то другой), делал эти удары, все время добиваясь успешного конца войны—т. е. разгрома живой силы врага.

Наш народ, как только стряхнул необходимость сидеть в укреплениях, безсознательно или сознательно принял прежнюю стратегию, старую тактику всех молодых народов и новую войну не захотел вести под знаком обороны. Небывалыми по длительности, порыву, энергии и прямо пожираемому пространству—ударами, он борется уже два года со всеми противниками молодой республики. Это не случайность—это исторический закон развития военного русского искусства.

Несмотря на высокое состояние техники средств поражения: чудовищные орудия, несущие смерть пулеметы, гигантские броневики, адские удушливые газы и струи огня, несмотря на поражение с неба и из под земли, на все эти ужасы войны, про которые предсказатели будущего, теоретики, всегда писали: народы в этом будущем не смогут драться из

*) Н. П. Михневич. Труды по стратегии и военной истории.

за развития техники средств боя,--наш народ все таки нашел силы, энергию, смелость -лезть напролом то в одном, то в другом направлении, бешенными натисками сметая противников, снабженных этими средствами гораздо лучше.

Заранее можно сказать, что так действуя, он доказывает свою жизнеспособность, убеждает, что ему далеко еще до гибели, что, наоборот, он только вступает на арену мира, как делатель новейшей его истории.

Вот это все упустил из виду автор „Вопросов заблаговременной подготовки страны в инженерном отношении".

Он забыл даже, что все время и школа, и боевая жизнь учили нас видеть в обороне только маневр для подготовки удара, а не самодовлеющую цель. Вся его брошюра трактует об обороне, как цели военных действий.

Из за этого основного заблуждения его проект вреден.

Он говорит: „все для войны", а думает: „все для обороны". Районы—у него олицетворение обдуманного отказа от энергичных победных действий против напавшего врага. Он горюет и сетует, что трудно заставить солдата вообще и нашего современного русского, в частности, сидеть в укреплениях и, что называется, отдуваться, получая плюхи то с одной, то с другой стороны от энергичного и подвижного врага. Он обижается на современного воина, что у того нет „упорства обороны", „упругости обороны", иронизирует над ним, якобы требующим при защите не „интересующего его кровно" участка и „тыловую и запасную и ряд прочих позиций, обезпечивающих хоть сколько нибудь отступление", что у того „невольно" является „излишняя враждебность и боязнь узлов, затрудняющих (?) контр-атаки, а также затрудняющих........быстрый уход с них".

Для упорной (но видимо не упругой.....) обороны он не прочь приковать, по примеру легендарных немцев, и нашего воина к орудиям и пулеметам.

Это, повторяю, основная ошибка, делающая весь труд автора „Вопросов" беспочвенным проектом, утопической мечтой почти штатского человека, оперирующего с идеями, фразами и словами, с целью убедить самого себя в том, что, повидимому, ему самому малопонятно и чуждо.

В одном месте (стр. 13) автор несколько оправдывается, говоря: „вот почему, касаясь заблаговременной подготовки

местности к обороне, мы, затрагивая вопросы общевоенные и вопросы общей обороны, освещаем их, главным образом, с интересующей нас стороны".

Если эту фразу истолковать, как об'яснение полного игнорирования в его труде роли в оборонительных операциях живой силы, перенесение всего ей свойственного на мертвые преграды, на укрепления, которые у него, как будто, живут и действуют, обороняя страну, то надо признать, что этот прием очень неудачный, запутывающий дело, вводящий в заблуждение читателя.

В чем же проект новой заблаговременной инженерной подготовки, предлагаемый автором?

Вкратце говоря, он предлагает все государство разделить на военно-промышленные округа—районы (стр. 17 и 18), которые заблаговременно во всех отношениях подготовить к сплошной, упорной, упругой и непрерывной обороне.

Способ определения границ этих округов чрезвычайно туманен. Автор предлагает при этом не руководствоваться „границами, языком, вероисповеданием, условиями и обычаями жизни", а „реальной силой": „общими интересами, жизненными условиями и определенным пространством" (стр. 6 и 7); далее (стр. 8) эти районы считает „производной от народности и занимаемого ею пространства", далее (стр. 15) пишет: „в определении района, мы признаки пространства и национальности стремимся совместить" и району ставит три условия: „связь духовная, промышленная и вполне ясная внутренняя политическая устойчивость", рекомендует (стр. 18) обращать при разделении на округа—районы главное внимание на политическую устойчивость, т. е. в настоящее время на самый неопределенный и быстро меняющийся признак.

Указание (стр. 18), что границы районов не соприкасаются, делает еще более невозможным представить себе организацию округов и значение промежуточных, не входящих в них, частей территории (разве только обозначенный противник).

„Район" автора, смутно выясненный в начале статьи („народность, достаточно однородную (?) и сплоченную, независимо от величины ее и границ.....будем называть пространственным термином—район"), в конце статьи определяется, как вероятный театр войны.

Что бы ни говорил автор про „народность—район“, про отношение жителей его к своей родной местности, к своему промышленному центру и т. п., но вероятные границы театра войны определяются, исходя из возможных и выгодных для нас или противника операций лишь после выяснения, кто будет этим противником, почему заблаговременно укреплять на все стороны районы - театры войны, при неопределенном противнике или в расчете на всякого противника, по трудности—невозможно.

Театры войны определятся одновременно с возникновением угрожающей обстановки и выяснением угрожаемых направлений.

Автор же только в зависимости от хода военных действий (т. е. от дальнейшей обстановки) предполагает обращать свои районы „в сплошную укрепленную позицию“ (стр. 40).

Это не обмолвка, так как далее (стр. 41) он пишет: „столь значительное развитие оборонительных работ на громадной площади района—уже было, но, к сожалению, далеко не в систематизированном порядке“......... „идею сплошного узлового укрепления мы считаем необходимым проводить вплоть до деталей укрепления“ и еще далее (стр. 51): „под прикрытием пограничной глубокой узловой полосы......необходимо планомерно и методично превращать внутреннюю площадь района в сплошную позицию, непрерывно увеличивая глубину пограничной полосы узлов“ и последний его вывод из всей статьи (стр. 51): „заложенная с самого начала идея сплошного укрепления, выразившаяся в заблаговременной подготовке, хотя бы бледно (частично—зачатками узлов) превратится в период борьбы, в действительность, знаменуя собой непрерывность, упорство и упругость обороны“.

Автор видит упорство обороны в устройстве нескольких рядов позиции, в увеличении их глубины. Укрепленный район прежнего типа (напр.: Варшава—Новогеоргиевск—Зегрж) он трактует, как сплошь укрепленную площадь.

По этому последнему, никогда не существовавшему типу, он строит свою оборону государства: он искренно заблуждается говоря, что ничего нового не вносит:—он вносит небывалое игнорирование маневра и принципа активной роли

войск в обороне, роли полководцев—т. е. всего того, на чем стоит военное искусство.

Правда, в истории есть нечто подобное по идее—Китайская стена, про которую строители думали, что она не пустит к ним чужестранцев, но в то время они быть может выбрали средство, вполне соответствовавшее жизненным условиям соседних кочевых народов, и всетаки имели целью уменьшить расход войск на оборону от их набегов и делали всего только одну стену, на угрожаемом направлении, а не покрыли весь Китай стенами.

Идеал же автора: вне зависимости от стратегического плана кампании (стр. 18—он говорит: направление возможного удара всегда придется учитывать, так как в единственном числе район не подразумевается), даже—от тактических соображений военно-начальников—строй повсюду в районе позиции, а в государстве—районы, китайские стены, и их защищай—постепенно, непрерывно, упорно, упруго.....

Автор даже маленькой роли не отводит активным действиям войск. По его мнению эти позиции будут защищать только „кровно в них интересующиеся" местные жители—милиционеры (стр. 14), всех же остальных, по его же доказательствам, будет невозможно заставить не уходить „с заданных точек" назад, не говоря уже о движении вперед на противника.

Разделяя сожаления о расформировании, как раз перед обороной крепостей, крепостных войск (стр. 13), вспоминая упорство их обороны, ссылаясь на привычку их к данной крепости" (исторически неверно, так как при упорных оборонах наших русских крепостей: Троице-Сергиевской лавры, Севастополя и, наконец, Порт-Артура защитниками были именно импровизированные гарнизоны), автор забывает, что сожалевшие указывали на необходимость продолжительного изучения крепости ее гарнизоном, необходимого именно для более успешного маневрирования, что при сложных современных фортификационных формах может оказаться невыполнимым для прибывших оборонять крепость полевых войск.

Все и всегда считали роль крепостей ограниченной стратегическим значением их для маневрирующей, опирающейся на крепость, армии, почему и пришли к заключению, что ча-

сти, связанные с этой именно армией внутренней связью, лучше выполнят свою ответственную перед ней задачу.

По ходу мысли автора естественное заключение другое: лучше всего прикрепить жителей к крепостям (районам), чтобы иметь гарнизоны, рождающиеся и умирающие в пунктах, для защиты которых они назначены.

Автор опять таки забывает, что позиции для войск, а не войска для позиций, не „преграду между двумя борющимися сторонами стремится создать инженерная оборона“, а усилить все на местности, с целью облегчить своей армии действия против врага, т. е. помочь той же активной деятельности войск.

Формы укреплений зависят от цели этой деятельности во всем ее об'еме или в частях на отдельных боевых участках. Игнорирование этого приводит автора еще к одному неправильному выводу, что центр тяжести инженерных сооружений в прежних укрепленных районах был перенесен с линии преград на площадь районов. Укрепленный район прежнего типа со всех сторон обеспечивал армию, внутри его находящуюся или снаружи на него опирающуюся, но опять таки зависило от характера действий этой армии и противника, какая сторона района, какая линия преград его, какая группа укреплений понадобится и будет иметь значение для этих действий армии.

Никогда площадь укрепленного района не „занималась укреплениями“ (стр. 6), а таковые только преграждали главные пути внутрь района на угрожаемых направлениях.

В районе, со „сплошь обороняемой площадью“, в лучшем случае, армия все равно воспользуется только известной частью позиций, нужной для ея целей, чего бы не настроил автор на этой площади, чтобы отличить свой район от обыкновенных линейных позиций.

Автор говорит в одном месте: „опыт войны показал ненадежность даже очень надежных преград, если живая сила . . теряла свою силу“ (стр. 9). Очевидная истина, что без войск позиция равна нулю, и почему на нее кто-то, по мнению автора, все-таки надеялся, считал надежной, непонятно.

Сам же он, видимо, надеется на свои позиции, совсем не считаясь даже с тем, откуда можно набрать такую массу войск, какую потребует оборона его районов.

Эти районы он изображает так: „центр—цитадель, окружающие его селы, деревни, усадьбы—форты, опорные пункты, передовые позиции“ (стр. 21). Защищаться будут только населенные пункты, линейные позиции,— как завесы (стр. 22). „На данную площадь надо смотреть, как на указанную природой готовую частичку сплошного укрепления. Укрепляться и обороняться будут там, где укажут имеющиеся силы и фактическое удобство“ (стр. 23). „Любовь к своему месту и плодам трудов своих“ гарантируют устойчивость обороны тех узлов, опорных пунктов и позиций, которые расположены в действительно родных местах“ (стр. 23). „Естественная связь—соседская дружба. Прибывающие посторонние силы подчинятся воле защитников“ (стр. 23).

Сколько понадобится войск для обороны всех в районе позиций, если даже они будут заниматься по очереди, постепенно, по прежнему отходя с занимаемых своих родных мест в тыл на „чужие“ позиции? Указание автора, что укрепляться будут там, „где укажут имеющиеся силы, фактическое удобство“—относится уже к периоду именно этих отходов, когда выяснятся силы, в первый же период при заблаговременных работах, количество сил может быть подсчитано лишь по „статистическому сборнику“, плану мобилизации, но автор нигде не рекомендует этого подсчета, а стремится на всякий случай покрыть весь район, всю его площадь укреплениями или остовами укреплений.

Что же хочет сделать автор со своими районами, покрыв их заблаговременно укреплениями, и обороняя эти укрепления и строющиеся вновь местными жителями-милиционерами, имеющими живую связь, реальную, с театром войны (районом), понимающими грозящую опасность и близко заинтересованными в судьбе укреплений, поэтому упорно и героически их защищающими (стр. 17 и 18), трудно сказать при полной несогласованности размера позиций с числом войск и такой организации.

Но что произойдет с ними, когда против наступающей организованной армии, окажутся в разбросанных по всей территории района, в родных местах, группы милиции, легко вообразить: все настроенное обратится во вред своей стране, будучи захвачено в самом начале.

Разнообразие возможных направлений, ударов при за-

благовременном укреплении всей площади района, приведет к тому, что большая часть сооружений и укреплений окажутся вполне соответствующими направлениям, выгодным для противника, как бы приготовленными для него.

Нет, ныне приведение в оборонительное состояние театра войны является делом полевых штабов и впредь будет их делом, настолько оно должно быть гибким и согласованным с планом операций. Только эти штабы смогут стратегически и тактически правильно и обоснованно решать такие задачи, в связи с общей обстановкой на театре войны.

Таким образом, никакого „простора для развития самостоятельной и узловой обороны" нельзя заблаговременно дать инженерной обороне (стр. 27), но против накопления местных рессурсов, изготовления их, изучения средств связи, местных условий,—как элементов заблаговременных работ по инженерной подготовке, не могущих содействовать врагу,— ничего нельзя возразить, и они должны быть развиты вместе с созданием плана их обеспечения от неожиданного нападения. По этому плану активных или пассивных действий могут быть построены заблаговременно позиции, укрепления, и даже, если надо, крепости.

Точно также должны быть наготове и кадры живой силы защитников, обученных и воспитанных так, чтобы защищали не свою шкуру и плоды своих трудов, а идею своего правительства, стоящих всецело на его стороне и готовых кровью защищать свой современный строй, как от внешних нападений, так и от внутренних восстаний членов федерации.

„Бездеятельно стоять на позициях в периоды затишья боевых действий" (стр. 28) не придется никому, как не приходилось до сих пор при правильной обороне-маневре. Видимое бездействие было всегда содействием активной работе других частей войск, стоянием на часах на важном посту и, если в это время автор находит возможным разрешить воинам (каждому в отдельности) заниматься своим постоянным трудом и производить все нужное для потребления на войне, то это утопия.

Добавлю еще, что предлагаемая автором организация статистики, как об'единяющая все нужные для военного дела сведения в одном статистическом управлении округа, очень

желательна и полезна для разработки операций в данной местности, но выполнимо ли при нашей общей разрухе издание периодических, действительно точных, справочников, более чем сомнительно. Много надо поработать по организации этого дела. Даже у систематичных немцев оно не дошло до издания таких всеоб'емлющих сборников.

Необходимо еще остановиться несколько на примере плана обороны района, приведенном автором (стр. 35—43). Он должен был иметь ценность не отвлеченную, так как (на стр. 36) автор говорит: „руководствуясь данными разведки (статистической), мы можем составить предположение о вероятных боевых действиях на данном участке, всячески используя в своих выгодах местные условия, применяя к ним план своего противодействия".

Но, предвосхищая работу полевых штабов, предполагая возможным все предусмотреть заранее, автор стремится об'ять необ'ятное.

Весь этот пример, поэтому, стал бы тоже утопией, несвязанной с пространством и местными условиями (законченного плана обороны и плана возможных работ составить нельзя, не зная своих сил, не зная времени, когда понадобятся сооружения, и обстановки, которая тогда будет), но автор свел вопрос к решению только одной задачи: к конкретной обороне района от внешнего противника, наступающего с запада и юго-запада и покрыл узлами только половину района (угрожаемую).

Верно считая, что „в зависимости от времени, местных условий и рабочих средств района, общее число и величина узлов, а также развитие позиций между узлами будет изменяться согласно хода военных действий", он говорит далее: „стремясь достигнуть превращения всего района в сплошную укрепленную позицию" и опять возвращается к утопической идее, никогда в жизни неосуществимой.

Заблаговременные работы автор считает возможным провести во всех узлах, „так как при таком расположении их (по всему району) вероятное направление удара не может играть роли". Все узлы (площади) разбиваются на важные и второстепенные, опять таки вне зависимости от действий противника—исключительно по их собственным особенно-

стям: важные—по стратегическим, а второстепенные—по тактическим—„в смысле тактических преимуществ“.

На важных участках (стр. 48), ранее все время называемых районами-площадями, предполагается заблаговременно, кроме заготовки карт, описаний и расчетов мобилизационных работ, построить „в важнейших местах убежища долговременного типа (в менее важных—заготовить материалы), основания для орудий в избыточном числе, пути сообщения, связь, склады материалов и припасов, часть препятствий и фланкирующих построек“, т. е. крепости прежнего типа, но без стрелковых позиций.

Сколько же таких крепостей понадобится? Автор сам боится их изобилия и смягчает остроту возражения тем, что военные постройки частично предоставляет населению использовать в обыденной жизни.

Второстепенные участки предполагается укрепить слабее: для убежищ заготовить материалы, но чтобы они не портились и не расхищались „может оказаться более экономичным сделать постоянные убежища“, число оснований для орудий сократить, количество препятствий сократить или упростить их. Остальное одинаково с важными участками.

Между прочим, автор указывает „в пространство, занимаемое важными участками могут входить второстепенные участки“ (стр. 49), что трудно согласовать с ранее им сказанным: все узлы и позиции, намеченные к укреплению, разобьем на важные и второстепенные.

В общем, до об‘явления войны. все настроенное замаскировано и находится в частном пользовании у жителей, на которых же возлагается после об‘явления войны в 1—2 дня (?) построить окопы, дополнить искусственные препятствия, установить вооружение и занять (?) вырытые окопы. Какая для этого должна быть наготове широкая и могучая организация?!

„Следующие дни первых недель—развивать работы, включая в свой состав прибывающие резервы“.

Вот к чему привело автора стремление решить все за штабы: все занимают окопы и ждут противника, а последний в это время может делать, что захочет, где захочет и как захочет, а автор все превращает и превращает внутреннюю площадь района в сплошную позицию, сажает в нее мест-

ных жителей и резервы, „непрерывно увеличивает глубину пограничной полосы узлов. Это вполне возможно...“

Точно нарочно в статье даже мелочи трактуются все время диаметрально-противоположно общепринятым взглядам. Например: (стр. 35) „Вообще несколько мудрено, рискуя жизнью, защищать отвлеченный предмет“. Разберите, что мудрено?

В пояснение приводится пример (совершенно неподходящий) о солдате, „поставленном на оборону участка и думающем не о нем, а о сравнительной силе разных позиций“.

Ничего понять нельзя: самая же посылка в корне неправильна: жертвуют даже, а не только рискуют жизнью люди всегда, защищая, именно, отвлеченную идею.

Таких посылок и странных выводов рассеяно по книжке очень много,—они затемняют смысл и затрудняют простое чтение: ожидаете естественного конца фразы, но не тут то было, вместо него самый неожиданный оборот сбивает вашу мысль с рельс и ведет ее в дебри за автором.

Слог автора тоже такой, что надо крайнее напряжение внимания, чтобы уследить, что хочет сказать автор. Так не пишутся научные труды: научная мысль должна быть выражена точно, без туманных оборотов, которыми изобилует книжка тов. Невского.

Из за этих туманностей трудно разобраться даже в главных идеях автора, в основе его проекта.

Чтобы не быть голословным, привожу в пример бросающееся в глаза на первой странице вступление:

„Мы не претендуем на какое либо новшество в высказываемых мыслях, так как стремились уловить только естественный ход жизни и научных требований; не собираемся создавать нового проекта укреплений, так как подобное действие можно совершать только на вполне известном реальном предмете“.

Трудно понять вообще, что хотел сказать автор своей книжкой, а после такого его пояснения еще труднее. *)

*) **Примечание редакции.** *Редакция не разделяет в целом мнение автора этой критической заметки тов. Шелавина, так как считает, что хотя брошюра воен. инж. Невского страдает поверхностью изложения, тем не менее, обнаружи-*

вает в авторе известную изобретательность и способность к научному анализу, и сама по себе написана довольно оригинально и последоват льно. Критическая заметка тов. Шелавина также страдает значительным промахом, так как совершено не критикует брошюру Невского, как не предусматривающую случая социалистической войны, хотя и написанную для нашего времени и нашего социалистического государства.

Этот недостаток вместе в недостатком, подмеченным тов. Шелавиным—бесконечная пассивность—и делает теорию Невского несостоятельной, как не имеющей под собой почвы.

Вопросу о роли милиционной армии и обороны в социалистической войне редакция посвятит социальную статью в одном из следующих номеров нашего журнала.

Редактор: Редакционная коллегия.

Важнейшие опечатки.

Страница:	Строка сверху:	Строка снизу:	Напечатано:	Следует читать:
6	—	6	формировоние	формирование.
7	—	14	зянять	занять.
9	8	—	Многне	Многие.
10	—	13	представителяли	представителями.
13	13	—	сцециальностям	специальностям.
13	—	17	верности	важности.
14	3	—	каждыи	каждым.
16	—	5	сосоять	состоять.
18	—	14	связаными	связанным.
19	—	11	влан	план.
23	—	12	призвать	признать.
34	1	—	утончить требованая	уточнить требования.
44	17	—	и кругооборота	кругооборота.
44	20	—	свсей	своей.
47	12	—	инжерерную,	инженерную.
50	13	—	облическами	облическими.
52	12, 21, 25, 29, 32,	—	канониров	капониров.
60	—	13	индувиальному	индивидуальному.
63	8	—	утвердить	утверждать.
65	1	—	М. Волчанецикй	М. Волчанецкий.
77	14	—	образцовым	образцовыми.
77	15	—	достойным	достойными.
89	2	—	экземплпяру	экземпляру.
94	10	—	соотствующим	соответствующим.
96	3	—	д. Гритычина	д. Притычина.
99	—	9	постановки	постановки задач.
105	14	—	оборудованю	оборудованию.
105	—	15	комбатов 4-й	комбата 4-й.
132	—	15	артиллерий	артиллерией.
134	6	—	увензалось	увенчалось.
161	8	—	в недостатком	с недостатком.
161	—	3	социальную	специальную.

СО ВСЕМИ ТРЕБОВАНИЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ ПО АДРЕСУ:
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ УПРАВ. ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕД. ЗАПФРОНТА.